

БЕЗ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ¹

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

*Публицистика разных лет:
очерки, материалы, журналистские расследования*

Судьба вольнодумца
очерк о З. С. Мишине, члене I-й Государственной Думы 5

Операция «Почтовый вагон»
очерк о Л. И. Проминском, известном социал-демократе 10

Слово о главном счастьее
журналистское расследование, посвященное В. А. Ролдугину, выпускнику первых московских пулеметных командных курсов 14

Тайна трех выстрелов
очерк о С. Н. Батулине, крупном деятеле большевистского движения на Ставрополье, очевидце покушения на В. И. Ленина 19

Хитрость Максима Горького
материалы о семье Б. А. Лопатина, социал-демократа, племянника Г. А. Лопатина 23

Дипкурьер Корчагин
очерк об А. М. Корчагине, первом советском дипломате в Греции 26

Секрет военного снимка
журналистское расследование, посвященное установлению личности с легендарного военного снимка И. М. Шагина «Политрук продолжает бой» 29

Вдали от Родины
очерк о подполковнике Е. И. Ермакове, командире дивизии, участвовавшей в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии 38

Задание особой важности
очерк о Т. И. Салиеве, ответственном за обеспечение безопасности Ялтинской Конференции в 1945 г. 41

Испытание прочности

---

¹ Христинин Ю. Без права на забвение: история Ставрополя в лицах и документах: сб. очерков. — Кемерово, 2017.

очерк о сержанте-сапере И. Д. Николаенкове, человеке удивительной воли и мужества 44

Уточнение к биографии

очерк о легендарном генерал-лейтенанте И. Л. Хижняке 53

Маршал и его дочь

очерк о маршале Советского Союза Г. К. Жукове 56

Повести и отдельные главы из книг

Бессрочный каторжник

повесть о социал-демократе Г. А. Попко 59

Сестра милосердия

главы из одноименной книги, посвященной подвигу сестры милосердия Р. М. Ивановой, Георгиевского кавалера (1915 г.). 66

Путь старого парохода

главы из книги «На рейде "Ставрополь"» о спасении экспедиции Р. Амундсена в 1919 г. 79

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды я сказал ему:

– Хочешь, могу дать тебе рекомендацию в Союз писателей. Ты ведь автор нескольких книг, не одной сотни очерков...

Он недоуменно посмотрел на меня:

– А зачем? За свой журналистский труд я наградами не обижен. Спасибо. Я репортер, им и останусь.

*Вадим Чернов
писатель, член Союза писателей СССР*

Юрий Христинин (1942 – 2008) – известный российский журналист, писатель и краевед, автор одиннадцати книг, член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РСФСР. В книгу «Без права на забвение» вошли очерки и статьи, написанные в 1970-1990-е гг. и опубликованные преимущественно в газете «Ставропольская правда», в которой автор проработал без малого четверть века. За эти годы им были проведены множество историко-краеведческих исследований, результатами которых становились очерки, сценарии или исторические романы. Показательным является материал «Секрет военного снимка», который представляет собой итог семилетнего расследования (1974-1981) о том, кто изображен на известном снимке «Политрук продолжает бой» (на фотографии, сделанной в 1943 году Иваном Шагиным на подступах к Риге, запечатлен житель Георгиевска Михаил Иванович Калинин). Каждое из этих исследований со всеми документами – вырезками из газет, фотографиями, письмами и запросами в архивы – до сих пор хранится в обширном личном архиве Юрия Христинина, и именно эта систематичность, с которой он подходил к работе журналиста, и позволила сейчас подготовить издание с уникальными материалами.

Для современного читателя эта книга в чем-то сродни «машине времени»: она позволяет перенестись в другую эпоху, в которой и темп жизни, и представление о журналистике и о средствах массовой информации, и восприятие печатного текста вообще – все было совсем иным. Для создания одного только материала следовало потратить немало времени на официальные запросы, которые отправлялись тогда, разумеется, только по почте. Юрий Христинин не раз обращался за экспертизами к криминалистам, не только ставропольским, но и московским, постоянно сотрудничал с московскими, ленинградскими и ставропольскими архивами. Помимо этого, для создания очерка нередко требовались интервью с людьми, которые жили не только по всему Северному Кавказу, но и в разных частях огромной страны. Если представить, что основным инструментом его работы была печатная машинка, а основным источником эксклюзивной информации – собственные поездки и почтовая переписка, то количество времени, которое затрачивалось на создание одного материала, человека нынешней, информационной, эпохи повергло бы в шок.

И сами тексты, без сомнения, несут на себе печать времени, для которого чтение газет было важной и неотъемлемой повседневной практикой. Читатель может обратить внимание на особую кинематографичность стиля Юрия Христинина: он умело сочетает описания с диалогами, держит интригу, постоянно переключает читательское внимание, словно работает кинокамерой. Этот навык удержания внимания читателя, к сожалению, исчезает в современной журналистике, в которой, при всей ее мультимедийной оснащенности, нивелируется ценность текста – и, как результат, исчезает удовольствие от чтения. Эти очерки могут показаться современному читателю слишком художественными для журналистики – ведь сейчас мы совсем иное имеем в виду под словом «репортер». Тем более интересно погрузиться в атмосферу недавнего, в общем, прошлого, когда волна под названием «информационное общество» еще не накрыла с головой русскоязычного читателя.

Иными словами, идея издать эту книгу, не в последнюю очередь, родилась именно из размышлений о том, насколько за последние 30-40 лет трансформировалось наше общество, изменилась информационная среда, а с ними – и социальная роль журналистики, ее жанры, стилистика и методология. Для создания одного материала Юрий Христинин мог потратить недели, месяцы и даже годы, а меж тем выходил он всего однажды (!), в ежедневной газете, которую теперь можно найти лишь в архивах. Тем более важно сохранить этот гигантский и самоотверженный труд по заполнению «белых пятен» в истории Северного Кавказа и Ставрополья, труд, давший интереснейшие плоды. Поэтому в данной книге собраны результаты наиболее важных и трудоемких исследований в карьере Юрия Христинина, которого за его служение коллеги называли «ставропольским дядей Гиляем» – сравнивая его со знаменитым Владимиром Гиляровским.

Юрий Христинин работает, в основном, как создатель микроистории, то есть исторического нарратива, в центре которого стоит судьба отдельного человека. Но «большая история», тем не менее, постоянно присутствует в его текстах: они повествуют не только о Ставрополье, они рассказывают об истории России, СССР, стран социалистического лагеря – и география очерков очень обширна: Москва, Ялта, Анадырь, Рига, Будапешт, Афины... Героями очерков становятся люди, принадлежащие к разным социальным слоям и профессиям, придерживающиеся различных идеологических воззрений, чьей родиной стал Ставропольский край. Это народовольцы (Г.А. Попко, Д.А. Лизогуб, Г.А. и Д.А. Лопатины), член Государственной думы (З.С. Мишин), социал-демократ (Л.И. Проминский), видный военачальник (генерал Е.И. Ермаков), простые солдаты (В.А. Ролдугин, М.И. Калинин, Т.И. Салиев, И.Д. Николаенков), сестра милосердия (Р.М. Иванова), дипкурьер (А.М. Корчагин). В книгу также вошли материалы о людях, известных не только в России, но и за ее пределами, оставивших в истории Ставрополья и в памяти ставропольчан неизгладимый след (А.М. Горький, Г.К. Жуков, И.Л. Хижняк). Несмотря на то, что тексты зачастую посвящены людям с непростой судьбой, прошедшим через тяжелые жизненные испытания, очерки Юрия Христинина наполнены жизнеутверждающей силой. Чего стоит один только очерк «Испытание прочности» – рассказ о чуде выжившем сапере Иване Николаенкове, который сумел победить свою инвалидность.

Публикуемые материалы сгруппированы в два раздела. Разделение это условно, поскольку тематически и стилистически они близки и тяготеют к основному для автора жанру исторического художественно-документального очерка.

Первый из них включает публицистику разных лет, то есть статьи и очерки, публиковавшиеся, в основном, в газете «Ставропольская правда». При знакомстве с ними надо учитывать, что эта газета была официальным партийным печатным органом, и, конечно, определенное внимание к идеологии было обусловлено как самой эпохой, так и местом публикации. И все равно, даже в очерках, которые, казалось бы, в силу своей тематики, неизбежно должны были быть написаны по идеологическому канону, видно, как умеет Юрий Христинин захватить внимание читателя, вызвать у него сопереживание и интерес к героям, увлечь захватывающим, порой даже детективным сюжетом.

Второй раздел содержит материалы, издававшиеся как отдельные книги, либо главы из таковых. Это повесть «Бессрочный каторжник» и отрывки из книг «Сестра милосердия» и «На рейде “Ставрополь”». В этих текстах видно, что Юрий Христинин умело работает не только в публицистическом, но и в художественном жанре. По сути, соединяя историю Ставропольского края и традиции русского исторического романа, он создает отдельный, «ставропольский текст» в русской литературе.

Юлия Камаева

*Публицистика разных лет:
очерки, материалы, журналистские расследования*

Опубликовано в газете «Ставропольская правда»

14 декабря 1988 г.

Написано в соавторстве с Н. Дикаловой.

СУДЬБА ВОЛЬНОДУМЦА

*Мы должны сказать Мишину и ему подобным,
что требование передачи земли в казну выражает,
хоть и очень плохо, чрезвычайно важную
и полезную для крестьян идею.*

В. И. Ленин

Стокгольм конца апреля далекого 1906 года. Тяжелая, удушливая атмосфера, царящая в России после поражения декабрьского восстания, наложила свой отпечаток и на работу IV съезда РСДРП. Преобладают меньшевики – их 62 против 46 большевиков. Объясняется данная ситуация просто – большевистские организации мест, где все еще жарко полыхает пламя восстания, не смогли прислать своих представителей: путь в Стокгольм – не прогулка на пикник, он долог, труден, опасен. А речь на съезде – о самом насущном. Аграрный вопрос, текущий момент, отношение к Государственной думе...

Да, здесь тоже кипит схватка – схватка идей, битва за будущее. И возглавляет ее Владимир Ильич Ленин. Он яснее других видит, что аграрно-крестьянский вопрос в состоянии разрешить лишь полная национализация всей земли, которая может стать только следствием свержения царизма. Меньшевики считают иначе: к чему, вопрошают они, хвататься за оружие, проливать бесценную народную кровь? К чему все это, если к желаемому результату можно прийти мирным путем – передав помещичьи земли в местные органы самоуправления, у которых крестьяне и будут арендовать ее за соответствующую плату.

Часы отсчитывают время, все сильнее кипят страсти, один оратор сменяет другого, а только что сошедший с трибуны вновь требует слова... Сейчас мы понимаем – вопрос, в принципе, стоял о самом главном – быть или не быть пролетарской революции в России. Разобраться в нем дано не всем. Даже часть большевистских делегатов, к примеру, И. В. Сталин и С. А. Суворов, придерживались отличной от ленинской точки зрения, защищая требования раздела помещичьих земель и отдачи их в частную собственность крестьянам. Не случайно их программу Ленин считал не вредной, но ошибочной, ограничивающей размах революционного движения.

Нелегко, ох как нелегко было разобраться во всем этом даже профессиональным экономистам и политикам! Многие возлагали надежды на Государственную думу: она, дескать, даст крестьянам реальную власть в стране, она поможет ей выйти из тупика, в который та вдруг уперлась всей своей сущностью... И потому так дорого делегатам буквально каждое слово по этим проблемам, исходящее из уст тех, кто сам обрабатывает землю, удобряя ее собственным потом.

...С заключительным словом по аграрному вопросу на съезде выступает Ленин.

– Выставляемый мною проект национализации, – говорит с уверенностью он, – обусловленный полным обеспечением демократической республики, дает как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитаторам, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и, в частности, именно республиканской пропаганды. Крестьянин Мишин, например, который избран депутатом в Думу от ставропольских крестьян, привез наказ от выборщиков, напечатанный полностью в «Русском государстве». В этом наказе требуется

и отмена земских чиновников, и устройство элеваторов, и передача всех земель в казну. Требование такой передачи есть, несомненно, реакционный предрассудок, но это требование мы должны не просто отбросить, как вредный предрассудок, мы должны «зацепиться» за него, чтобы истолковать Мишину и ему подобным, как обстоит дело по существу. Мы должны сказать Мишину и ему подобным, что требование передачи земли в казну выражает, хоть и очень плохо, чрезвычайно важную и полезную для крестьян идею. Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет полезна им исключительно тогда, когда государство станет вполне демократической республикой...

Остановимся на этом месте. И задумаемся, почему именно печатно обнародованная программа какого-то никому не известного ставропольского крестьянина вдруг привлекла особое внимание Ильича. Не потому ли, что, помимо отмеченного в выступлении предрассудка, оправданного небывалой темнотой и забитостью народных масс, Ленин не мог не заметить в целом очень и очень положительного явления – выхода на арену политической борьбы человека «от сохи», исконно русского землепашца, мнение которого в значительной степени отражало мнение большинства крестьян?

Само собою разумеется, захотелось разузнать побольше о личности названного Мишина, о его «программе», что оказалось делом не особенно простым, потребовавшим немалого времени.

В книге «Первая Российская Государственная дума», увидевшей свет в 1907 году, мы нашли кое-какие сведения о Мишине. Имя и отчество – Захар Степанович. Возраст – 40 лет. Облечен доверием общества – волостной старшина из села Ладовская Балка Медвеженского уезда (ныне – Красногвардейский район). С портрета смотрят на нас не улыбочивые строгие глаза. Не из тех ли, чего доброго, старшин, которые в угоду власти имущим драли три шкуры со своего же бедняка-крестьянина, облагая при каждом удобном случае штрафами? Или, в самом деле, можно поверить словам, которые обронила о нем газета «Пятигорский листок» 14 апреля 1906 года: «Судя по наказу Мишин – человек прогрессивных взглядов»?

***

Разные события со временем можно и толковать по-разному. Мнение людей подвержено переменам, но неизменным всегда остается язык документов. И потому для всякого, кто в какой-то мере интересуется прошлым, совершенно необходимо знакомство с первоисточниками, самое тщательное их изучение. Один из них нам уже назвал Владимир Ильич – газета «Русское государство». Ясно: начинать – только с него, что нам удалось сделать с помощью работников ленинградской Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. И вот он, желанный «Наказ» перед нами, снабженный строгой авторской ремаркой: «Наказ этот выборщиками должен быть передан тому лицу, кто будет избран членом Государственной думы». Уже по ней понятно: Мишин «со товарищи» работали над документом не один день, стремясь довести его до совершенства, не упустить ни единого сколько-нибудь важного вопроса. Понятно и другое: в период работы Мишин не предполагал, что придет день, и он сам станет одним из членов крестьянской курии Думы. Иначе к чему указание о передаче документа тому, «кто будет избран»?

Но давайте перелистаем страницы «Наказа».

«Прежде всего, на заседании Государственной думы потребовать для каждого члена Думы полной свободы слова и неприкосновенности личности, т.е. чтобы за все то, что будет в Государственной думе, никто из членов ее пострадать не мог.

Первый вопрос в Государственной думе должен быть о земле, и решить его желательно следующим путем:

Все земли как государственные, казенные, удельного ведомства, монастырские, церковные, инородческие – кочевого населения, так равно и частновладельческие

отобрать в казну, первые – безвозмездно, а последние (частновладельческие, приобретенные покупкой) – с вознаграждением от казны по особой справедливой оценке...

Землю передать в руки тех лиц, кто всегда занимается обработкою ее, и земля должна быть наделяема не каждому лицу в отдельности, а общинам, с предоставлением права пользования ею по обоюдному согласию всей общины, а не так, как было бы желательно пользоваться каждому члену общины в отдельности.

Земля не должна принадлежать никому на правах собственности, а потому отчуждать ее каким бы то ни было путем не должен никто...

Все прямые налоги, как то: выкупные платежи, государственный поземельный налог, земский сбор и т.п. и косвенные налоги на предметы первой необходимости – должны быть упразднены и заменены прямым прогрессивно-подходящим налогом, т.е. каждый должен платить за расходы государства, смотря по достаткам и получаемым доходам, богатые должны платить больше, бедные меньше, а ничего не имущие от платежа должны быть избавлены совсем».

Целая программа действий, состоящая из великолепнейшего сочетания дерзости и наивности, стремления передать землю «в руки лиц, кто ее обрабатывает» и слепой надежды на то, что добиться этого можно путем реформ «сверху»! Но, скажем прямо, для нас, современников, первое сейчас куда важнее второго, ибо, как уже говорилось, в ситуации, сложившейся в стране, разобраться было не под силу не только Мишину, но и людям, куда более искушенным в политической жизни, и, наконец, куда более грамотным. А потому давайте почитаем дальше, и убедимся сами, что у Захара Степановича хватило мужества даже в той страшной обстановке открыто поднять голос против многого, на чем зижделось полицейское государство, в том числе и против его святая святых – религии и ее служителей.

«Волость должна быть всесловной, и все служащие должны быть избираемы ...населением и быть в полной зависимости от него: жалованье же должны получать, как указано в предыдущем пункте, от казны.

Все население Российской Империи должно пользоваться одинаковыми правами, и каждый человек, живущий в России, должен считаться гражданином.

Институт земских начальников, как вовсе ненужный, желательно упразднить, чем и сократится расход государства на содержание их.

Образование должно быть доступно для каждого, как богатого, так и бедного, и все население должно получать образование от низшего до высшего, как общее, так и техническое, по разным отраслям по способностям.

Крестьянам, как и лицам других сословий, должен быть открыт доступ ко всем должностям в государстве от низших до высших, смотря по способностям и достоинству каждого.

Желательно, чтобы все духовенство никакою землею не пользовалось, а существовало бы исключительно на получаемое жалованье.

В каждом населенном пункте или известном районе открыть особые элеваторы для хранения запасов хлеба и выдачу под этот хлеб от казны ссуд до установления хороших цен на этот продукт, чтобы разные перекупщики не могли, пользуясь нуждою и темнотою населения, скупать хлеб за бесценок...

В каждом населенном пункте устроить за счет казны особые благотворительные учреждения, как то: богадельни, детские приюты, лечебницы и т.п.»

Вот таким видел ближайшее будущее своей страны крестьянин из глухого, забытого богом и людьми ставропольского села Ладовская Балка!

***

В восемь часов утра 16 июля 1906 года к зданию волостного правления в Ладовской Балке подкатила одноконная скрипучая телега. Из нее на землю спрыгнул среднего роста русобородый мужчина, и, привычно набросив поводья на кол забора, решительным шагом направился в дом. Это был вернувшийся из Петербурга на родину теперь уже бывший депутат бывшей Думы, разогнанной царским правительством, Захар Мишин.

Его появлению здесь предшествовал секретный циркуляр, о содержании которого можно догадываться по заметке, неосторожно появившейся в газете «Пятигорье» 11 июля.

«Редактором газеты получена следующая бумага: “Временный генерал-губернатор Терской области телеграммой от сего числа уведомил меня, что им строго воспрещается обсуждение в редактируемой Вами газете «Пятигорье» вопросов о роспуске Государственной думы, как акт высочайшей воли, не подлежащий критике и обсуждению в печати. Сообщая об этом, прошу выполнить изложенное требование, и независимо от сего по выпуске каждого № газеты, один экземпляр ее тотчас присылать мне для просмотра. Остальное же положенное число экземпляров высылать, как и было прежде. За атамана отдела полковник Титов”».

С чем же пожаловал в волость Мишин, какие цели преследовал его визит? К счастью, об этом мы можем узнать, как говорится, из первых рук: на следующий день Захар Степанович направил в редакцию газеты «Северокавказский край» письмо, которое мы решили привести здесь с некоторыми сокращениями:

«Я... просил старшину разрешить мне сделать доклад народу о роспуске Государственной думы. Меня моментально окружила толпа народа – свои жители и иногородние – и стали спрашивать меня, на каком основании распущена Государственная дума. Не успел я разъяснить, как мне в ответ послышалось: «Мы вас избирали и вам верили и просили добиться народу земли, воли, полной амнистии: казенной, удельной, кабинетской, монастырской, церковной; просили добиться свободы слова, печати, собраний, союзов и пр. Мы ждали от вас наделения землею безземельных и малоземельных, требовали добиться образования всех на казенный счет, заставить министерство правительственное уйти в отставку и избрать его из среды Государственной думы, и во всем этом правительство отказало и не хочет ничего дать бедному народу.

Более часа я слышал только крики негодования и недоверия к правительству, с тем народ и разошелся...

18 июля я прибыл в г. Ставрополь и обратился к полицмейстеру о разрешении мне сделать доклад народу в городе о роспуске Государственной думы, но в этом губернатором и полицмейстером мне было решительно отказано ввиду того, что среди народа сильное брожение, которое может кончиться столкновением. Вследствие этого мне лично говорить с народом не пришлось, а потому я выскажу несколько слов письменно.

Государственная дума прекратила свою работу потому, что она требовала от правительства закона и правды, требовала отобрать земли... и наделить ими трудящийся народ. Государственная дума прекратила свою работу потому, что хотела дать народу свободу слова и печати, свободу собраний, союзов и стачек; потому что она требовала для народа образования на казенный счет, требовала дать полную амнистию, отменить смертную казнь, не давать духовенству новины (плата за совершение того или иного обряда – авт.), отобрать земли и назначить им умеренное жалование, построить побольше больниц и дать по селам врачей; потому что требовала удаления Государственного совета, который стоит между царем и народом, и устранения старого Министерства... Дума хотела проверить расходы и приходы правительства и

сократить всем министрам и правительственным чиновниками получаемое ими непомерно высокое жалование; Государственная дума прекратила работу потому, что требовала сокращения военной службы солдатам и улучшения тяжелой жизни нижних чинов. Одним словом, потому что хотела выволить бедных трудящихся людей и взамен этого хотела дать лучшую жизнь и полную свободу русскому гражданину. И вот со всем этим жалко правительству расстаться...

Теперь, уважаемые избиратели и все граждане, выяснивши положение дел и невозможность для народных представителей бороться с правительством, вы, граждане, добивайтесь правды, земли и свободы собственными силами!»

***

Упрямец, как видно, в меру своих сил и возможностей стремился продолжать гласную борьбу за народные права, никак не желал угомониться. Чего добился?

Об этом сообщил своим читателям все тот же «Северокавказский край»:

«Канцелярия губернатора через чиновника особых поручений отобрала вчера от владельцев типографий, печатающих газеты, подписку о том, что они не выпустят в свет... воззвания к населению бывших членов Государственной думы».

И здесь, наверное, вполне уместно сказать, что Мишин – не единственный член Государственной думы от Ставрополя. Был, к примеру, еще и писарь из села Киста Федот Онипко. Вот уж кому судьба поначалу уготовила воистину головокружительную карьеру! Его имя вскоре замелькало на страницах многих газет России: «Член Думы Онипко... от лица пославших его сюда крестьян заявил требование на всю землю, всю волю всему народу... Оратор рекомендует принять проект аграрной реформы, внесенный трудовой группой».

Вскоре Онипко – один из лидеров «трудовиков» в Думе, даже редактор газеты «Трудовая Россия».

Так началось его перерождение. Федот-то, как гласит русская поговорка, оказался не тот! После роспуска Думы он, в отличие от Мишина, быстро изменяет своим прежним идеалам, начинает верой и правдой служить власти предрежущим. В мае 1917 года он – генеральный комиссар Балтийского флота, комиссар антинародного Временного правительства. Лично участвует в подготовке контрреволюционного мятежа 29 октября 1917 года в Петрограде, а затем, вернувшись в Ставрополь, связывается с бандой головорезов атамана Коная...

Судьба Захара Мишина сложилась по-иному: годы и здоровье, судя по всему, обусловили его отход от активной политической деятельности, возврат к труду землепашца. Да, наверное, он и не ставил перед собой цели «выйти в комиссары», вполне довольствуясь тем, что имеет.

И все-таки, несмотря на ошибки и заблуждения, Мишин немало сделал для пробуждения крестьянских масс страны, осознавших себя в качестве мощной политической силы. И судьбе было угодно распорядиться так, что пик его деятельности пришелся на время правления первой Государственной думы. Той самой, которую В. И. Ленин определил как «самый революционный в мире (в начале XX века) и в то же время самый бессильный парламент»...

На снимке: Член I-й Государственной Думы Захар Степанович Мишин (1906 г.).

ОПЕРАЦИЯ «ПОЧТОВЫЙ ВАГОН»

Холодный октябрьский вечер 1897 года. В окне бревенчатого дома в далеком, забытом богом и людьми селе Шушенском мерцает тусклый свет керосиновой лампы. И склонившийся над белым листком бумаги человек стремительным, размашистым почерком набрасывает строки, которым многие годы спустя будет суждено войти в полное собрание его сочинений. Он пишет о своем житье-бытье «политического», волею судеб заброшенного на глухую окраину России.

«Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна..., но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и полям. Ходим большей частью вместе с Проминским...»

Письмо это написано ссыльным Владимиром Ульяновым и адресовано его матери.

Остановимся на минутку, перечитаем его текст и заострим внимание на названной Ильичем фамилии – Проминский. Кто таков? Какова судьба этого человека? Тем более интересно ответить на эти вопросы, учитывая, что в различных письмах того периода Владимир Ильич еще не раз назовет его фамилию – говоря о нем и его семье.

Снова – матери, 7 февраля 1898 года:

«Список книг, которые я хотел бы достать, Маняша пусть отошлет Надежде Константиновне – она поищет в СПб, если, конечно, не поздно уже теперь. Если есть у вас еще какие-нибудь детские книги с картинками, то пусть Н.К. привезет для ребятшек Проминского».

М. А. и М. Т. Елизаровым, 14 февраля 1898 года:

«У нас опять затяжка с пособием – по случаю Нового года. Затем новость – новый исправник, приехавший из Енисейска... Пока он, по-видимому, ничем себя не проявил. Проминскому, однако, по неизвестным причинам убавили пособие с 31 р. в месяц (у него пятеро детей) до 21, – на такую сумму семерым в Шуше никак не прожить...»

И снова им же, спустя две недели:

«От Маняши и Анюты получил письма от 9.11, а затем «Юридический Вестник» и «Статистический Временник», а также «Дневник съезда» (техников). Спасибо за все. Последний был очень интересен, и Анюте за него особенное спасибо. Она пишет, что Амичиса книга детская. Этого я не знал, – но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно)...»

Читал я эти письма и раньше, всякий раз отмечая про себя ту удивительную теплоту, которая сквозит в каждой строчке и которую, как видно, питал Владимир Ильич к неизвестной нам семье Проминских. Впрочем, почему неизвестной?

Не столь уж сложно было выяснить, что Иван Лукич Проминский – человек легендарной, но весьма сложной и трудной судьбы. Он пришел в революцию уже достаточно пожилым, обремененным большой семьей. Поляк по национальности, он и жил на территории Польши в Лодзи, работал смазчиком на железной дороге. Работа тяжелая, но зато деньги платили неплохие, что при такой семье вовсе немаловажно. И

потому сам факт участия Проминского в забастовке, да еще и в качестве ее организатора буквально ошеломил власть предрежащих. Приговор был суров: три года ссылки в одну из отдаленных губерний царской России. Он не мог оставить семью на произвол судьбы. Потому и забрал в дальнюю дорогу – через всю Россию! – и жену Теклу, и детей – Леонида, Владимира, Брониславу, Софью да Казимира.

Попав в Шушенское, он скоро познакомился с Владимиром Ильичем Ульяновым. Вместе ходили на охоту, коротали за разговорами долгие заснеженные вечера, а охотничьи трофеи Ивана Лукича существенно подкрепляли нежирный рацион ссыльных. Владимир Ильич искренне полюбил всю эту большую и дружную семью. Видите: стремился достать детишкам книжки с картинками, а Текла в свое время вспоминала, как тщательно занимался Ленин с их детьми русским языком, которым все они владели довольно слабо. Он научил их читать и писать. И даже многие годы спустя не забыл своих польских друзей по ссылке.

– Когда в двадцатом году Иван Лукич вдруг узнал, что предсовнаркома Ленин – это и есть тот самый Владимир Ульянов, – вспоминала Текла, – изумлению его не было предела. «Как же так? – повторял он. – Такой простой человек и вдруг... сам Ленин!» Засобирался к нему в гости. Я отговаривала: «Куда тебе, мазутнику! – говорила. – Ленин – вождь мирового пролетариата, а ты кто такой? Вон зеркало – сам посмотри!» Но Иван все-таки пошел. Попал в квартиру к Ильичу он без всяких осложнений, но дома оказалась только Надежда Константиновна – Ленин был на каком-то конгрессе. Ждать пришлось долго, но Ильич узнал его сразу, и радости его не было предела. Вернулся Иван домой с фотографией Ильича, на обороте которой было написано: «Товарищу Ив. Проминскому в память совместной жизни, 1897 – 1900 годы».

Добавлю: снимок этот сейчас хранится в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Это – то, что удалось разузнать о главе рода Проминских. А судьбы детей долгое время оставались неизвестными. И не было надежды на то, что ниточка к разгадке судьбы одного из них – Леонида – вдруг столь неожиданно приведет в Ставрополь, где живет его дочь – инженер-геолог Виктория Леонидовна Матвеева...

***

...Начальник Томского жандармского управления был в ярости. Широкими шагами метался он из края в край кабинета, не забывая при этом периодически метать громы и молнии на понурившихся подчиненных, в почтительном молчании столпившихся у двери.

– Что это? – ревел полковник. – Что я должен доложить в Петербург, господа? С какими глазами вы сами сообщаете мне подобную весть?! Да ведь с нас не только погоны – головы министр снимет! До самого государя дело дойдет. Эх, вы, дубинноголовые...

Жандармскому полковнику было от чего прийти в отчаяние. То, что произошло минувшей августовской ночью 1908 года на перегоне между железнодорожными станциями Томск и Тайга, не укладывалось ни в какие рамки.

Пассажирский поезд, наткнувшись на неожиданный завал на рельсах, вынужден был остановиться. В тот же момент у дверей почтового вагона из темноты возникли две человеческие фигуры. Мгновение – запор полетел с петель, и в лица находившихся внутри охранников глянули черные зрачки наганов:

– Ни с места! Малейшее движение для вас равносильно смерти. Где денежный мешок?

Через несколько минут поезд тронулся, увозя в чреве почтового вагона троих все еще не пришедших в себя и накрепко запертых снаружи охранников. А двое, унося с собой мешок, растворились в ночи...

***

Под утро район происшествия был оцеплен солдатами. Начали прочесывать участок за участком весь лес, и, наконец, заметили спрятавшегося в небольшой лощинке человека. Загремели выстрелы. Но человек, казалось, был неуязвим: около десятка жандармов уложил и ранил он из своего нагана. И затих только тогда, когда в стволе остался последний патрон. Его он оставил для себя...

Личность застрелившегося скоро была установлена – беглый ссыльный из Петербурга некто Патрицын-Шершыхин. Радости в том, однако, для жандармов оказалось мало: похищенные 80 000 рублей обнаружить не удалось, да и второй участник столь дерзкого налета на почтовый вагон – скрылся.

Только спустя много лет уже не жандармы, а мы с вами сможем пролить свет на события той далекой ночи. Налет был совершен не бандитами, а двумя членами боевой группы Томского комитета РСДРП, по его специальному постановлению. Речь шла об острой необходимости любыми путями добыть средства – причем немалые! – для создания в городе подпольной типографии.

Так вот, сделав свое рискованное дело, двое боевиков бросились в лес. Они понимали: несмотря на то, что предварительно им удалось перерезать телефонные и телеграфные провода в районе Тайги, безнаказанно уйти, да еще волоча при этом тяжелый мешок с деньгами, не удастся. Поэтому было принято решение: деньги зарыть в землю в каком-нибудь укромном уголке леса, запомнить его и вернуться за ними спустя месяц-другой. Уйти, однако, удалось лишь одному – судьба второго, взявшегося прикрыть огнем отход товарища, нам известна.

Через несколько месяцев подпольная типография на захваченные средства была создана. Но заплатили томские большевики за нее дорогой ценой: и второй участник операции «Почтовый вагон» – Леонид Проминский, член партии большевиков с 1906 года, – был арестован охранкой, в третий раз в жизни за ним захлопнулись двери Александровского централа – самой страшной по тому времени «государевой тюрьмы».

***

Эпизод, о котором я только что поведал, приведен в редчайшем старом издании, которое показывает мне Виктория Леонидовна. Это – сборник кратких биографий целого ряда выдающихся большевиков. Называется он несколько непривычно – «Муравьи революции», и в нем – рассказы об отце и сыне Проминских.

– Естественно, – улыбается моя собеседница, – подробности жизни отца меня интересовали постоянно. Вот, видите, целая гора всевозможных документов. Помогли товарищи из Читы и московские архивы. Вы знаете, я ведь отца плохо помню, даже эпизодически. Сначала мала была, а потом он то и дело уезжал, подолгу не бывал дома. И как-то целостного представления о его пути у меня до недавнего времени просто не было. Знаю, что на закате жизни у него случилась какая-то большая неприятность, но какая именно... Помню, много лет назад я спросила у мамы, ее Анной Сергеевной звали, об этом. Она тяжело вздохнула и ответила: «Лучше будет, дочка, если ты об этом не будешь меня спрашивать»...

Нет, большевик Леонид Проминский не стал жертвой тридцать седьмого года в полном смысле слова: его не расстреляли. Но зато он был оторван от любимого дела, брошен «на низовку», и умер в 1942 году в блокадном Ленинграде от голода.

Это, однако, случилось потом... А сначала он, совсем мальчишка, которого обучил читать и писать по-русски Владимир Ильич, отбыв срок отцовской ссылки, решил навсегда остаться в России и посвятить себя революционной борьбе. Место проживания выбрал сибирскую станцию под холодным и выразительным названием – Зима. «Мороз на станции Зима...»

Шел 1905 год, и эхо кровавого воскресенья в Петербурге докатилось сюда только в марте. Железнодорожный рабочий Леонид Проминский организовал стачку протеста против кровавой политики царизма. А затем, подняв над колонной красное знамя, рабочие

устремилась по одной из улиц (она сейчас носит имя Леонида Проминского) к конторе начальника станции. Навстречу им были брошены солдаты – петербургская трагедия могла повториться! И она – увы! – повторилась здесь, за тысячи и тысячи верст от северной столицы прозвучали выстрелы. Первый из них – в знаменосца. Леонид рухнул на землю с простреленным горлом... Долгие дни и ночи беспомощности в тюремном госпитале, потом – мучительная схватка за жизнь. Он выжил, чтобы продолжать борьбу, он не имел права умирать. Из тюрьмы вышел за несколько месяцев до случая с почтовым вагоном. Всего несколько месяцев бурной, как стремительный горный поток, деятельности во имя революции – и вновь тюрьма... Арестантские роты... И даже революцию он встретил в стенах все того же Александровского централа – «дома, который мне стал родным», как горько шутил младший Проминский.

Пламя борьбы разгорается, во Владивостоке поднимает голову контрреволюция. И партия направляет Леонида Проминского на самый трудный по тем временам пост – он возглавляет Дальневосточную ЧК, являясь одновременно и начальником уголовного розыска. Последнее обстоятельство сыграет впоследствии немалую роль в его судьбе: он перейдет на работу в органы милиции и отдаст им почти все свои силы. Это он, Проминский, первым возглавил милицию Забайкалья. И это ему, Проминскому, было позднее оказано высокое доверие – быть ее главным инспектором на железнодорожном транспорте страны.

Но не будем забегать вперед. Владивосток попадает в руки белых. Схваченного Леонида Ивановича бросают за колючую проволоку концлагеря. Он бежит, несколько дней скитается в дальневосточной тайге. И лишь совсем обессиленного, его все-таки сумели схватить. Колчаковский суд определяет: 12 лет каторжных работ. После разгрома интервентов – снова ЧК, снова милиция...

– Отец бывал дома так редко, – вспоминает Виктория Леонидовна. – И знаете, какое у меня самое яркое воспоминание раннего детства? Смешно сказать – его кожаное полупальто, униформа всех чекистов, что ли. Они ведь тогда были очень дешевы...

Интересная деталь: Н. К. Крупская рекомендовала сорокашестилетнего Проминского для вступления в только что созданное Общество старых большевиков. «Леонида Ивановича Проминского, – написала она в рекомендации, датированной 16 мая 1932 года, – знаю по ссылке, где он жил со своим отцом Иваном Лукичом Проминским, отбывавшим ссылку в селе Шушенском».

Самым последним в руки мне попадает документ, подписанный самим Проминским.

«18-го сего мая зверски убит один из видных борцов с уголовщиной, служивший всем примером, начальник уголовного розыска Дмитрий Иванович Фоменко. Отдавая последний привет товарищу Фоменко, призываю всех сотрудников вверенной мне милиции к мужеству и решительности в дальнейшей борьбе с бандитизмом. В переживаемое время больше чем когда-либо нужны сплоченность, железная воля и полная уверенность в победе. Пусть помнят наши враги, что жертвы, принесенные на алтарь революции, нас крепче сплачивают в стремлении победить. И мы – победим! Л. Проминский».

Он писал этот приказ не только для своих подчиненных, но и для себя самого. И он выполнил его. Он победил.

На снимке: Л. И. Проминский в период службы в милиции (нач. 20-х гг.).

СЛОВО О ГЛАВНОМ СЧАСТЬЕ

Несколько дней эксперт-криминалист оперативно-технического отдела Ставропольского краевого управления внутренних дел Волков был занят довольно необычной для себя работой. В принципе, конечно, она была хорошо знакомой: предстояло идентифицировать два фотографических снимка. Задача исследования была также весьма простой: надо ответить на вопрос о том, разные ли люди изображены на снимках или один и тот же человек. Словом, дело привычное... Необычность его заключалась в одном из снимков, со штампом Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на обороте.

На одном снимке – большая группа людей в военной форме, сфотографированных на фоне здания Совнаркома республики. Строгие лица, тугие ремни, которыми перехвачены гимнастерки со стоячими воротниками: кажется, от кадра так и веет романтикой далеких лет гражданской войны.

Среди военных – штатский, в самом центре. С легкой улыбкой на лице и характерным прищуром внимательных глаз: Владимир Ильич Ленин. А вторым справа стоит юноша в темной форме, в лихо сдвинутой набок фуражке со звездочкой, с заметными светлыми усами.

С другого снимка на эксперта смотрел пожилой гражданин в форме железнодорожника. Кажется, совершенно разные лица. И все-таки, хотя эти два кадра сделаны с разницей в несколько десятилетий, есть в них какое-то трудноуловимое сходство.

На групповом снимке – выпускники первых московских пулеметных командных курсов, Москва, 12 мая 1920 года. На одиночном – персональный пенсионер из Ставрополя Владимир Александрович Ролдугин. Итак, одно и то же лицо на обоих снимках или нет?

Но, впрочем, давайте лучше расскажем обо всем по порядку...

Групповой снимок молодых краскомов с Владимиром Ильичем Лениным Ролдугин увидел случайно, в книге «В. И. Ленин и кремлевские курсанты». И, хотя раньше он публиковался и в газетах, только сейчас Владимир Александрович начал приглядываться к нему по-настоящему пристально. Дело в том, что в газете лица людей разглядеть было просто-напросто невозможно. Иное дело – книга, с несравненно более высоким качеством печати.

Пригляделся и невольно вздрогнул: неужели это он, тот самый снимок? Неужели?!

И вдруг вспомнились, ожили в памяти, приобретя необычную свежесть, события, о которых нельзя забыть. Год двадцатый, очередной выпуск первых пулеметных курсов. Он, Владимир Ролдугин, вместе со всеми выпускниками должен поехать на Юго-Западный фронт: вокруг страны – огненное кольцо...

Комендант Кремля доложил Ленину о выпуске, и тот пожелал встретиться с отъезжающими. Весть эта мгновенно стала всеобщим достоянием. С каким нетерпением ждали Ильича курсанты, только что произведенные в командиры взводов!

Все выстроились в торжественном молчании у входа в казарму. И вот из здания Совнаркома вышел Ленин.

– Смирна-а-а! – прозвенела в воздухе раскатистая команда дежурного. Владимир Ильич, услышав ее, на мгновение замедлил стремительный шаг, а потом понимающе улыбнулся и, приложив руку к кепке, направился на встречу дежурному по курсам командиру Г. С. Антонову.

Приняв рапорт, пожал руку, а потом прошел к строю. Он горячо и как-то по-особенному сердечно поздравил всех с окончанием учебы. А потом попросил образовать круг и, встав в центре, долго беседовал с курсантами.

Конечно же, никто не записывал тогда его слов. Но говорил Владимир Ильич о вещах трудных и сложных. О том, что, хотя Колчак и Деникин разгромлены, Антанта не сложила оружия, мечтая утопить в крови народную власть молодой Советской республики. О том, что генерал Врангель, засев в Крыму, грозит Донбассу, а гетман Пилсудский создал опасное положение на Польском фронте. А раз так – надо уметь защитить свою власть, отстоять свои завоевания. И кто же сделает это, если не они – дети рабочих и крестьян? А в конце беседы сказал вдруг просто и задушевно:

– Мне передали, что вы хотите со мной сфотографироваться. Я не люблю сниматься, но с красными командирами сделаю это с удовольствием.

Фотограф долго колдовал под своей черной шалью у треногого массивного аппарата, но Владимир Ильич терпеливо выдержал это испытание. Снимков, однако, молодые краскомы не дождались – уехали воевать. И вспоминая об этом волнующем эпизоде, Владимир Александрович сейчас, на склоне лет, иногда вздыхал: наверное, не вышли тогда карточки...

Но вот – книга. А в книге – снимки. И, кажется, во втором ряду, вот же, вот – это он сам, Ролдугин! Может быть, все-таки получился тогда снимок, и это – как раз он самый и есть?

Разволновался Ролдугин, долго расхаживал по комнате взад-вперед. А потом сел и написал по нескольким адресам – частным и служебным – просьбы: пришлите, если можно, снимок. Но дни шли за днями, месяцы за месяцами – снимка не было. Вот тогда-то и поведал Ролдугин обо всей этой истории в редакции газеты «Ставропольская правда».

В тот же день мы направили запрос в Москву, в Институт марксизма-ленинизма, где, как известно, хранятся все ленинские документы.

И вскоре пришел пакет: заместитель заведующего архивом Ю. Ахипкин прислал отпечаток интересующего нас снимка, уточнив дату съемки – 12 мая 1920 года.

Хотелось немедленно отправиться домой к Владимиру Александровичу – уж он-то себя узнает непременно! Но по телефону ответили: к сожалению, болен. А в больнице уточнили: болен тяжело, только что пришлось отнять ногу. Сами понимаете, пояснили, словно извиняясь, медики, подобного рода операция и для молодого нелегка, а больному – 82 года...

Вот тогда-то мы, посоветовавшись, и приняли решение обратиться за помощью к криминалистам: уж слишком велико было нетерпение!

Дело в том, что одна из прописных истин криминалистики гласит: каждый человек обладает неповторимой совокупностью признаков внешности. Происходящие с годами изменения в облике способны неузнаваемо исказить внешность: появляются морщины, полнота или худоба, кожа теряет привлекательный цвет молодости. Но только все равно: признаки внешности, обусловленные костно-хрящевой основой, не изменятся.

В краевом управлении внутренних дел пошли навстречу редакции, и эксперт Волков дал заключение: да, на обоих снимках – Ролдугин! И мы еще раз, теперь уже с особым и, наверное, понятным каждому волнением, пересмотрели документы Владимира Александровича. Вот справка Центрального государственного архива Советской Армии: приказом №5 от 5 января 1920 года объявлен список курсантов, заканчивающих обучение. Среди них – его имя. А вот – многочисленные приглашения командования Московского высшего общевойскового орденов Ленина и Октябрьской Революции имени Верховного Совета РСФСР – правопреемника кремлевских курсов.

Несколько позднее, комментируя эти бумаги, Ролдугин пояснит:

– У нас традиция: в день рождения Ильича собираться в стенах училища всем, кто остался жив, вместе. Бываем в Горках, возлагаем цветы к Мавзолею, к памятнику погибшим курсантам в Кремле, вспоминаем прошлое... Да, с годами нас все меньше, меньше... Сколько войн пережили, да и возраст уже, признаемся откровенно, у всех

далеко не молодецкий. Еще несколько лет назад съезжалось в Москву около двухсот человек, а вот в прошлом году [1980 – ред.] – всего пятьдесят шесть. Из нескольких тысяч...

Сейчас, когда здоровье пошло на поправку, Ролдугин с нескрываемым удовольствием рассказывает о днях своей юности:

– Каждая встреча с Ильичем помнится так, как будто она состоялась вчера. А самая первая – в Тайницком саду Кремля, где у нас проходили очередные учебные стрельбы. Дал я из пулемета одну очередь по неподвижной, вторую – по подвижной мишеням. Наблюдатель крикнул: «Обе поражены!» И тут я позади себя, у самого огневого рубежа услышал чей-то веселый голос: «Вот так и надо! Это у вас все так стреляют?» Поворачиваюсь, и встать с земли не могу... Батюшки-светы, ведь сам Ленин в трех шагах от меня, среди командиров стоит!

Вскочил, наконец, а у самого аж круги перед глазами от волнения плывут... Ленин засмеялся и еще о чем-то говорил с командирами, но о чем именно – не помню, а выдумывать не хочу, да и права не имею...

Умолкает Владимир Александрович. Мы понимаем: такого рода воспоминания нельзя торопить, они в самом существе человека, в его сердце, и извлечь их оттуда не так-то просто.

А Ролдугин вновь улыбается и рассказывает: в свободное от службы время курсанты организовали «самодеятельность». И однажды поставили гоголевского «Ревизора». На премьеру пришел Владимир Ильич. Его пытались усадить в первый ряд, но он решительно отказался – сел в пятом. Артисты весьма волновались, и особенно в тот момент, когда вдруг в зал торопливыми шагами вошел управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он подошел к Ильичу, что-то шепнул ему на ухо. Лицо Ленина мгновенно озарилось широкой улыбкой. Он резко поднялся и прошел... на сцену. Оторопевшие артисты смущенно смолкли. А Владимир Ильич, извинившись, повернулся лицом к залу.

– Товарищи! – громко сказал он. – Только что получено радостное сообщение: нашими частями взят Орел. Недалек тот день, товарищи, когда будут разгромлены все враги нашей революции!

– Трудно передать словами, – вспоминает Ролдугин, – какая поднялась в зале овация! И даже потом, когда спектакль продолжился, нет-нет да и вспыхивали в курсантских рядах аплодисменты – так, просто, без всякого повода со сцены. А Ленин... Ленин, мне кажется, был счастлив. Он буквально излучал какое-то внутреннее тепло. Вы знаете, ведь он был удивительно чутким, обаятельным и внимательным к другим человеком. Это – величайшее качество, которое, увы, дается не каждому.

Сохранился любопытный документ, обнаруженный в архивах сравнительно недавно. Он невелик, и поэтому мы рискуем процитировать его.

«Тов. Ленину. Заявление. Тов. Ленин! Прошу Вас оказать содействие моему семейству в продовольствии. После того, как я прибыл с врангелевского фронта и был в отпуске, то я ужаснулся, как увидел, что они едят траву (лебеду)... Я обращался к местным властям, но они говорят, что мы не сможем дать им хлеба... Прошу не оставить этой просьбы. Курсант 1-й роты Истраткин».

И на листке бумаги – размашистая резолюция Ленина: «Тов. Горбунов! Подумайте, нельзя ли помочь. Ленин».

– Ленин был нашим почетным курсантом, – говорит Владимир Александрович, – и все мы очень гордились этим. А потом, позже, его избрали почетным командиром школы ВЦИК.

Между прочим, сохранился пригласительный билет, направленный в свое время кремлевскими курсантами Ильичу. Они просят его «пожаловать на праздник 6-7 ноября, 6-го в 20 часов – вечер воспоминаний. 7-го в 13 часов – обед после парада». В те годы самый обычный, просто нормальный человеческий обед вырастал до размера события, на которое печатали специальные приглашения...

– Мне приходилось много раз стоять часовым на посту №27, – рассказывает Ролдугин, – у входа в квартиру Ленина в Кремле. Он был необычайно приветлив, доброжелателен. Я, бывая в Москве, каждый раз прихожу к этой двери. И верите ли: вдруг чувствую, как спадает груз лет, как возвращается молодость. Застываю по стойке «смирно», закрываю глаза... И мне кажется – сейчас скрипнет дверь – выйдет Ильич...

И Владимир Александрович рассказывает: курсанты состояли с Ильичем в одной партийной организации, в кремлевской партиячке. И вот что интересно: как бы рано ни пришли они на партийное собрание – Ленин уже был в зале. Опоздать на собрание он считал недопустимым.

– Вы знаете, – подводит итог разговора Ролдугин, – все мы учились у него точности. И я, сверяя жизнь по Ильичу, тоже ни разу, по сей день, ни разу не опоздал на собрание. Где бы это ни было, при каких угодно, самых исключительных обстоятельствах.

А жизнь у него была большой и сложной. Сын железнодорожного машиниста, он и сам стал железнодорожником. Но сначала – Красная гвардия, участие в боях с белобандитами, первые пулеметные курсы. И снова – бои, трудные и кровопролитные. Гибли товарищи, а он выжил... Всю жизнь работал потом и за себя, и за них, павших. Кончил после гражданской институт, возглавлял отделение дороги. Война... И майор Ролдугин уходит на фронт. Даже после войны – еще целых четыре года! – он помогает восстанавливать дороги, разрушенные на германской земле.

Последние годы перед пенсией – начальник станции Ставрополь, удостоенный высокого звания почетного железнодорожника. Впрочем, ведь все равно: обо всей жизни в одной публикации не расскажешь.

А вот еще об одной встрече с Ильичем – вполне. Произошла она, когда Ролдугин стоял на том же двадцать седьмом посту. Часов в десять вечера Ленин проходил к себе. Остановился, посмотрел на часового. И вдруг спросил:

– Почему вы все время стоите? Ведь можно и присесть, это не страшно.

– Не положено, Владимир Ильич, – смутился часового.

– А Вы доложите начальству, – усмехнулся Ильич, – что я разрешил. И присядьте, пожалуйста, присядьте.

– Когда сменился с поста – сразу же доложил начальнику караула, что, с разрешения Ленина, сидел на посту. А тот только головой кивнул. «Знаю, – говорит, – мне Владимир Ильич уже звонил, что можно разрешить сидеть на этом посту». Вот с каким вниманием относился он к нам, кремлевским курсантам!

И курсанты платили ему огромной, неизбывной любовью. Он был их посланцем в Моссовете. А когда Ленин заболел, они решили все равно не снимать пост у его квартиры, а в приказе ежедневно доводился до всеобщего сведения бюллетень о состоянии здоровья вождя.

Кремлевские курсанты занесли имя Ильича первым на свою Доску почета, а морозным днем 1924 года проводили его в последний путь. И 27-го января именно они встали на пост №1 – в нескончаемый караул почета у ленинского Мавзолея.

«Я всегда с глубокой благодарностью и радостью вспоминаю о тех двух с небольшим годах, которые я провел, будучи курсантом, в стенах кремлевской школы, – пишет в своих воспоминаниях Главный Маршал бронетанковых войск, Герой Советского Союза, профессор П. А. Ротмистров. – Когда встают в памяти наполненные кипучей военной, партийной и политической учебой и караульной службой нелегкие курсантские дни, мне всегда представляется, что именно в это время я, как и другие мои товарищи, получил самое основное и главное для всей последующей жизни...»

– Я согласен со словами Павла Алексеевича, – кивает Ролдугин. – Согласен хотя бы потому, что и сам считаю пребывание в рядах кремлевских курсантов главным счастьем всей своей уже немалой жизни. Потому что в те далекие, но незабываемые годы свела меня судьба с человеком, имя которого стало путеводной звездой миллионов людей. И звали этого человека – ЛЕНИН...

На снимках: В. И. Ленин среди кремлевских курсантов (Москва, 12 мая 1920 г.; стоит второй справа – В. А. Ролдугин);

Фрагмент фототаблицы к заключению эксперта.

ТАЙНА ТРЕХ ВЫСТРЕЛОВ

Много лет назад довелось мне беседовать со старым большевиком, автором прелюбопытнейшей книги воспоминаний о годах революции и гражданской войны на Ставрополье Иваном Ивановичем Иванько. По какому-то поводу речь зашла о последних годах жизни Ленина. И вдруг Иван Иванович, хитро прищурившись, сказал:

– А знаете ли Вы, что на жизнь Ленина в 1918 году покушалась вовсе не эсерка Каплан, как о том трубят наши историки? Во всяком случае, вполне вероятно, что после всем нам известного митинга на заводе Михельсона в него стрелял кто-то совершенно другой. Сомнения в виновности Каплан мне высказывал человек, показания которого, данные в ЧК, и послужили главным козырем обвинения, предъявленного Каплан. А звали того человека Батулин, Стефан Николаевич Батулин, он был когда-то здесь военным комиссаром Ставропольской губернии. Очень интересная и во многом загадочная личность...

Так я впервые услышал имя Батулина и тогда же очень заинтересовался его неординарной судьбой. Даже в существовавший тогда музей В. И. Ленина направил запрос. И получил ответ, которому несказанно удивился:

«Сообщаем, что Центральный музей В. И. Ленина не располагает документами и материалами о С. Н. Батулине. Видимо, Вам следует обратиться в Центральный Государственный архив СССР.

Старший научный сотрудник В. Шакунова».

Обращение по подсказанному адресу, однако, тоже не дало ровно никаких результатов: фигура главного свидетеля по делу о покушении на Ленина буквально на глазах превращалась в нечто, некое подобие человека-невидимки! И лишь спустя годы след его удалось отыскать в... Центральном Государственном архиве народного хозяйства СССР. На основании хранящегося там личного дела заместитель заведующего отделом Е. Феоктистов сообщил некоторые подробности жизни этого человека. Родился он в декабре 1893 года в глухой деревеньке Лопатня Калужской губернии, в 15 лет начал трудовой путь в качестве мальчика в Московском торговом доме Смирнова, потом состоял счетоводом в магазине братьев Арзумановых в Москве. В 1915 году был призван в армию, стал рядовым автосаперного отряда, принимал участие в боях, был ранен. С мая 1917 года – член ВКП(б). Придя добровольцем в ряды Красной Армии, был комиссаром 8-й и 14-й стрелковых дивизий, в 1920-21 гг. – военкомом Ставропольской губернии. Затем был переведен на должность Донского облвоенкома, позднее воевал с басмачами, за что правительством Бухарской Советской республики был награжден золотыми часами и орденом Бухарского Красного Знамени.

Дальнейшая судьба Стефана Николаевича напоминает многие биографии «красных выдвиженцев» тех лет. В годы НЭПа, уволившись из армии по состоянию здоровья, Батулин возглавляет Московскую контору Всероссийского нефтяного синдиката, одновременно учится заочно в Институте народного хозяйства. Затем он – представитель Нефтесиндиката СССР во Франции, Бельгии и Испании и, наконец, управляющий солидными союзными трестами «Нефтестрой» и «Авиатоп».

Но какое же, спрашивается, отношение к истории с покушением на жизнь Ленина, которое, как известно, имело место 30 августа 1918 года в Москве, имел Батулин? Оказывается, он, скромный красноармеец, оказался на митинге на заводе Михельсона по чистой случайности: шел мимо, увидел толпу людей и подошел поближе. В этот момент

Ленин, окруженный людьми, продвигался к своей машине, когда прозвучали один за другим три револьверных выстрела, тяжело ранив председателя Совнаркома. Вот какие показания дал в ВЧК сам Стефан Николаевич:

«В момент выхода тов. Ленина из помещения завода Михельсон, в котором происходил митинг на тему «Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата», я находился от тов. Ленина на расстоянии 15-20 шагов...

Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоящую у автомобиля, разбегающуюся в разные стороны, и увидел позади кареты-автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу товарища Ленина!» и с этими криками я выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. Своими криками «Держите убийцу товарища Ленина!» и др. я хотел остановить от бегства тех людей, которые видели, как Каплан стреляла в тов. Ленина, и привлечь их к участию в погоне за преступником, покушавшимся на жизнь тов. Ленина. Добежавши до так называемой «стрелки» [трамвайной линии] на Серпуховке, я увидел бежавших двух девушек, которые, по моему глубокому убеждению, бежали по той причине, что позади их бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать.

В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем Вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «А зачем Вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем Вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина. В это время ко мне подошли еще человека три-четыре, которые помогли мне сопровождать ее. На Серпуховке кто-то из толпы узнал в этой женщине человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?», на что она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла.

Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица ей сочувствовавшие и ее единомышленники, как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас».

Как видите, в своих показаниях Батулин прямо говорит, что он не видел, что в Ленина стреляла именно Каплан, это признал «кто-то из толпы». Более того – показания эти не дают ровно никаких оснований сделать вывод о том, что задержана была именно стрелявшая личность, а не случайно подвернувшаяся под горячую руку женщина, вид которой показался Батулину подозрительным.

Какими-то отрывочными и не слишком убедительными кажутся и показания самой Каплан, данные ею на первом допросе наркому юстиции Д. И. Курскому. В протоколе допроса это отражено следующим образом:

«Я, Фани Каплан, жила до 16 лет по фамилии Ройд. Родилась в Волынской губернии, уезда не помню. Отец мой был еврейский учитель. Теперь вся моя семья уехала в Америку... Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. К какой партии я принадлежу сейчас, не считаю нужным говорить. Кто мне дал револьвер, не скажу...

Стреляла я по убеждению... Я не слыхала ничего про организацию террористов, связанную с Савинковым... Есть ли у меня знакомые, арестованные Чрезвычайной Комиссией, не знаю... К теперешней власти на Украине отношусь отрицательно... Как отношусь к Самарской и Архангельской власти, не хочу говорить...»

Даже из этого протокола нетрудно понять, что арестованная отвечала исключительно на «наводящие» вопросы, смысл и логическое обоснование которых уяснить и сейчас не так-то просто. Ну, в самом-то деле, какое отношение самарская власть имела к самой Каплан и выстрелам на заводе Михельсона? А какое отношение к тому имела власть архангельская либо украинская?

Конечно же, Каплан была, судя по всему, убежденной социал-революционеркой с изрядной примесью махрового анархизма, в том сомневаться не приходится. За совершение террористического акта в Киеве она ранее была приговорена к пожизненной каторге, попав в самую страшную в России Акатуйскую каторжную тюрьму, где и познакомилась с видной эсеровской деятельницей Марией Спиридоновой. Знакомство это, видимо, оказало на нее большое влияние.

Но вернемся все-таки к нашему делу. Итак, признание, считавшееся в то время многими юристами «матерью всех доказательств», было получено. Каплан взяла на себя ответственность за выстрелы в вождя революции. Но не было ли, позвольте спросить, это признание получено, мягко выражаясь, не вполне человеколюбивыми методами? Не пустили ли наши доблестные чекисты в «расход», желая как можно скорее заслужить благодарность вождя, первую, подвернувшуюся под руку личность? История по этому поводу хранит глухое молчание. Но за первым вопросом по законам логики непременно следуют и другие. Почему «дело Каплан» не было доведено до суда? Ведь только открытый судебный процесс был бы как никакой другой выгоден тогда советской власти – только он мог показать всему миру подлинное лицо ее врагов. Почему вскоре после событий на заводе Михельсона Батулин был отправлен из Москвы в Ставрополь? Почему, наконец, так стремительно спешили с расстрелом Каплан?

Вот как вспоминает об этом в своих мемуарах Павел Мальков:

«Вызвал Аванесов и предъявил постановление ВЧК. Каплан – расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову... По моему приказу часовой вывел Каплан из помещения, в котором она находилась... Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я...»

Но не будем касаться характеристик личности самой Фани Каплан. Вполне возможно и даже скорее всего, она являла собой далеко не лучшую представительницу рода человеческого, ко всему прочему еще и явно не вполне здоровую в психическом отношении. Ну, да, как говорится, и бог с ней! Посмотрим еще документы, благо, что они после долгих десятилетий лежания в спецхранах все-таки опубликованы, попробуем их проанализировать. И тут мы увидим нечто абсолютно странное: в огромной людской толпе не нашлось ни одного человека, который бы смог засвидетельствовать, что в Ленина стреляла конкретно Каплан! Фантастика какая-то, честное слово! Не смогли сделать этого свидетели Н. Иванов, А. Кожухов, В. Бонч-Бруевич и другие.

Но при этом почему-то никто не обратил серьезного внимания на обстоятельство, которое затем привел в своих мемуарах бывший шофер Ленина С. К. Гиль:

«Поднимаю голову и вижу, что из мастерских бежит в матросской фуражке какой-то странный мужчина в страшно возбужденном состоянии. Левой рукой размахивает, правую держит в кармане, и бежит стремглав прямо на Владимира Ильича. Мне вся его фигура показалась подозрительной, и я закрыл собой Владимира Ильича... Закричал изо всех сил: «Стой!» и направил на него револьвер. Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я крикнул: «Стой! Стреляю!» Он, не добежав

нескольких шагов до Владимира Ильича, круто повернул налево и бросился бежать в ворота, не вынимая руки из кармана».

Произошло это в самые первые секунды после ранения Ленина, но разве можно исключить возможность того, что именно оружием, находившимся в кармане, «подозрительный мужчина» и сделал роковой выстрел, а бежал покушавшийся к Ленину для того, чтобы сделать еще один выстрел, наверняка смертельный? Да и сам Ленин, кстати сказать, открыв глаза, спросил окружающих: «Задержали *его*?»

Теперь – снова о личности Батулина. Сравнительно недавно довелось мне получить фотокопию его послужного списка, хранящегося в Ростовском областном государственном архиве, его собственноручно заполненную анкету. В графе «образование» он пишет «низшее». А дальнейшую судьбу Батулина удалось отследить по документам бывшего архива ЦК КПСС – расстрелян в 1937 году как враг народа. Не поплатился ли, как знать, Стефан Николаевич жизнью за свои сомнения, высказанные им конфиденциально когда-то в Ставрополе Ивану Иванько?

– Сейчас, конечно, не время говорить обо всем этом, – сказал в беседе со мной Иванько. – Но ведь жизнь не стоит на месте, и исторические истины все равно когда-то придется восстанавливать. И коли сомнения в «авторстве» выстрелов в Ленина были даже у самого Стефана Николаевича, люди должны со временем об этом знать.

Что ж, пусть знают. Время для этого, кажется, наступило.

На снимке: Военком Ставропольской губернии Стефан Батулин (сидит в первом ряду вторым слева) с группой военных и партийных работников г. Ставрополя (1918 г., из архива И. И. Иванько).

ХИТРОСТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

В самом центре Ставрополя, рядом с Домом правительства края, установлен памятник Герману Александровичу Лопатину (1845-1918). Его имя носит одна из улиц краевого центра, ежегодные премии краевой организации Союза журналистов России тоже называются Лопатинскими. Личность Германа Лопатина была популярна в конце XIX – начале XX века во многих странах, но в России особенно...

Окончив Ставропольскую классическую гимназию, Г. Лопатин был чиновником по особым поручениям ставропольского губернатора. Однако всю сознательную жизнь его преследовали правоохранные органы: сначала – за освобождение из ссылки Петра Лаврова, потом – за попытку похищения из Сибири Николая Чернышевского. И, наконец, за перевод на русский язык «Капитала» Карла Маркса. Сам К. Маркс, кстати, дал высокую оценку вышедшему в свет в 1872 году первому переводу на русский язык его книги.

Член Генерального Совета I Интернационала, глава Распорядительного комитета «Народной воли» в России, Лопатин на «процессе 21-го» был осужден на пожизненную каторгу, замененной заключением в каземате страшной Шлиссельбургской крепости пожизненно. Там он провел долгие восемнадцать лет и был освобожден лишь в 1905 году, сразу после первой русской революции, уже довольно глубоким и больным стариком.

Несколько позже судьба свела его с Алексеем Максимовичем Пешковым, известным всему миру под псевдонимом «Максим Горький». В 1909 году в письме к А. М. Амфитеатрову он так вспоминал Германа Александровича:

«Впечатление чарующее, огромное, радостное, – как будто именно его и ждала с тоской душа лет тридцать, и вот он пришел, чародей сказочный. Конечно, я человек преувеличенный и притом весьма ушиблен жаждою героя – ну, да, ну, да, но знаете что? Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь грандиозно».

Познакомившись поближе с «генералом от революции», как иногда в шутку называл себя сам Лопатин, Горький сошелся очень скоро и со всеми его многочисленными родственниками, не раз выражал готовность оказать посильную помощь членам лопатинского рода и, забегая вперед, скажем – остался верен своему слову.

***

Заметим: в те, теперь уже достаточно далекие от нас с вами времена «в неблагонадежных» ходило все довольно многочисленное семейство Лопатиных. Двоюродный брат Германа Лопатина – Александр Константинович – тоже не представлял исключения, о чем наглядно свидетельствует, к примеру, фонд помощника начальника Терского областного жандармского управления, хранящийся в Ставропольском краевом государственном архиве. Взгляды Александра Константиновича, убежденного марксиста, разделяли вначале его брат Петр и сестра Екатерина, а впоследствии и дети.

«Девушка Нина Лопатина [дочь Александра Константиновича – Ю. Х.] не внушает доверия в своей политической благонадежности, так как принадлежит к семье, зарегистрированной в этом отношении...»
[из донесения ротмистра Трескина]

Младший сын – Павел – имел отношение к распространению «противоправной» литературы в Ставропольской классической гимназии. О данном факте упоминала в одном из своих выпусков ленинская «Искра».

Но, пожалуй, наибольшее беспокойство властей вызывал все-таки старший сын – Борис Александрович. Исключенный за политическую деятельность из состава студентов Киевского политехнического института, он вернулся в Ставрополь, в отцовский дом на Властовской улице. Архивный фонд №1008 до сих пор хранит документ, свидетельствующий об установлении за ним надзора полиции. Приведем запись, проливающую свет в какой-то степени не только на деятельность, но и на характер Бориса Александровича Лопатина:

«...Сын надворного советника, 25 лет, холост, подвергнут гласному надзору с 31 января 1901 г. за государственное преступление. Живет в 4-й части по Властовской улице, в доме Ткачева... ведет знакомство с поднадзорными Бердичевским, Корецким, Санжуром, Федорченко. Натура быстро воспламеняющаяся. Способен не только на проповедь, но и на фактическое участие в любом «идейном» деле».

Еще один сын – Павел – принимал активное участие в гражданской войне, сражаясь в отряде Фомы Шпака, был ранен, арестован, приговорен к расстрелу. Ранее, в 1905 году, он оказывался под арестом вместе с Борисом.

***

Столь сложное описание генеалогического древа лопатинского рода понадобилось сейчас для того, чтобы пояснить происхождение одного уникального документа.

Так случилось, что, когда дочь Бориса, Ирина, надумала в 1933 году поступать в один из московских ВУЗов, существенным препятствием для этого оказалось... ее дворянское происхождение. Уже не было в живых ни Германа Александровича, ни его двоюродного племянника Бориса. И Ирина решила обратиться за помощью – к Горькому. Откликнувшись на просьбу Ирины, Алексей Максимович написал свой отзыв о ее покойном отце:

«Свидетельствую, что знал брата Германа Александровича Лопатина – Бориса Александровича в <1>904 г., как сторонника Ленинской позиции, сочувствующего большевикам. В <19>14 г. т. Н.М. Флеров говорил мне о нем, как об активном большевике, работающем где-то на Кавказе. В <19>20-м г. Классон сообщил мне, что Борис А. Лопатин работает в Красной Армии, в Грузии. Классон был очень близок с Б. Лопатиным. Профессия Лопатина в <1>904 г. – провинциальный журналист, а в дальнейшем – не знаю какова.

М. Горький. 9.VIII.33».

А показала мне этот любопытный документ родная внучка Германа Александровича – Елена Бруновна Лопатина. В семейном архиве Лопатиных сохранился и обычный почтовый конверт того времени, адресованный И. Б. Лопатиной. На нем – обратный адрес, выведенный тем же почерком – «Отпр. А. Пешков, М.-Никитская, 6». Это письмо с конвертом до сих пор хранится как величайшая ценность у проживающих в Москве детей Ирины Борисовны: Уники Львовны Лопатиной–Львовой, Тимура Аркадьевича и Валерия Аркадьевича Садецких.

Здесь же мы обнаружили еще одну семейную реликвию – снимок семьи Бориса Лопатина, к величайшему сожалению, весьма плохо сохранившийся. На нем запечатлены сам Борис Александрович, его дочь Ирина и жена Мария Павловна.

Сейчас, по прошествии многих лет, можно без всякого труда заметить в горьковском отзыве две весьма существенные неточности. Первая – вряд ли Борис

Лопатин, провинциальный инженер, а затем и журналист, на деле являлся «сторонником Ленинской позиции, сочувствующим большевикам» – по его публикациям на страницах газеты «Северный Кавказ» того периода это ни в коей мере не прослеживается. Вторая неточность чисто фактическая – Борис был вовсе не братом, а всего лишь двоюродным племянником «генерала от революции». И не знать этого существенного обстоятельства Горький просто не мог.

– Нашу семью Алексей Максимович знал хорошо, – подтверждает мои сомнения Елена Бруновна. – И это не могло быть ошибкой или опiskeй. – Скорее всего, сделал он это ради ускорения и упрощения решения той просьбы, с которой к нему обратилась Ирина.

Другими словами, великий писатель попросту вынужден был схитрить – чтобы придать делу более скорый ход, он несколько «подкорректировал» родословную отца Ирины, Бориса Александровича. Надо сказать, что благодаря этому ходатайству А. М. Горького, бережно хранимому потомками Лопатиных, вопрос о поступлении в институт Ирины был решен положительно, без промедления, и главное – без лишних разговоров и копаний в прошлом ее отца.

На снимках: Письмо А. М. Горького И. Б. Лопатиной (1933 г.);

Семья Лопатиных: Борис Александрович, его жена Мария Павловна и дочь Ирина.

ДИПКУРЬЕР КОРЧАГИН

...Впервые за много лет на плечах Александра была штатская одежда, и чувствовал он себя от этого как-то не совсем уверенно. Тихо вздыхал где-то под ногами мощный пароходный двигатель, голубая волна за бортом казалась бездонной и ласковой. Будто и не было на земле войны, будто всегда вокруг стояла вот такая же ласкающая, убаюкивающая тишина. И будто бы это не его вовсе несколько дней назад неожиданно вызвал начальник фельдкорпуса Московского ОГПУ Жуков. Смерил смеющимися глазами молодцеватую фигуру в военной форме.

– Значит, захотелось по свету поездить? Жаль, право... Работник ты хороший, но и сам понимаю, что Наркоминделу люди не меньше нашего нужны. Уходишь, значит?

– Куда ухожу? – отступил даже на шаг Корчагин. – Я завтра в командировку еду.

– Вот тебе и на! – удивился Жуков. – А разве ты заявление не подавал, в дипкурьеры не просился?

Недоразумение было выяснено быстро. Дело в том, что, развозя по стране ценные бумаги, секретные документы ОГПУ, бывший красный кавалерист, а ныне сотрудник фельдкорпуса, нередко встречался с дипкурьерами, едущими за рубеж нашей страны.

– Работа у вас интересная, – позавидовал он как-то кому-то из них. – Вот бы мне...

– А ты заявление подавай, – посоветовали они. – Проверят и возьмут. Нам люди надежные нужны.

И вот сегодня мечта, кажется, начинает сбываться: почти год разбирали в Наркомате по иностранным делам его заявление, о котором сам он, по чести сказать, и думать уже забыл.

Но дело сделано, и отдел дипкурьеров пополнился еще одним сотрудником. Назначение он получил в Афины, старшим курьером советского представительства. Перед отъездом долго инструктировали, давали советы.

И, наконец, получив дипломатический паспорт, сел в Одессе Александр Корчагин на пароход «Теодор Нетте», отправляющийся в Афины. Имя Нетте часто звучало в Наркомате – имя человека, до конца выполнившего свой дипломатический долг.

– Простите, нет ли у Вас чего-либо почитать? – перед ним стоит женщина с красивым, типично греческим лицом. Чуть-чуть улыбается, устремив взгляд на лежащий перед ним журнал «МОПР». – А Вы тоже едете в Афины? Зачем?

Простое любопытство? А вдруг нет? Что же ответить, женщина ждет? И вдруг вспоминается сегодняшняя встреча с парикмахером, к которому он заходил постричься. Старый толстый грек без умолку болтал о своих родственниках, которые уехали давным-давно из России и теперь, дескать, зовут его, но он не может расстаться с Одессой, которая стала ему роднее родной мамы...

– Послушай, – не выдержал Корчагин, – может, ты сообщишь мне адрес твоего брата? Хочу удостовериться в том, что он живет так хорошо, как ты рассказываешь.

– О, конечно! – парикмахер щелкнул ножницами у самого его носа. – Запомни: Афины, улица...

И сейчас, вспомнив этот забавный разговор, он без колебаний ответил любопытной пассажирке:

– Я? Еду к брату, в гости.

Собеседница улыбнулась:

– Я тоже ездила в Россию к родным. А где же живет Ваш брат?

Корчагин мстительно улыбнулся в душе, и едва ли не по слогам назвал слышанные им утром адрес и фамилию.

– Боже, – воскликнула дама растроганно. – Да я ведь знаю Вашего брата! Как же, как же, такой видный торговый дом, такой известный человек!

Потом, досадуя на себя, что столь неудачно набился в родственники какому-то беглому торгашу, Корчагин безропотно слушал дамские разглагольствования, кивал головой и вопросительно глядел, когда дама на минуту замолкала. Даже не предполагая, какую большую услугу окажет ему Трианда Фелидис, как представилась она, он думал о чем-то своем, далеко от этого моря и этого корабля.

Почему-то вспомнился ему бой под Темирхан-Шурой. Если бы не уцелел тогда – а в бригаде только каждый десятый выжил – не ехал бы сегодня в Грецию. Значит, товарищам павшим обязан он тем, что мечта его исполнилась. И еще вдруг, глянув на корму парохода, увидел большие буквы «СССР». А вспомнилось морозное январское утро двадцать четвертого, костры у входа в Колонный зал. И они, курсанты кавкурсов, патрулируют скорбный город, даже не замечая мороза...

– Боже мой, какое неприятное происшествие! – дернула его за рукав Фелидис. – Мы заходим в Константинополь, а у меня нет ни одного доллара!

Радуясь возможности избавиться от наскучившей собеседницы, он охотно одолжил ей несколько долларов:

– Когда-нибудь отдадите.

Но зато события в порту Пирей, куда прибыл пароход, ему сразу же не понравились. Таможенники чуть не по часу рылись в чемоданах пассажиров, многих обыскивали.

Прорвавшийся сквозь пограничные рогатки важный господин расцеловался с Фелидис, дал знак слуге унести чемоданы. Но та что-то быстро сказал ему, и господин, вежливо улыбнувшись, взял из рук Корчагина его чемодан:

– Позвольте Вам помочь, сударь.

Александр уступил его просьбе и не ошибся. Таможенники, видимо, хорошо знавшие этого человека, без сопротивления выдали ему талоны на все чемоданы сразу.

В порту услужливый господин остановил такси, сунул водителю деньги:

– Довезите этого господина в Афины, а там – куда он пожелает.

Прощание было трогательным – в воздухе долго плавали шляпы, звучали вежливые улыбки.

– Мы непременно найдем Вас через брата, – пообещали супруги Фелидис. – Вы обязательно должны побывать у нас дома!

Он долго звонил в ворота представительства. Наконец, появился смуглый человек (как оказалось потом – сотрудник представительства Такворьян), что-то спросил по-гречески.

– Не понимаю, – рассердился Корчагин. – Говори, пожалуйста, по-русски.

И показал паспорт.

Через несколько минут его принял советский представитель в Греции Устинов.

– Просто глазам не верю, – удивленно и радостно сказал он. – Вы дипкурьер – и проехали к нам беспрепятственно! Мы только вчера смогли вырвать задержанного на таможне шофера. Его обыскивали несколько раз – видно, искали какие-то бумаги, почту. А Вы проехали!

После того, как ему стали известны обстоятельства переезда, Устинов засмеялся и, повернувшись к Такворьяну, сказал:

– Костюм сшить другой, прическу ему изменить. Не хватает только, и вправду, нам подружиться со здешними торговыми домами.

А потом, посерьезнев, спросил:

– Почту не привезли?

– Совсем немного, – он протянул Устинову тонкий пакет из Наркоминдела.

Тот сорвал печати, пробежал содержимое глазами. И, пожав руку курьеру, сказал:

– Ничего, что мало. Зато как раз то, что мы так ждали здесь. Спасибо даме вашего сердца!

Основной канал, по которому советское правительство в Греции поддерживало связь с Москвой, проходил через Рим. Поэтому и поездки Корчагина вместе с его напарником – дипкурьером Павловским – из Пирея в Рим и обратно были регулярными. Туда везли вализы (пакеты) с дипломатической почтой, предназначенной для Москвы, оттуда получали необходимые в Афинах документы. Поездки совершали пароходом из Эгейского моря, соединенного со Средиземным морем. Так было безопаснее, ибо в Италии господствовал фашистский режим, и там ко всему советскому проявлялся повышенный, нездоровый интерес.

Последнюю часть пути – к посольству в Риме – преодолевали поездом, беря купе на двоих. Как правило, прямо на вокзале их ожидала посольская машина, поставленная так, чтобы ее можно было увидеть из окна вагона.

Но однажды этой машины на месте не оказалось.

– Надо ловить такси, – обеспокоено предложил Павловский, – да вон и стоит, кстати, какое-то.

Корчагин озабоченно выглянул в окно:

– Нет, которое стоит – нам не подходит. – Ступай, лови проходящее, а я побуду здесь. – Он переложил револьвер в правый карман пиджака.

Через минуту подошла машина, и Александр, подхватив саквояж с вализами, направился к ней. Хлопнула дверь, машина тронулась. Стоявшая у вокзала – за ними, почти до самого посольства.

– Явно нас поджидала, – с досадой бросил Павловский. – Хорошо, что не уселись.

Но что это? Вокруг посольства – толпы полицейских, гвардейцы с перьями на касках, какие-то подозрительные люди в штатском.

– Давай прямо к воротам без остановок! – скомандовал Корчагин, сунув в руку водителю несколько лир.

Машина влетела в ворота, встреченная озабоченными сотрудниками посольства.

– Как пробрались-то?

Оказалось, что в этот день кто-то пытался бросить бомбу в проезжавшую по улице машину, в которой находился Муссолини. По городу прошел слух: «Бенито хотели убить славяне!» Толпы фашиствующих молодчиков окружили посольство, и их-то сдерживали полицейские и гвардейцы. Ни выехать, ни въехать в посольство казалось невозможным. Казалось, но... дипбагаж все-таки прибыл по назначению.

На следующий день, отдохнув, они отправились осмотреть город, а заодно и встретить еще двух дипкурьеров, прибывающих из Александрии. Но в пути пришлось задержаться: улицу пересекал пышный кортеж, сопровождающий все ту же машину, все того же дуче. Толпы итальянских фашистов восторженно приветствовали своего кумира.

А на другой улице они увидели совсем иную картину: из одной тюрьмы в другую перегоняли колонны политических заключенных. Гремели цепи. Врезались в запястья кандалы. Один из заключенных, заметив на радиаторе машины красный советский флаг, поднял руки в кандалах и помахал ими дипкурьерам в знак приветствия. На него тотчас набросился полицейский с дубинкой в руках.

Потом, приезжая в Рим, они еще дважды заставляли наше посольство «в осаде»: антисоветские настроения искусно подогревались черносотенными газетами, всеми органами пропаганды.

Итальянцам запрещалось иметь с советскими людьми какие-либо контакты. Но, несмотря на это, на улицах то и дело к ним подходили рабочие, докеры, грузчики. Подолгу трясли руки и повторяли тихо-тихо только одно, хорошо известное слово «Ленин».

И они прекрасно понимали друг друга. И еще понимал старший дипкурьер Александр Корчагин, что не кончилась война. И хоть форма на нем совсем иная, хоть не

бренчит на боку стремглавая кавалерийская сабля, он по-прежнему находится в самом центре политических боев.

С тех пор прошло много-много лет. И недавно, когда персональный пенсионер союзного значения, житель города Лермонтова Ставропольского края Александр Михайлович Корчагин получал новый партийный билет, его попросили проверить правильность записей в учетной карточке. Глянул – и вдруг ожили эти строки, приоткрыв завесу прошедшего времени. «Служба в охране Кремля»? Было... «Работа в органах ОГПУ-НКВД»? Было... «Работа в профсоюзных органах»? Тоже было... Все было... Но почему-то дольше всего он смотрел на запись «1 июля 1926 года – 10 декабря 1928 года. Работа в качестве старшего дипломатического курьера. Советское представительство в Афинах».

На снимках: А. М. Корчагин (из архива Военно-патриотического музея г. Лермонтова);
Удостоверение А. М. Корчагина.

СЕКРЕТ ВОЕННОГО СНИМКА

Есть в фотолетописи Великой Отечественной войны работы, известные едва ли не всему миру. Появившись на свет в суровое военное лихолетье, они сразу же превратились в волнующие документы о беспримерном подвиге советского народа, его стойкости и мужестве.

Поднимает людей в атаку знаменитый комбат с пистолетом в руке, будто сейчас стелется дым пожарищ вокруг непокоренного политрука... Опубликованный в свое время в «Правде», снимок этот обошел практически все газеты и журналы земного шара. «Политрук продолжает бой» – такое название дал ему автор – фронтовой фотокорреспондент «Комсомольской правды» Иван Шагин. Он сфотографировал его на Втором Прибалтийском, где-то под Ригой, но не успел записать ни имени, ни фамилии бойца...

И, что называется, волей случая, спустя три десятилетия, имя его стало известно – Михаил Иванович Калинин.

Тот весенний день был на удивление солнечным и радостным. А вот Анна Ивановна Калинкина вошла в мой рабочий кабинет со слезами на глазах. Достала дрожащими руками из сумочки книжку в глянцевиной темной обложке – фотоальбом о войне «Ни шагу назад!» – и указала мне на один из опубликованных в нем снимков.

– Вот, – едва справляясь с волнением, сказала она. – Вы знаете, ведь это же... это мой брат. Наш Миша.

И спустя несколько минут поведала мне историю последних дней. Сама она – учительница из прибалтийского курортного городка Юрмала, по туристической путевке ездила в Волгоград. Там вот, в киоске прямо на Мамаевом кургане и купила этот самый альбом. Полистала его, увидела снимок, и... киоскерше пришлось вызывать «скорую» – покупательнице стало плохо. Но из Волгограда она поехала вовсе не домой, а к нам – в Ставрополь.

– Понимаете, – говорила женщина, – до войны наша семья жила на Ставрополье, в Георгиевске. Так что вы, ставропольцы, Мишины земляки, и я думаю, что только вы можете мне узнать всю правду о Мише и его судьбе. Вы ведь не откажете, правда? Журналистам это сделать намного проще, чем мне...

Она говорила довольно долго и сбивчиво, будучи не в силах справиться с нахлынувшими воспоминаниями. Все о пропавшем без вести брате. Миша, говорила сестра, был прилежным, хорошим мальчиком. Однажды, еще в школе, когда загорелся лес, он вместе с другими копал заградительный ров, получил ожоги рук, но не стонал, не жаловался. А когда работал уже лесорубом в местном мехлесхозе, за хорошую работу получил первую премию – живого теленка. Жили бедно, хотели его зарезать, но Миша не разрешил: он, знаете ли, был из тех людей, о которых говорят, что они и муху не в состоянии обидеть. Ах, если бы не та проклятая война... Письма с фронта Миша присылал регулярно, все из разных мест. Однажды сообщил, что находится под Ригой. Человеком он был веселым, любящим добрую шутку, но только немножко стеснительным...

Слушал я гостью, смотрел на снимок в альбоме, который лично мне был давно и хорошо знаком, – «Политрук продолжает бой». Как-то даже при встрече поинтересовался у его автора – Ивана Михайловича Шагина – историей его появления. Рассказал он мне тогда немного. Снимок был сделан в октябре сорок четвертого, под Ригой. Фамилии запечатленного на нем офицера узнать в горячке сражения так и не удалось, а потому в газете он был опубликован просто как фотоплакат, безымянным. Сказал мне тогда Иван Михайлович и другое: много раз родные и близкие самых разных людей узнавали в

«политруке» своих сына, мужа, брата, исчезнувших навсегда в безжалостном военном времени. Много раз производились по снимку самые различные экспертизы, но ни разу ни одна из них не смогла дать положительного результата: казалось, что человек этот вообще не имел никакой родни.

– Видно, так и суждено моему герою остаться безымянным, – сказал Шагин. – А жаль, право. Судя по всему, редкого мужества был человек, чтобы вот так, из окопа, будучи тяжело раненым, продолжать вести бой, глядя смерти прямо в лицо...

...Вот все это и вспоминал я, слушая гостью редакции. И точил душу червь сомнения: видимо, произошла очередная ошибка, обозналась бедная женщина. Фронтовые раны в душах людей кровоточат и по сей день, оттого и видят они на старых снимках вечно молодые и дорогие для себя лица. Но уж слишком велик был соблазн проверить догадку, попытаться подтвердить ее документально.

И тридцать лет спустя после боя на подступах к Риге над снимком вновь склонились многие десятки людей, он стал предметом тщательного изучения журналистов, ветеранов минувшей войны, фотохудожников, криминалистов. Тридцать с лишним лет спустя вдруг появилась реальная возможность дать, наконец, ответ на оставшиеся столь долго безответными вопросы.

***

Как правило, всякий журналистский поиск ведется обычно по двум направлениям одновременно. Первое – сугубо «официальное»: разыскиваются необходимые документы, снимки, проводятся сопоставления событий и фактов. Второе – «неофициальное»: нужны очевидцы данных событий, их воспоминания. Нужны, короче говоря, живые люди.

В случае с фотоснимком «Политрук продолжает бой» мы поступили точно так же. И пока ответы на все вопросы еще не были получены, пока молчали архивы, мы с Анной Ивановной отправились в Георгиевск, с намерением провести небольшой, но довольно-таки своеобразный эксперимент.

– Михаил Григорьевич, – обратились мы к другу детства Михаила Калинин, – перед Вами – альбом с фотоснимками. В нем около пятисот самых разнообразных лиц. Посмотрите на них повнимательнее. Возможно, кого-либо узнаете? Вдруг какое-то знакомое лицо встретится?

Медленно листает М. Г. Барабанов страницы альбома. Прямо скажем: для нас – томительно медленно! Но «подсказывать» в подобных случаях нельзя: человек может невольно прислушаться к вашей подсказке, и тогда ошибка практически неизбежна.

На одиннадцатой странице Барабанов останавливается, сосредоточенно рассматривает снимок «Политрук продолжает бой», а потом, побледнев, говорит:

– Посмотрите! Бога ради, посмотрите! Это же он! Это Миша Калинин. Он, я не могу ошибиться...

Немного успокоившись, он снова вглядывается в шагинский снимок:

– Несомненно он. Какой ужасный кадр... Это что – перед самой гибелью?

А дальше нахлынули на Михаила Григорьевича воспоминания довоенной поры, босоногого детства:

– Я же знал Мишу Калинин аж с двадцать второго года. Он был несколько старше меня, но мы все равно дружили и часто ходили друг к другу, бегали на Подкумок купаться, наведывались в лес за дровами... Помню, однажды мы как-то пошли с ним в лес за дикими яблоками. Насобирали ведра по два и шли домой по шпалам. И вдруг у самой будки на четвертом километре нас остановил путевой обходчик и попросил сбегать в контору лесничества, сообщить, что в лесу начался пожар. Мы побросали яблоки и галопом помчались в контору. Люди собрались быстро, уселись на подводы и поехали к месту пожара... Бросились копать огнезащитную полосу... Да что там! Тушили лес все, но особенно отличился Миша – он вдруг заметил, как один горящий сук с треском отлетел от пылающей старой сосны и упал в пожухлую траву под деревьями. «Сейчас по-новой

загорится! – крикнул Мишка. – Если загорится, каюк всему!». И лихо перемахнул через поваленный ствол к горящему суку. Схватил его и отнес на вытянутых руках прямо к ручью... Пожар пошел на убыль, все, слава Богу, обошлось. Но руки у Мишки были все в волдырях... А в 32-м голодном году, – продолжает Барабанов, – мы с ним как-то решили поехать в Грозный, на заработки. Поработали что-то около месяца и заработали по два с лишним пуда кукурузы. Поезда в то время были переполнены, да и ходили редко. И пришлось нам возвращаться «зайцами» на крышах и в тамбурах вагонов. Зато какой подарок привезли мы своим семьям!... Да... А заявление в военкомат Миша подал на второй день войны и сразу же ушел добровольцем на фронт... И больше о нем я ничего не слышал...

От одного георгиевского дома мы идем к другому. Встречаемся еще с одним другом детства Михаила Калинин – З. Н. Рогозиным. И снова в небольшой чистой комнатке, у стола, покрытого белоснежной скатертью, почти дословно повторяется уже описанный выше разговор. Рогозин так разволновался, увидев снимок, что пришлось его попросить изложить свои воспоминания несколько позже на бумаге.

Для этого потребовалось несколько дней. И вот оно – его письмо:

«Я знал Михаила с детства, были соседями. Жил он с отцом, матерью и двумя сестрами. Жили небогато. С юных лет отец брал его с собой на работу по жестяному делу. Он помогал отцу и очень гордился, что помогает семье жить лучше. Потом отец умер. Михаил пошел работать, а сестрам велел учиться. Как ни трудно было, но концы с концами сводили. Интересно, что он всегда предлагал соседям помочь в чем-то первый. Кому дрова колот, кому воды принесет. Денег никогда не брал и за унижение помощь людям для себя не считал. На свадьбе он был у меня дорогим гостем. А когда уходил на войну, сказал: «Не горюй, Захар, мы еще встретимся». Это был на моей памяти единственный случай, когда он не сдержал данного обещания. Впрочем, строго говоря, ведь свидетелься мне с ним все-таки пришлось – только вот много лет спустя, на этой страшной и в то же время прекрасной фотографии. Жаль такого хорошего парня, который имел ко всем открытое и доброе сердце».

Третий дом. В нем живет О. П. Антропова. И снова знакомое:

– Боже ж ты мой! – всплескивает руками хозяйка. – Узнаю Мишу Калинин. С детства его знала. Веселый был парень, жизнерадостный такой. А вот погиб так рано...

И работавшие до войны вместе с Калининным Г. Безземельный и Я. Гладышев, и бывшие соседи Городиловы и Краснянские – все они в ответ на просьбу найти на снимках в альбоме среди сотен людей знакомое им лицо указывали на фотографию «Политрук продолжает бой»: «Это же Миша Калинин!».

В Ессентуках – встреча с А. С. Догузовой, сотрудницей санатория им. Калинина.

Снова шелестят страницы альбома. Снова:

– Вот тут же Миша! Мы с ним дружили перед войной. По улицам что твои метеоры бегали, сорванцевали вместе. Потом война и... больше я о нем ничего не знаю. Интересно, а как сложилась его судьба?

Ответ на этот вопрос очень интересовал и нас. И вполне понятно то волнение, с которым ждали мы ответов на наши запросы.

И они не заставили себя долго ждать.

***

Первый из них пришел из Центрального архива Советской Армии:

«Красноармеец Михаил Калинин, 1908 года рождения, призванный на действительную военную службу Георгиевским райвоенкоматом, действительно, находился в частях Второго Прибалтийского фронта и погиб в 1944 году».

За подписью начальника отдела Главного управления кадров Министерства обороны СССР Войтенко пришла бумага о наградах М. И. Калинкина:

«По данным Главного управления кадров Министерства обороны СССР, минометчик 492-го стрелкового полка 199-й дивизии красноармеец Михаил Иванович Калинин 1908 года рождения приказом по 492-му стрелковому полку №7 от 22.8.1943 года награжден медалью «За отвагу». Других сведений о нем в Главном управлении кадров не имеется».

Пришло, наконец, документальное подтверждение словам И. М. Шагина – из ордена Трудового Красного Знамени издательства политической литературы:

«В альбоме «Ни шагу назад!» на стр. 11 воспроизведено фото работы Ивана Михайловича Шагина, сделанное в 1943 году на Втором Прибалтийском фронте, под Ригой».

Собранные бумаги убеждали: да, скорее всего, на снимке Шагина запечатлен именно Михаил Калинин, рабочий из Георгиевска, солдат-доброволец. Но именно эти два слова – «скорее всего» – и заставили нас не спешить с выводами: на свете бывают самые удивительные, самые невероятные совпадения. Пока же в цепи всей работы не доставало одного, но очень важного звена – заключения экспертов, специалистов по «узнаванию» людей, идентификации личностей.

Работники Ставропольского краевого управления внутренних дел констатировали: «Да, сходство есть, причем весьма значительное. Возможно, вполне возможно, что это и есть Михаил Калинин. А возможно, что и нет... Многие отдельные элементы совпадают, но трудно делать по ним категорическое заключение. Значительная часть головы и лица политрука скрыты повязкой, отсутствует столь важный элемент лица, как уши...».

Последнее слово было за экспертами-криминалистами знаменитого МУРа, на Петровке, 38. И присланные Анной Ивановной Калинкиной довоенные подлинные снимки ее брата направляются именно туда, с просьбой о проведении сравнительной экспертизы.

Случилось так, что они попали в руки одного из опытейших сотрудников научно-технического отдела Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Николая Маркова, который, кстати, и раньше не раз держал «Политрука» в руках, проводя с ним очередные сличающие экспертизы.

И вот как он сам написал несколько позднее о том, что же конкретно произошло.

«Конечно же, любой положительный результат исследования – это настоящий праздник не только в нашей лаборатории, но и сотрудников всего отдела. И как мне хотелось, чтобы подтвердились предположения А. Калинкиной и сотрудников редакции «Ставропольская правда»! Начинаю, – в который уже раз! – проводить экспертизу снимка... Часами изучаю портрет политрука и портрет М. Калинкина. Подолгу вглядываюсь в них, стараясь запомнить каждую детальку в лицах. И сразу же возникают сложности, мешающие отождествлению. На снимке, где М. Калинин изображен вместе с сестрой, у него спокойное выражение лица. Снят он анфас. Иное дело – на фотографии «Политрук продолжает бой». Его лицо снято в «три четверти», т.е. в другом ракурсе. Мало того: оно искажено криком. Не видно таких важных деталей лица, как лоб, ухо, брови. Все это закрыто бинтом. Трудно, очень трудно отождествлять столь различные снимки. Но постепенно начинают прорисовываться

общие черты. Вот характерные изгибы нижней и верхней губ, складки, которая идет к уголкам рта, форма носа...

После визуального изучения начинаю работу в фотолаборатории. Переснимаю фотографии, делаю негативы разной плотности, диапозитивы. С негативов изготавливаю позитивы. Увеличиваю их до необходимых размеров, печатаю в одном масштабе. Это необходимо для того, чтобы произвести сравнительные измерения всех деталей лица... Результаты надо проверить контрольным совмещением анатомических признаков лица на негативе снимков... Выполняю и эту работу... Исследование идет к концу. Прделано все, что требует методика проведения портретной идентификации личности. И теперь можно сделать категорический вывод: да, на фотографии «Политрук продолжает бой» снят М. И. Калинин!

Пройдет время – и, возможно, отыщутся боевые друзья героя, расскажут о фронтовом периоде его жизни. Ставропольские следопыты найдут материалы о довоенном периоде работы. Откроются неизвестные страницы биографии человека, снимок которого воодушевлял и звал на помощь тысячи советских бойцов».

Только через два месяца пришло долгожданное экспертное заключение:

«В результате проведенного исследования установлены совпадения внешности сравниваемых лиц по следующему ряду анатомических признаков:

- выступлению скул на лице,*
- размеру носа по высоте и форме,*
- размеру крыльев носа,*
- форме красной верхней каймы,*
- наличию носогубных морщин*
- размеру подбородка и его форме.*

...Различающиеся признаки объясняются тем, что сравниваемые лица изображены в различных условиях по времени и обстановке. Кроме того, в изображении Калинина М. И. имеются следы ретуши. Перечисленные же совпадающие признаки являются устойчивыми и в сочетании образуют относительно индивидуальную совокупность, что служит основанием для вывода о том, что на вырезке из книги и на фотоснимке с изображением Калинина М. И. изображено ... одно и то же лицо. Эксперт Марков».

***

Пожалуй, правильно сказал эксперт: любой положительный результат в работе – праздник всего коллектива. И, само собой разумеется, установление имени и фамилии человека, изображенного на снимке «Политрук продолжает бой», стало подлинным праздником всех журналистов «Ставропольской правды».

Уже через несколько дней после получения результатов экспертизы сообщения о том, что политрук обрел имя, запестрели на страницах наших и зарубежных изданий, на сей раз уже с именем изображенного на фотографии человека. Известный снимок словно бы родился заново, вторично.

От этих публикаций мы ждали многого. Хотя, конечно, кое-что о Михаиле Калинине уже было хорошо известно, но, в подавляющем большинстве своем, все эти сведения относились к довоенному периоду его жизни. А как воевал он на фронте? Где его товарищи по оружию? Да и живы ли они вообще: столько лет минуло...

Но никто из нас, журналистов, не мог предположить, какой именно размах приобретет «дело о политруке»: а в поисковую работу вовлеклась, что называется, вся страна. Словно мозаичное полотно, из писем читателей начала складываться биография этого человека, а отсутствующие в ней страницы, как и прогнозировал Н. Ф. Марков, стали заполняться фактами и интересными событиями его жизни.

Писем в редакцию почтальоны приносили много. И нельзя было без волнения читать их, эти бесхитростные человеческие документы.

«Снимок знаком с детства. Был мальчишкой, когда он впервые появился в газетах. Очень рад, что удалось узнать имя этого человека-легенды. Спасибо!»
Н. Васильев. Невинномысск».

«После публикации в нашей газете «Отечествен фронт»... в редакцию все время звонили люди. Они хотели узнать адрес сестры Михаила Калинин, чтобы написать ей слова восхищения ее братом-героем. З. Желев. Болгария, София».

«Несколько дней назад я увидела снимок с фамилией Михаила Калинин. А ведь когда-то мне казалось, что это мой Витя. Я писала в Москву, но мне ответили, что лица, к сожалению, не совпадают. Но я все равно рада, что имя героя узнали люди. Я все равно считаю Мишу Калинин и своим сыном – он так похож на моего Витю. А. Гурзо. Смоленск».

«Снимок, опубликованный в «Правде», я видел в войну в дивизионной газете «За Родину» (85-я гвардейская стрелковая дивизия, 15-й гвардейский корпус, 10-я гвардейская армия). В. С. Тэви, ветеран войны, г. Горький».

...Что ж, вполне возможно: в годы войны люди нередко попадали из одной дивизии в другую, с одного фронта на другой. Скорее всего, именно так и было с Михаилом Калинин. Тем более, что эта версия неожиданно получила подтверждение:

«В 44-м году я лежал в армейском госпитале десятой гвардейской армии, в палате для тяжелораненых. Нас было человек семь, но один мне запомнился особенно хорошо. Нам сказали, когда привезли его, израненного и без памяти, что этот человек из роты остался в живых один, и около часа отстреливался от наступающих немцев из пулемета. Он стонал. Потом стоны прекратились, и я подумал, что он умер. Но он открыл глаза. И так было все время – стонал он только в беспамятстве, а когда приходил в себя и не спал – стискивал зубы и упорно молчал. А запомнил я его потому, что сестра сказала нам: «Он, оказывается, полный тезка всесоюзного старосты – Михаил Иванович Калинин». Как-то он пришел в себя, и я спросил: «Худо тебе, товарищ Калинин?» Он улыбнулся и сказал: «Ничего, только я Калинин». Потому я его и запомнил. Кажется, именно его снимок я и видел в «Правде». Полковник в отставке В. С. Пономарев. Ленинград».

«Из роты остался в живых один»... История Великой Отечественной войны знает, к сожалению, немало подобных случаев. Не было бы ничего удивительного, окажись оно так и с Калинин на самом деле. И снова речь шла о 10-й армии...

Давайте коротко припомним события лета и осени сорок четвертого года в Прибалтике.

Идут кровопролитные, не стихающие ни на минуту бои. Сорок восемь отборных гитлеровских дивизий обороняются с упорством осужденных на смерть. Четверть всех вражеских сил, сосредоточенных на Восточном фронте, находится здесь. 10 июля, используя успех наступления наших войск в Белоруссии, в наступление переходят и части Второго Прибалтийского фронта под командованием генерала А. И. Еременко. В особенно же трудных условиях действовали 10-я и 3-я ударные армии под командованием М. И. Казакова и В. А. Юшкевича.

Героизм советских солдат в Прибалтике был поистине беспределен. Двигаясь по непролазным топям к Риге, наши войска с кровопролитными многодневными боями приближались к древней прибалтийской столице.

Вот строки только одного, опубликованного в печати, приказа по фронту, подписанного генералом Еременко.

«Переход через Лубанские болота есть выдающийся воинский подвиг. На этой гнилой местности, протянувшейся на десятки километров, гитлеровские генералы считали невозможным вести боевые действия, тем более крупными соединениями. Однако советские воины шли по наспех проложенным гатям, пробиваясь по пояс, а то и по горло в ледяной воде, перетаскивали на себе свое оружие и победили. Честь и слава бойцам и офицерам Лубанского перехода!»

Заметим сразу: в 10-й армии были такие роты, в которых не осталось ни одного человека... И, поскольку именно об этой армии идет речь в двух приведенных последних письмах, очень мог бы оказаться правым ленинградец Пономарев.

И тогда, наверное, так бы и остался незавершенным портрет Михаила Калинин, ибо слишком уж скуными были сведения, касающиеся его военной биографии.

Все это могло бы случиться. Но, к счастью, один из людей, сражавшимся с Калининным плечом к плечу, еще оставался среди живых.

***

Это письмо доставили в редакцию со второй дневной почтой. И первые же прочитанные строки заставили учащенно биться сердце...

«Дорогие товарищи! Мне довелось в свое время воевать вместе с изображенным на снимке в «Правде» Мишей Калинин. Вместе с ним мы съели не один пуд соли, хотя, конечно, он был в последнее время лейтенантом, а я солдатом. Но, сколько бы ни прошло лет, я буду помнить этого хорошего и доброго человека. К моему глубокому сожалению, я вовсе не писатель и не могу рассказать о нем вам все, что знаю, в этом письме. Но сам я ставропольский и, как только поеду в отпуск в родные края, непременно зайду к вам».

И вот, спустя два-три месяца, бывший младший сержант Илья Иванович Прасолов приехал в Ставрополь. И вот что он нам поведал:

– Сам-то я призывался в сорок третьем из Ачикулака. Время было трудное, и из семидесяти человек, призванных вместе со мной, домой вернулось меньше десятка. Служил я в матушке-пехоте командиром орудия, знаменитой «сорокапятки». Дело наше было известное: подтянул на себе пушечку вслед за пехотой, получил от корректировщиков ориентировочку и – «огонь!». Есть у меня о войне память – медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие. А еще – три тяжелых ранения, до сих пор о себе накануне плохой погоды знать дают... Вот тогда-то, на Втором Прибалтийском, и познакомился я с Михаилом Калининным...

Всех, кто прибывал на пополнение в нашу дивизию, пропускали «через политруков». Иными словами, со мной, комсомольцем, должен был побеседовать недавно избранный секретарем партийной организации роты лейтенант Калинин. Был он чуть повыше меня ростом, почти рыжеволос, с удивительно светлыми бровями. Улыбнулся: «Что, товарищ солдат, теперь, значит, вместе воевать будем?» А через несколько минут, узнав, что я родом тоже со Ставрополя, очень обрадовался: «Земляки мы, значит, с тобой? Это же, брат, чудесно, очень здорово!» Потом, позднее, я узнал о том, что он – житель Георгиевска, что там у него мать и сестры. Все говорил мне: «Не горюй, брат, война скоро кончится, домой вместе махнем! Ты – ко мне, а я – к тебе в гости!» Только получилось, что домой вернулись, к сожалению, не все...

При мне Михаил Иванович был дважды ранен – один раз в руку, второй раз – в левое бедро. Он был храбрым воином и, самое главное, веселым, неунывающим человеком. Мы, честно говоря, завидовали солдатам взвода, которыми он командовал

непосредственно. А переделки-то бывали самые разные. Как-то, на самой границе Латвии и Литвы, у местечка Видзи, мы вступили в бой с превосходящими силами противника. Из всей роты осталось человек тринадцать. После боя старшина Геворкьян выдал нам обед – по куску хлеба и по порции жмыха. Все были подавлены, а лейтенант вдруг пошутил: «Царский обед даешь, старшина! Право слово! Не от царского еще режима для нас сохранил?» И вдруг всем стало полегче...

– Расскажите и о своих боевых друзьях, Илья Иванович.

– К большому горю, слышал я о них мало. Командиром роты был у нас капитан Рязанцев, батальонным – подполковник Павлов. Ничего о них не знаю... А еще помню медсестру Асю. Она после боя и Калинкину, и мне перевязки делала. Симпатичная такая, храбрая девушка. Потом, когда я попал в госпиталь, с нею там встретился. Она и рассказала мне о гибели лейтенанта Калинкина. После артподготовки на наши позиции поперли танки, вот тогда-то и не стало лейтенанта нашего. Ася говорила, помнится, что он, даже тяжело раненный, так и не покинул поле боя, сражался с фашистом до конца...

***

Итак, последняя страница в редакционном деле с надписью «Политрук продолжает бой» на обложке закрыта. За годы, понадобившиеся для его завершения, пообтерлись бумажные углы, затрепались тесемки. Но время не прошло даром – разгадан секрет военного снимка, который оставался безымянным долгие десятилетия.

Последним в папку было подшито присланное младшей сестрой Калинкина Марией письмо самого Михаила Ивановича Калинкина – его последняя фронтовая весточка семье.

«Видим и ощущаем на себе, как нагледят фашисты. Бои в Прибалтике идут жестокие: гады хотят укрепиться. Только мы их все равно гоним и непременно и скоро выгоним взащей с нашей родной земли. А вас очень прошу: продайте весь материал, который я заготовливал на строительство нового дома. И корову продайте, которую мне в лесхозе еще теленком подарили. Старайтесь, пожалуйста, питаться хоть чуточку получше. Вернусь – все наживем заново. А коли не судьба будет вернуться – люди вам помогут. И знайте, что наше дело такое правое и святое, что помереть за него не страшно, а только почетно».

...Сейчас, когда все материалы по «делу политрука» давно уже стали собственностью Ставропольского музея краеведения им. Г. К. Праве, когда часть из них представлена в экспозиции по истории Великой Отечественной войны, я, приходя туда, вновь и вновь смотрю на снимок «Политрук продолжает бой» и удивляюсь – насколько случайно данное ему название оказалось верным! Потому что и по сей день, по сей час продолжает политрук лейтенант Михаил Калинкин свой затянувшийся бой. Бой, который никогда не стихнет в людских сердцах, в человеческой памяти. За то, чтобы никогда не повторился день 22 июня 1941 года.

На снимках: М. И. Калинкин.

Фотография И. М. Шагина «Политрук продолжает бой» (1944 г.).

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

На госпитальной койке умирал человек. Всего несколько часов назад он был здоров и полон энергии. И вот уже военврач, бессильно опустив усталые большие руки, говорит страшное:

– Надежд никаких...

Полковник Сагитов кивает головой и смотрит на врача:

– Но, может быть...

– Надежд никаких...

Командир дивизии отворачивается и смотрит в окно госпиталя. Блестит под солнцем февральский ноздреватый снег на улицах Будапешта. Спешат куда-то люди, спешат солдаты. Обидно умирать в такой день. Обидно не только потому, что не за горами победа, что пришел долгожданный сорок пятый. Обидно еще и потому, что за плечами у тебя полсвета, что столько раз смотрел смерти в лицо, а она тебя не брала. Обидно и потому, что атака, в которую ты сегодня поднял своих бойцов, была, наверное, последней атакой на венгерской земле. Сагитов сжал кулаки и не заметил сам, как повторил сверлящую мозг мысль вслух:

– Обидно умирать...

Раненый открыл глаза, застонал от боли, пытаясь пошевелиться. И вдруг его измученное лицо тронула улыбка. Сколько раз видел ее, улыбку эту, на лице своего заместителя командир дивизии. Но только сейчас вдруг заметил он ее доброту и неповторимость. Девяносто девять против ста, что больше ему не улыбнуться.

– Ничего, командир, – негромко сказал умирающий. – Не обидно. Дело сделано, жаль только, что до победы не дотянул. Ну, да уж вы сами закончите. Без меня...

Он замолчал и закрыл глаза. Сагитов тронул остывающую руку:

– О чем думаешь, Емельян?

– О жизни думаю, – еще тише ответил умирающий. – О жизни...

Говорят, что в такие минуты перед мысленным взором человека может в считанные секунды встать вся его жизнь, все пройденные им дороги. Мы не знаем, что именно вспоминал в свои последние минуты полковник Емельян Ермаков. Может статься, далекое детство, родной Ставрополь в тополиной зелени, измазанные раствором шершавые руки отца-печника. Может, собрание, посвященное созданию в городе комсомольской организации: именно тогда вступил он в РКСМ. А может быть...

Иван Ермаков не вышел, а буквально вылетел из губкома партии. Подбежал к переминающемуся с ноги на ногу Емельяну:

– Давай ребят собирать по цепочке. Срочное задание дали. Он схватил брата за плечи и с жаром начал ему объяснять:

– Понимаешь, зима на дворе. Холодина, можно сказать, лютая. Понимаешь...

– Понимаю, – улыбнулся Емельян брату-комсоргу. – Даже по себе чувствую, – он вытащил из худых карманов зипуна покрасневшие негнущиеся руки. – На то она и зима.

– А, – отмахнулся Иван, – вечно ты с шуточками. А дело, понимаешь, серьезное. Дети в школах мерзнут, топить нечем. Чернила замерзают, о людях и говорить не приходится. Школы под угрозой закрытия! Вот нам и поручено заготовить топливо для школ, в Архиерейском лесу делянку выделили. Завтра с шести утра все туда с топорами и пилами. Не можем мы, понимаешь, допустить, чтобы школы закрылись.

Трудно валить лес на морозе, когда набивается в старенькие ботинки колючий снег, когда с вершин так и сыплется холод прямиком за воротник. Решили разбиться на

группы, чтобы работать через день. Но даже один день выдержать было трудно: от холода дрожали руки, кое-кто начинал жаловаться на судьбу.

Иван и Емельян работали рядом. Работали молча, со злостью. Вечером только разлепил старший брат потрескавшиеся губы:

– Завтра, понимаешь, я опять сюда приду.

– Я тоже, – кивнул головой Емельян. – Сколько надо, столько и буду ходить.

– Имеешь право через день, – бросил Иван. – Дело добровольное, заставлять не имеем права.

– Я комсомолец, – просто ответил Емельян. – А потому меня заставлять не надо.

Шел 1922-й год. Школы в Ставрополе не закрылись.

С фронта его отозвали в конце сорок третьего. Кадровик в Военной академии Красной Армии имени М. В. Фрунзе перелистал дело, бормоча непонятное:

– Так, так, так...

Потом поднял голову, улыбнулся:

– Военным, Емельян Иванович, стали случайно?

Ермаков вытянулся:

– Почти случайно. В двадцать втором направлен в кавалерийскую школу. Потом был комиссаром кавполка в Ставрополе. Перед войной учился в Москве на Высших курсах. Службу прохожу в армейском полиотделе Южного фронта. Все.

– Ну что ж, – кадровик закрыл дело. – Сами понимаете, положение на фронтах не из легких. Каждый человек на учете, страна напрягает все силы. Но, тем не менее, командование считает, что Вам нужно подучиться, дабы воевать еще лучше. Задачи ясны?

Ермаков кивнул головой, а потом, спохватившись, сдвинул каблуки сапог:

– Так точно.

Семь месяцев ускоренного академического курса пролетели незаметно. И снова – фронт. Он получает назначение на должность заместителя командира дивизии. С боями проходит Румынию, Болгарию, Югославию. Теперь вот – Венгрия...

Мертвые говорить не могут. Это – правило. Но нет правил без исключений. И сейчас, спустя десятки лет после гибели подполковника Ермакова, мы все-таки имеем возможность узнать о некоторых эпизодах его боевого пути, как говорится, из первых уст.

Передо мной – пожелтевший от времени реферат, который разыскал в архиве Академии имени Фрунзе товарищ Емельяна Ивановича, Михаил Никанорович Гурьянов. Тема реферата – «Наступление стрелкового батальона на опорный пункт в горно-лесистой местности (из опыта Отечественной войны)». Листаю его страницы... За ними – ноябрь 1942-го, кровопролитные бои на подступах к Туапсе. На направлении главного удара враг использует авиацию, тяжелую артиллерию, минометы. Наши части обойдены с флангов, положение становится, с точки зрения прежней военной теории, безвыходным. Но, вопреки теории, стрелковый батальон Ермакова переходит в наступление. Рельеф местности не позволяет поддержать его артиллерийским огнем. Весь удар батальона сосредоточен на опорном пункте гитлеровцев. В считанные минуты атакующие занимают пункт и, хотя по-прежнему остаются в окружении, лишают врага всей системы управления.

Всего один час боя – и противник уже отброшен на прежние позиции, оставив на месте схватки 80 убитых, 4 пулемета, 7 минометов, 57 винтовок, 13 автоматов. Наши потери составили 27 человек...

В конце реферата отметка преподавателя: «Пример составлен очень удачно и поучительно. С работой слушатель справился отлично. 28 апреля 1944 г.».

Потом, в ходе войны, подобные операции получили самое широкое распространение. И сейчас, читая строки пожелтевшего документа, я еще и еще раз убеждаюсь: нет, мертвые молчат не всегда.

Из письма командира дивизии Сагитова жене Ермакова Анастасии Ивановне:

«С первых чисел января, уважаемая Анастасия Ивановна, на полях Венгрии разыгралась крупнейшая по своему размаху битва за Будапешт. В этих боях Ваш муж – подполковник Ермаков – всегда находился на своем посту, там, где противник был сильнее всего. Там он и пал смертью храбрых... Весь личный состав части глубоко опечален гибелью одного из лучших своих офицеров. С прискорбием извещая Вас о гибели мужа, командование части выражает Вам искреннее соболезнование. Ваш муж похоронен с отдаванием всех воинских почестей в городе Будапеште, под звуки марша и гром салютных залпов. Лично мною памятник Вашему мужу оформлен гранитом...»

В самом центре Будапешта, на площади Свободы находится памятник ставропольцу Емельяну Ермакову². У его подножия лежат живые цветы. Их несут и несут сюда граждане свободной Венгрии, за которую отдал свою жизнь вдали от Родины русский солдат...

---

² В 2016 году на Площади Свободы в Будапеште стоит мемориальная стела с выгравированными на ней именами бойцов-освободителей, в т.ч. и Емельяна Ермакова. Личный памятник был перенесен с площади во время перезахоронения [прим. ред.].

ЗАДАНИЕ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

Есть в старых документах нечто, заставляющее волноваться при каждом прикосновении к ним. Вот и эта грамота – из их разряда.

«Лейтенанту Салиеву Тимофею Ивановичу.

За образцовое обеспечение работ Крымской конференции руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотовым 2 февраля 1945 г. объявлена благодарность краснофлотцам, сержантам и офицерам частей ВВС ЧФ, в том числе и Вам, принимавшему участие в обеспечении Конференции».

Время... Только с прожитыми годами осознаешь до конца, как же все-таки оно быстротечно! Но если даже куда больше половины населения страны появилось на свет уже после последних залпов Великой Отечественной, это вовсе не означает, что интерес к ее событиям в каждом сердце постепенно угасает. А в сердцах фронтовиков она, война, прописалась навсегда – до самого смертного часа. И потому Тимофей Иванович, прищурив глаза, и сейчас совершенно отчетливо видит тот далекий фронтовой аэродром на простуженном Кольском полуострове. Летчики там шутили: у нас, говорили, двенадцать месяцев в году зима, зато все остальное – лето...

То «лето» доставляло воинам немало хлопот. Их главной задачей было сопровождение прибывающих в Мурманск союзнических караванов судов, об истории которых мы сейчас, после появления в свет нашумевшего романа Пикуля «Океанский патруль», осведомлены довольно неплохо. А Салиев знал об этом еще сорок пять лет назад, когда только попал служить на Кольский. Их самолеты встречали те караваны в море и препровождали к своим берегам, обеспечивая при необходимости защиту от подводных лодок, судов и авиации противника. А командовал частью человек легендарной судьбы – дважды Герой Советского Союза, подполковник Борис Сафонов, сбивший более тридцати гитлеровских самолетов и погибший потом в студеных морских волнах...

Но вернемся к аэродрому.

– Снежные заряды нас доводили буквально до изнеможения, – с улыбкой вспоминает Салиев. – Они следовали один за другим, взлетная полоса была в снегу постоянно. Помню случай: только расчистили полосу, самолеты взлетели. А через несколько минут – новый снежный заряд! Снегу в считанные минуты – едва не по пояс... А ведь ребята наши вот-вот вернутся, им садиться надо. Вот то была, доложу вам, работа! До крови на руках, до соли на гимнастерках... Мы тот проклятый снег разгребаем, а самолеты уже над нашими головами кружат, сесть не могут. Когда приземлились, у некоторых баки оказались буквально сухими – все горючее до последней капли выработали. Ну, а в общем, служба у меня была, как у всех, разве что только проходила она в особых условиях.

«Особые условия» создавали частые налеты вражеской авиации – они были методичными, через каждые полчаса-час. Прорвутся к аэродрому, сбросят бомбовый груз и поворачивают, преследуемые нашими самолетами, восвояси. Потери при этом гитлеровцы несли огромные, но не считались с ними никак: аэродром был у них, что бельмо на глазу. Уничтожить, любой ценой уничтожить! – таков был приказ гитлеровского командования. Его стремились выполнить во что бы то ни стало. Наши помешали...

– Сколько же там народу погибло! – говорит со вздохом Салиев. – Вон десятилетия минули, сам стариком стал, а их все помню молодыми да чубатыми. Я у них политруком

был... А сам-то родом из Новомихайловки, что в Красногвардейском районе Ставрополья. До армейской службы был учителем, директором сельской школы. В сороковом призвали в армию. Оттуда – в военно-морское училище, а там и война застала, направление на Северный флот. С ним, в основном, и оказалась жизнь переплетенной...

Вообще-то под бомбежками он бывал часто. Один раз – прямо в Мурманске, который был в ту пору почти сплошь деревянным городом. Пять главных улиц сходились в центре, и потому летчики называли город несколько иронично – «пяточок из пяти углов». Так вот: после того налета от знаменитых «пяти углов» не осталось даже воспоминаний!

– Сам по сию пору удивляюсь, как жив остался, – пожимает плечами Тимофей Иванович. – Ведь все было за то, чтобы с войны мне не вернуться. Но вернулся, как видите!

Надо сказать, что вместе с ними на фронтовом аэродроме базировались и английские летчики. Частое общение с ними, умение объясниться – пройдет время, и это позволит Салиеву получить важное задание, речь о котором пойдет несколько ниже. А тогда одного из англичан ему даже спасти пришлось, правда, отнюдь не в боевой обстановке. Просто решил тот как-то выкупаться в ближайшем озере. А вода-то ледяная! Все-таки не Сочи, а Север, к тому же – крайний... И тотчас – судороги, топором на дно... А сослуживцы его только кричат да руками размахивают.

– Странное дело, – искренне удивляется Салиев. – Ведь Англия – остров, кругом одна вода. А летчики оттуда поголовно плавать не умели!

Пришлось, одним словом, Салиеву в самом срочном порядке принять холодную купель.

– Мы тогда махорку курили, – говорит он, припоминая давний случай, – а англичанам сигареты выдавали. Так они меня за спасение своего сотоварища на постоянное табачное довольствие поставили. До самого конца службы курил, как царь, не махру, а самые настоящие сигареты!

Конец северной службе наступил неожиданно – была получена команда срочно прибыть в распоряжение штаба Черноморского флота.

– На курорт, Тимоха, катишь, – завидовали товарищи. – Повезло тебе как! В Черном море купаться будешь, благо, что в плавании и тут потренировался...

Так он оказался в Ялте и там узнал: ему – великое доверие и важное задание – стать командиром взвода охраны предстоящей Крымской конференции глав правительств трех союзных держав. Служба пошла, как говорится, на голых нервах. Правда, не было никаких бомбежек, но сколь огромная вдруг свалилась на его плечи ответственность!

– Верите, – признается, – под бомбами никогда не пасовал, а тут от шелеста птичьих крыльев невольно вздрагивал: не диверсия ли какая, чего доброго, готовится!

И вот он настал, долгожданный февраль сорок пятого.

– Первым из «большой тройки» прилетел Черчилль. Обошел с недовольным лицом строй почетного караула, никому при этом, кроме встречающего его Молотова, не сказав «здравствуй». А вот Рузвельт – тот оказался прямой противоположностью англичанину. Очень воспитанный, высококультурный человек. Объехал строй на своей инвалидной коляске, со всеми офицерами поздоровался, почти для каждого нашел доброе слово, ободряющую улыбку либо шутку... Но, можно понять, с особым нетерпением ожидали мы появление Сталина! Как же: вождь, учитель, Верховный Главнокомандующий, наконец... А он оказался самым обыкновенным человеком, и ровно ничего великого в его облике, представьте себе, не было. Совсем не таким был, каким привыкли мы его видеть на портретах.

Забегая вперед, скажем: Конференция прошла, что называется, без сучка и задоринки.

– Никаких ЧП не случилось, – гордится Салиев. – Правда, нам было намного легче, чем, скажем, нашим коллегам, которые рассказывали о том, как они обеспечивали охрану во время работы Тегеранской конференции. Там и окружение было вовсе не

дружественным, да и сами главы делегаций то и дело перемещались из одного здания в другое. У нас – все на одном месте... Раз только непредвиденный «аврал» вышел, когда гости обратились к Сталину с просьбой организовать для них морскую прогулку. Война есть война: пришлось срочно приводить в идеальный порядок катер, обследовать его буквально сантиметр за сантиметром. Обшивку, и ту всю пальцами прощупали. Обеспечивали прикрытие и с земли, и с моря, и с воздуха. Самое трудное, что сделать это надо было так, чтобы со стороны было не очень заметно. Ничего, обошлось, как говорится.

... Конференция работала неделю. Разумеется, в зале заседаний ее Салиев не был. Но зато вне этого зала общался с участниками довольно близко. Даже заприметил: больно неумеренно налегает господин Черчилль на русскую водку.

– Поразило нас это, – признается. – Ведь о каких серьезных вещах речь шла, о судьбах всего человечества, можно сказать. А тут – не вполне трезвый человек сидит, вот ведь дело-то какое...

И все-таки, несмотря ни на что, хорошо заметно было основное, подчеркивает Салиев: даже столь явная затыжка с открытием второго фронта не помешала союзникам оставаться союзниками, единомышленниками. Об этом говорили приветливые улыбки Рузвельта, обращенные к Сталину. А вот Черчилль – и это тоже было видно – никак не оставлял попыток разговаривать с главой Советского правительства все-таки свысока, эдаким покровительственным тоном.

– Потом мы узнали, какие воистину исторические документы приняла Конференция, – продолжает Салиев. – И главный среди них – Декларация об освобожденной Европе. Дело мира, казалось нам, победило отныне и навечно... А через несколько лет набрала силу «холодная война», одним из главнейших вдохновителей и идеологов которой был все тот же Черчилль. В те годы, между прочим, знаете кого я вспоминал чаще других? Англичанина, которого из озера вытащил. И его сигареты тоже... Неужели, думал, придет время, когда мы с ним по чьей-то злой воле окажемся врагами?

Окончилась война. Майор запаса, коммунист с 1939 года вновь вернулся в класс. Только на сей раз – по направлению краевого отдела народного образования – стал директором Тахтинской средней школы, что ныне в Ипатовском районе. Позднее перебрался в Ставрополь – воспитателем в школу-интернат, да так навсегда и осел в этом городе. Вырастил сына Владимира, который стал офицером, командиром пограничного корабля. Появился внук Андрей. Опять-таки офицер, служит сейчас на земле Афганистана. Иногда присылает деду весточку о себе, на жизнь не жалуется. Продолжается военная династия Салиевых.

Жизнь продолжается.

На снимках: Тимофей Иванович Салиев (1988 г.);

Грамота Т. И. Салиеву за образцовое обеспечение работ Крымской конференции.

ИСПЫТАНИЕ ПРОЧНОСТИ

Вся эта история показалась бы мне, наверное, неправдоподобной, если бы самому не довелось проверить в ней каждое слово, выверить каждый факт. Сейчас, переживая и перечитывая ее снова, от начала и до конца, убеждаюсь вновь в том, что нет на свете ничего сильнее человеческого духа, человеческой воли и человеческой любви. И думаю, что именно на них, а не на пресловутых трех китах, в существование которых столь наивно верили древние, стоит и держится долгими веками наш большой и трудный мир.

Начну этот рассказ с самого начала – с письма, пришедшего в редакцию газеты «Ставропольская правда».

«Уважаемый товарищ редактор! К вам обращаются ветераны бывшего 397-го отдельного саперного батальона. Расскажите, пожалуйста, если можно, в печати о замечательном, просто героическом человеке – Иване Даниловиче Николаенкове. Все изложенные нами факты его фронтовой биографии подтверждены соответствующими материалами Центрального архива Министерства обороны СССР.

Иван Данилович награжден двумя медалями «За отвагу», орденами Славы II и III степени, Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, многими медалями.

Последней весточкой, которую мы получили от него в годы войны, было письмо, написанное из госпиталя чужой рукой, под диктовку солдата. Прошло много лет, но до сих пор мы помним, что заканчивалось оно такими простыми, но и такими страшными словами: «Вот остался я без рук, без ног, без глаз, а жить так хочется. Так хочется!» Письмо это утратили мы в пожаре войны, но память о самом Николаенкове сохранили свято.

В наш саперный батальон Иван Данилович прибыл в декабре 1942 года, когда дивизия была отведена на доукомплектование в Волоколамский район Московской области. За плечами солдата были бои под Брянском, оборона Тулы, Пензы, Подольска. И его, как уже имеющего солидный боевой опыт, назначили командиром отделения. Он был просто талантливым сапером! В истории нашей дивизии, к примеру, есть такие строки: «В зимних условиях Николаенков проводил разведку реки Волхов, русло которой белой лентой лежало на «ничейной полосе». Часами лежал сапер на виду у немцев, на холодном льду, чтобы продвинуться хотя бы на несколько метров вперед. Гитлеровцы крошили лед минами и снарядами, а Николаенков полз тогда к лункам, чтобы произвести замеры толщины льда и глубины реки. Отважный сапер под пулеметным огнем противника подготовил место для нашей будущей переправы...

...Весной Николаенков вместе с другими саперами работал над укреплением рубежа. Были ночи, когда он устанавливал по двести-триста мин! И это – под прицельным огнем противника, когда самый маленький промах мог стоить жизни.

Таких примеров можно приводить много. Слава о подвигах сержанта Николаенкова буквально гремела по всей дивизии. И вдруг – ошеломляющая всех весть: подорвался сержант. Надо сказать, что потери, даже весьма значительные, не были редкостью среди саперов, но ведь в данном случае речь шла о самом Николаенкове!

Только, как говорится, война есть война. На окровавленной плащ-палатке отправили мы нашего героя в санбат. Мнение было всеобщим: не жилец больше Николаенков. Оторваны руки, раздроблены ноги, опалено лицо, все тело иссечено осколками.

И затерялся отважный сапер среди тыловых госпиталей...

А наша дивизия продолжала боевой путь: она стояла насмерть в Смоленском сражении, отбивала танковые лавины фашистов на подступах к Сталинграду, после

Волхова и Прибалтики дошла до Берлина и Праги. Среди ее воинов – два героя Советского Союза, четыре полных кавалера ордена Славы; десять раз объявлял нам свою благодарность Верховный Главнокомандующий.

А Николаенков все-таки выжил, всем смертям назло! Живет он в вашем Ставропольском крае, в городе Новоалександровске, по переулку Южному, 26. Расскажите людям о нем!

*Бывшие офицеры 397-го отдельного саперного батальона,
Бобровский Р. В. и Покровский В. Ф.»*

***

Переулок Южный в Новоалександровске не отмечен какой-либо особой «печатью» города. Здесь обыкновенные одноэтажные дома, обнесенные веселенькими разноцветными заборчиками, вокруг домов – приусадебные участки.

Прежде чем попасть к дому номер 26, я побывал в райвоенкомате и райсобесе и, полистав пенсионное дело гражданина Николаенкова И. Д., уже кое-что о нем узнал. К примеру, то, что человек этот – весь израненный, и медикам пришлось в свое время изрядно поработать, чтобы попросту сохранить ему жизнь. Долгие месяцы в госпитале все-таки сделали свое дело: сапер остался среди живых. Удалось сохранить даже раздробленные ноги, а вот с руками – беда: на правой осталось 16 сантиметров кисти от локтя, на левой – восемь от плеча. Многочисленные осколки из тела были извлечены.

В Вильнюсском военном госпитале оперировали глаза – удалось частично вернуть зрение. Пластическая операция лица вернула прежний облик.

Узнал из документов, что работал до войны Иван Данилович в московском «Академстрое» электромонтером, приехав туда по вербовке. Видимо, дело свое любил крепко: когда в голодном тридцать третьем все семейство Николаенковых решило податься на жительство на юг, в более сытые места, он остался в столице. Там и застала Николаенкова война, оттуда и призвали его в армию.

Рассматривал я собесовские документы и словно видел перед собой страницы книги, рассказывающей о жизни Ивана Даниловича. В графе «На что жалуется?» написано: «На отсутствие обеих рук»; в графе «Заключение» стоит: «Признать инвалидом первой группы».

Страна, как могла, помогала Ивану Даниловичу: почти втрое за минувшие годы вырос размер пенсии. Но пенсия пенсией, а без людей жить трудно. И вижу я в документах: когда здоровье несколько поправилось, пошел Николаенков на работу – в местный колхоз «Новоленинский».

– Да, – подтвердили сотрудники собеса, – протезы ему в Москве сделали очень хорошие. И видите – не усидел дома, не смог.

...Когда отец его, будучи на фронте, получил вест о ранении сына, написал он своим дочерям в село Новоалександровское: «Поезжайте в город Гусь-Хрустальный, там в госпитале наш Ванюшка. Заберите его, каким увидите, какой будет...»

Сестра Евдокия (она живет сейчас неподалеку от Ивана Даниловича) пустилась в неблизкий путь. И привезла, стараясь не замечать людских взглядов, брата в село.

Разговаривал он в ту пору мало, все больше лежал, отвернув лицо к стене, думал горькие думы. Ни встать, ни сесть самостоятельно, ни даже воды напиться, ни во двор, если надо, выйти...

Не знаю, какие мысли посещали тогда еще совсем молодого, двадцатипятилетнего парня, но полагаю, что были они достаточно черны и безрадостны. Чувствовал: силы быстро уходят, здоровье ухудшается. Он этому только радовался: слава богу, кажется, близится конец... И не знаю, чем бы все это кончилось, не появившись вдруг однажды в комнате, где он лежал, статная русоволосая девушка, настоящая красавица. Постучавшись в дверь, она, не дождавись ответа, вошла.

– Здравствуйте, – сказала весело. – Вы извините, что я так вот к вам сразу. Мы ведь с вами в соседстве живем. Я хочу у вас немножко соли... в долг...

Глаза ее наконец привыкли к темноте. И увидев неподвижно лежащего на постели Ивана, она отступила назад, вскрикнула, прикрыв рот ладонью: ей стало страшно.

***

Перенесемся мысленно, уважаемый читатель, в то, теперь уже весьма далекое время, о котором больше половины населения страны не помнит вовсе, но зато меньшая часть – те, кто постарше – никогда не сможет забыть. Имеется в виду время послевоенное, о котором сказать «трудное» значит ничего не сказать.

Очереди за хлебом, в которых номера пишутся химическим карандашом на ладонях и каждый час пересчитываются: отлучился на минуту – становись в хвост, будешь пятисотым.

...Карточки на колючей оберточной бумаге, отоварив которые продуктами «на месяц», можно было съесть все полученное в три дня.

...Громыхающий почти разваливающимися вагонами, переполненный поезд, шедший от Ставрополя до Москвы никак не меньше недели...

Да мало ли о чем можно вспомнить сейчас, когда со всем этим покончено и возврата к этому не будет! Только одно хочется отметить особо: нет ведь в стране человека, которого обошли бы все послевоенные беды стороной. Для семьи Николаенковых они были еще и как бы помножены на собственное горе: оно давило и давило Ивана, пригибая его к земле, как ураганный ветер пригибает тонкий ивовый прут...

Порою мысли Ивана возвращались к той девушке, случайно зашедшей в их дом за солью. «Испугалась как, – скребли по самому сердцу безжалостные кошки, – вроде я чудо-юдо какое... С ужасом прямо смотрела. Да ладно уж, бог с ней...»

Хотелось забыть ее, ту девушку, но она вспоминалась снова и снова. И однажды Иван не выдержал, остановил мать.

– Слушай, – спросил он безразлично, – мамань, а что за люди у нас соседи? Я что-то такой девчонки тут до войны не видел.

– Новенькие они, – ответила мать охотно. – Не так давно приехали, перед самой войной. Отец без руки, на гражданской еще потерял... Сперва его бригадиром поставили, а сейчас – председатель колхоза. Аннушка – тоже в колхозе. Хорошая девушка, работающая. И на быках, и за прицепщика может, и тяпкой... Председателя дочка, а никакой работы не чурается.

– А, – как эхо повторил Иван, – председателя дочка, значит.

Мать кивнула головой и, подавив вздох, потихонечку вышла.

...Вечером вдруг снова появилась Аннушка: принесла взятую в долг спичечную коробку с солью. И на следующий день опять пришла: какие-то нашлись у нее дела к матери. А потом стала навещать все чаще. Иногда засиживалась у них в комнате допоздна. Рассказывала о разных новостях, о том о сем. Потом спросила:

– А вы бы, Ваня, рассказали что-нибудь о войне. Вон у вас сколько наград. За что их вам дали?

Иван невольно улыбался: сколько их осталось, тех наград-то? Знала бы она, что аккуратно половина из них затерялась по госпиталям. Документы есть, а самих наград и нету... Ну, да это не столь уж важно!

Что бы такое рассказать ей, этой красавице с доверчивым и теплым взглядом?

Память услужливо подставляет ему эпизоды боев, в которых довелось ему принимать участие.

...Поздняя ночь. Он вместе с группой солдат ползет в тыл противника, сопровождает туда разведчиков. Надо сделать проходы в проволочных заграждениях, помочь найти «тропку» через минные поля. Задача эта не так уж легка и днем, а ночью –

далеко не каждому по плечу. И сознавая это, начальство послало именно его, Николаенкова.

Разведчики ушли вперед, а Ивану вместе с сержантом Прохоровым надо возвращаться обратно. Но видят: в нескольких метрах – вражеская траншея. Посмотрели сержанты друг на друга. «Давай?» – одним дыханием спросил первый. «Давай!» – так же точно согласился второй.

Бросок в траншею. Схватка. Один из гитлеровских часовых убит, второй взят в плен... Тогда вот и получил Иван свою самую первую, самую памятную награду – медаль «За боевые заслуги»...

А еще вспоминается небольшая пограничная речка Лжа. Бои были тяжелыми, погиб командир батальона. Саперам приходилось работать под ураганным огнем противника. И все они были удостоены наград Родины, а Николаенков получил орден Славы II степени...

Словом, мало ли что вспомнится человеку, лишённому возможности постоянного общения с другими людьми?

Иван хотел было сказать обо всем этом Анне – уж коли ей так любопытно. А потом передумал: война и кровь – понятия нераздельные, к чему знать о них председательской дочке, совсем девчонке?

– Всяко бывало, – ответил он. – Вот это, – он указал глазами на культю, – в последний раз...

Она ничего не спросила, только широко открыла глаза. И он неожиданно для самого себя начал вспоминать вслух:

– Я ведь, несмотря на взрыв, все поначалу об этой самой мине помню. Противопехотная, с секретом. Мы такие еще неизвлекаемыми зовем... Ну, нашел я ее, открыл крышку, взял предохранитель, придавил... Конечно, там был еще и второй взрыватель, он и сработал. Взрыв раздался... А вот ничего больше я не помню...

С того дня дело, кажется, начало идти к лучшему. Молодость все же брала свое – организм, несмотря на все, креп. Иван начал подниматься, ходить понемногу по комнате. А Анна забегала к ним все чаще и чаще. Мать с тревогой поглядывала на сына и как-то с упреком сказала:

– Ты, Ванюшка, не влюбился ли, чего доброго? Она дивчина видная, за ней первые наши парубки увиваются.

– С руками, хочешь сказать, парубки, да? – вскипел вдруг Иван. – Ну что ж, пусть увиваются. А обо мне, – он усмехнулся, – переживать не нужно. Я свое место в жизни знаю. В случае чего, добрые люди всегда пожалеют, подадут копеечку. Так, что ли, мать?

Та в ответ только заплакала...

Потом ночью он долго ворочался, думал, прикуривая папиросы от прикрепленной намертво к столу зажигалки. И решил: все, завтра же надо ей, Анне, сказать, чтобы не ходила больше, не надо, так обоим будет покойнее.

А она пришла, как всегда, вечером, вернувшись с поля. И вдруг, положив руки ему на грудь, едва слышно выдохнула:

– Ты вот что, Ванюшка... Возьми меня замуж, а? Возьми...

И столько скрытого чувства было в ее словах, что он не выдержал: открыть рот для ответа – открыл, а слов никаких произнести почему-то и не смог.

***

Вот с того далекого дня и началось возрождение души бывшего сапера. Жизнь продолжалась, и значит, надо было жить достойно, жить активно!

Правда, радость возникновения новой семьи была несколько омрачена: родные Анны не одобрили ее выбора и пришлось от скандалов и слез уходить на частную квартиру. Помытарились в ее поисках вдоволь: кто дорого просил, а кто попросту не

соглашался – мол, с калекой жить тяжело, да еще, того и гляди, детишки пойдут... Хлопотно! А вот Мария Ивановна Слепова, солдатка, предложила сама свою хатенку.

– Правда, – сказал, – не хоромы у меня, но ведь жить-то можно.

Что и говорить: то были явно не хоромы. Темненький коридорчик, где вдвоем и не разойтись, пожалуй; да низенькая комнатка с земляными полами, где из мебели – койка, сундук... да фикус.

– Живите, милые, – сказала Слепова. – Зачем же мне одной теперь столько комнат? Мне и одной хватит!

Мария Ивановна потеряла на фронте мужа и сына. А младшая дочь подорвалась на mine, оставленной отступавшими фашистами. Осталась Мария Ивановна без семьи. И как же хочется в пояс поклониться этой простой русской женщине, колхознице с хутора Новоленинского за то, что нашла в свое время мужество протянуть руку помощи молодой семье, что не замкнулась, не озлобилась на всех и вся в своем бездонном горе.

Впрочем, людей, подобных солдатке Слеповой, на пути Николаенковых встречалось немало. Но Слепова – одна из первых, и потому признательность к ней живет в сердцах супругов по сей день. Это она, вместе с Анной, вселяла в душу Николаенкова веру в свои силы, уговаривала бросить все и ехать в Москву – оттуда приходили предложения по изготовлению протезов.

И он, в конце концов, поехал в одну из московских клиник. А вскоре оттуда пришло его письмо: врачи предлагают сделать рассечение рук. Анна, ждавшая в ту пору ребенка, схватила лист бумаги: «Ни за что, Ванюшка! Ты же и так весь продырявленный, хватит с тебя мучений. Я не позволю!»

А через несколько дней покатила в столицу сама. Понимала: как ни трудно будет ехать с только что появившимся на свет ребенком, а ехать надо – она, наверное, нужна мужу, ему без нее плохо.

***

Поездка в Москву была трудной. Сначала на три дня поезд «застрял» в Сталинграде. А потом ей не досталось билета в детский вагон (были тогда такие). И какой-то гладко выбритый гражданин в военной форме не выдержал:

– Ты чего тут, тетка, с лялькой делаешь? От твоих пачулей так пахнет, что дышать нечем. А ну, выметайся отсюда в детский вагон!

И тут она не выдержала, расплакалась. А военный, открыв дверь купе, уже было выставил одну из ее корзин за порог.

– Что здесь происходит, товарищи? – раздался над ней строгий голос. – Что за скандал? – на пороге стоял полковник с орденами на кителе.

– Да вот, – вытянулся в струнку военный, – данная особа уходит отсюда не хочет, поэтому приходится принимать меры.

– Мест же там, говорю вам, нет! – зарыдала Анна.

Через минуту, внимательно выслушав ее рассказ, полковник вновь повернулся к военному:

– Где ваши вещи, капитан?

– Мои? – изумился тот. – Вот чемодан. А что?

И в ту же минуту щегольский чемодан полетел в коридор.

– А ну, – едва сдерживая гнев, распорядился полковник, – шагом марш за своим барахлом! Жаль, – уже почти шепотом добавил он, – жаль, что мы с тобой в разных званиях! Честное слово, объяснил бы тебе твое поведение совершенно иначе.

Когда приехали в Москву, полковник не оставил ее: помог разыскать клинику, довести вещи. А прощаясь склонил перед ней голову:

– От имени всех фронтовиков хочу сказать вам, Аня, спасибо.

Вернувшись из Москвы, затеяли супруги Николаенковы строиться. Пять тысяч собрали, на еще пять выдало денежную ссуду государство.

Строили, как все на хуторе, – из самана. Тяжелые кирпичи из необожженной глины Иван Данилович таскал, несмотря на возражения жены, сам. А кладку фундамента и стен вела Анна Егоровна – по подсказкам мужа. Тот же нет-нет, да зубами поскрипывал:

– Эх, кабы мне руки! Чего бы только ими не сделал!

Но домик с грехом пополам возвели и справили в нем – уже вчетвером – скромное новоселье.

Вот тогда и пошел Иван Данилович сторожевать в колхоз: хотелось, чтоб семья его жила не хуже других. Они, Николаенковы, между прочим, и сейчас особенно любят подчеркивать это обстоятельство:

– Мы жили и живем не хуже других!

Анна Егоровна трудилась телятницей, детишки помаленьку росли. И только все же сознание своей какой-то неполноценности не давало покоя мужу. Он понимал: надо научиться если не все, то почти все делать самому!

Забегая вперед, скажу: научился. Разве что только бреет его по-прежнему Анна Егоровна – слишком тонкая работа, чтобы выполнить ее протезами.

***

Как-то он сказал:

– В магазин, Аннушка, я теперь сам буду ходить. У тебя других дел хватает.

Она всплеснула руками, но вовремя спохватилась. Села на табурет и тихонько ответила:

– Хорошо, Ванюша, попробуй.

В первый раз он смог принести из магазина только булку хлеба. Потом ассортимент покупок стал медленно расширяться – приходило сверхтрудное искусство владения протезами. И сейчас он может купить все!

А когда построили дом, он тайком от жены однажды взял в руки... лопату. В землю, несмотря на пронзившую боль в раздробленных ногах, вогнал. А вот назад... назад вынуть не смог. Хлопнула калитка, пришла жена. Подошла, протянула руку:

– Кто это нам ее тут, посреди двора, встроил? – удивилась.

И вдруг охнула, все поняв:

– Ванюшка милый... Не надо, Ванюшка...

Он ничего не ответил ей тогда. Но только не раз и не два после того случая, приходя домой, вынимала Анна Егоровна торчащую из земли во дворе злополучную лопату. Привыкла даже к этому, как к причуде мужниной, что ли. Однако настал день: не оказалось лопаты на месте. Про себя вздохнула хозяйка дома: бросил Ванюшка чудить, утомился. Только подошла ближе и увидела на месте постоянных упражнений Ивана Даниловича свежевскопаный клочок земли – с пару носовых платков размером... А на следующий день год он уже вскопал весь огород сам: землю рыть, сказал строго, не женское дело, сам справлюсь.

...Вновь довелось побывать у Николаенковых в гостях. Посреди двора валялось несколько смородиновых кустов.

– Заросли целые образовались, – пояснил хозяин. – Сегодня вот проредил, выкопал лишнее, а вынести пока не успел.

И начал с гордостью показывать небольшой свой садик – несколько ухоженных плодовых деревьев. Были они аккуратно обрезаны, со вскопанными приствольными кругами: все делал сам.

Признаюсь, это казалось мне почти невероятным! Но то, о чем несколько позднее рассказали соседи Николаенковых, превзошло, по-моему, вообще все реальные человеческие возможности. Судите сами: сейчас в доме Николаенковых газовое отопление. А вот в пристроенной кухоньке по-прежнему самая обыкновенная небольшая

печурка. То ли привыкли хозяева именно на ней разогревать свои нехитрые обеды, то ли просто находят особое очарование в треске горящих поленьев, но факт: топят они там, как и годы назад, дровами и углем. Раньше распиловка дров оставалась обязанностью Анны Егоровны. И вдруг – занедужила хозяйка.

Пришли к ним соседи:

– Давай поможем, Данилович!

Он усмехнулся:

– Спасибо, хлопцы! Ваша помощь мне, и точно, очень даже нужна. Только в другом деле...

Через несколько дней пришел к соседу – слесарю Владимиру Георгиевичу Суханову. И протянул ему ножовку, самую обыкновенную, за рубль двадцать копеек, только без ручки.

– Ручка мне, Володя, – пояснил Николаенков, – все равно ни к чему. Держать ее нечем. А вот просверли ты мне здесь в металле две дырочки, по размерам протезного зажима, да привари вот эту втулку...

И произошло неожиданное: завизжала во дворе Ивана Даниловича ножовка, вновь начали расти штабели дров. Трудно поверить, но Иван Данилович не только ремонтировал и красил дом, в котором живет, но даже принимал участие... в перекрытии шиферной крыши на нем. Смею заверить, далеко не каждый из нас, людей физически здоровых, сможет сделать нечто подобное!

– Без работы жить нельзя, – говорит Николаенков. – Человека всегда должно ждать какое-то еще им не сделанное дело. Тогда он будет знать, что нужен не только людям, но и делу, которое ему принадлежит. В деле – радость, даже здоровье, если хотите.

И это так... Ведь инвалид первой группы Николаенков добрых два десятка лет не знает госпиталей и больниц: от них, чувствую я, и спасает его то самое «несделанное дело», о котором он столь убежденно говорит.

***

Не знаю, ведомо ли внукам Николаенкова – Гене, Свете, Наташе, Оле и Люде – о героическом прошлом их деда-сапера. Вообще-то награды, – те, что сохранились, – он надевает чрезвычайно редко, по большим праздникам: выезжать из дома далеко не приходится.

Надо заметить, что искали отважного сапера достаточно долго. И неизвестно – нашли бы, если бы не юные следопыты Борисовской восьмилетней школы Калининской области, собирающие материалы по истории 229-й стрелковой дивизии. Именно им, вспоминая о боевом пути части, рассказали ветераны историю фронтовых подвигов Николаенкова. Ребята начали писать запросы, искать могилу героя. А нашли – самого Николаенкова...

...Когда вдруг получил Иван Данилович официальное, по всей форме, приглашение на встречу однополчан, начал вдруг «колдовать» над одним из протезов: прилаживать к нему шариковую ручку.

– Ладно уж, – улыбнулась Анна Егоровна, – изобретатель! Давай, диктуй. Я напишу твоим друзьям.

– Как же ты не понимаешь, Аннушка? – мягко возразил он. – Я ведь столько лет не имел никаких вестей от старых друзей... Я должен написать им сам.

Каждое слово давалось с трудом. Мучился долго, но зато с каким облегчением в конце добавил короткое: «Я писал сам. А на встречу приеду вместе с женой...»

Они ездили на встречу. И там, в Москве однополчане сфотографировали Ивана Даниловича на память у развернутого знамени Победы.

Вот, пожалуй, и все, что хотел рассказать я сегодня об одном из русских солдат. Уезжая из его домика, чувствовал: такие люди – несгибаемы. И еще глубже понял вдруг

справедливую, чистую силу строк нашего поэта-фронтовика Константина Симонова, творчество которого так близко и дорого старому саперу:

Того, кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать.
Чем, в самом деле, жизнь нас сможет,
Нас, все выдавших, испугать?..

На снимке: Иван Данилович Николаенков (1985 г.)

УТОЧНЕНИЕ К БИОГРАФИИ

Случай этот произошел вскоре после войны. Тогда в зал знаменитой на весь мир Третьяковской галереи твердой походкой вошел генерал-лейтенант средних лет с седеющими висками. Здесь были размещены работы советского скульптора Веры Мухиной, самой известной из которых стала скульптурная композиция «Рабочий и колхозница», вознесенная Москвой и даже превратившаяся в эмблему «Мосфильма». Но остановился генерал у блестяще выполненного бронзового бюста человека с орденами на военном кителе. Спросил у подошедшей смотрительницы зала:

– Не скажете ли Вы мне, кто запечатлен в этой работе?

– Почему же? – даже обиделась женщина. – Это полковник Хижняк, погибший в боях за Родину. Его почти пополам разрезала вражеская пулеметная очередь, более двадцати попаданий. Поскольку надежд на то, что человек этот, бывший героем, выживет, никаких не было, командование попросило снять с его лица посмертную маску. И Мухина, сделав это, создала то, что Вы перед собой видите. Жаль, что такой человек погиб...

– Понятно, – кивнул головой посетитель. – Но Вы уверены, что полковник и вправду погиб?

– Еще бы! – вспыхнула смотрительница и посмотрела прямо в лицо генералу, буквально оцепенев от изумления: скульптурный портрет, вне всякого сомнения, изображал стоявшего перед ней посетителя!

– Я не призрак, – засмеялся генерал. – Я и есть тот самый Хижняк. Выжил, как видите, а вот самого себя в зале у вас увидел впервые. Я, знаете ли, вообще из крепкой породы...

***

Восемнадцать лет назад мы с ним сидели в его самой обыкновенной, ничем не примечательной московской квартире в доме на 1-й Радиаторной улице. Иван Лукич, которому всего несколько дней оставалось до восьмидесятилетия, с улыбкой отложил в сторону номер «Военно-исторического журнала», и я с удивлением про себя отметил отсутствие на его рабочем столе очков.

– Очки, наверное, ищите? – неожиданно предвосхитил он мой вопрос. – Пользуюсь, конечно, но не всегда. Видно, кость в меня такую крепкую, казачью, батька с матерью заложили, что не подвела она меня в жизни, хотя бед всяких навидался и натерпелся. Но, как сами видите, жив дед, сидит перед Вами! Ну, а со Ставрополем, – генерал-лейтенант в отставке круто изменил тему начинающегося разговора, – меня, и вправду, очень многое связывает. В годы Гражданской весь край ваш на коне и просто пешком – в одних обмотках – протопал. Да и сейчас стараюсь не забывать. В прошлом году был в Ставрополе, в местах, где воевал уже в Отечественную. Посетил Железноводск – там меня Почетным гражданином избрали в свое время... Так что конкретно Вас интересует из моей биографии?

Надо сказать, кое-что из его жизни мне в тот момент было уже достаточно неплохо известно. И, конечно, прежде всего – история одного из ранений, сумевшая сама по себе сотворить подлинную сенсацию в мировой военно-полевой хирургии.

Произошло это в сорок первом, в Подмоскovie, неподалеку от деревеньки Малая Зимница. Гитлеровцы неудержимо рвались вперед, охватив с флангов дивизию под командованием полковника И. Л. Хижняка. Много лет спустя один из уцелевших

участников того сражения, подполковник в отставке М. Рябцев, так описывал все произошедшее тогда:

«Немцы наседали на нас, сжимая кольцо и расстреливая в упор. Положение было тяжёлым. Хижняк, находясь впереди нас с небольшой группой бойцов, поднялся и крикнул: «За Родину! За мной – в атаку!». Немцы не выдержали штыкового удара. Впереди нас бежал широкоплечий, сильный командир дивизии, и, работая штыком и прикладом, прокладывал дорогу, увлекая за собой красноармейцев. Оставался какой-нибудь десяток метров до деревни, как вдруг из засады остервенело заговорил немецкий пулемет. Пулеметная очередь прошила грудь командира...»

Продолжим последовательное изложение событий. Бойцы сумели вынести из боя своего командира, вырвались из окружения. Но уже в воздухе самолет, на борту которого находился Хижняк, атаковали «мессеры»: к семи пулевым проникающим ранениям в грудь добавилось еще одно – в ногу.

В Центральном военном госпитале врачи только руками развели: исход предreshен, чудес на свете не бывает! А кто-то из начальства даже позвонил прославленному скульптору Вере Мухиной:

– Если можете, приезжайте к нам. Человек умирает, а он – подлинный герой. Хотелось бы запечатлеть его облик в бронзе, для потомков.

Мухина откликнулась на призыв: приехала и... сделала с лица Хижняка посмертную маску. Забегая вперед, скажу, что позднее на ее основе и появился бюст Ивана Лукича, пополнивший фонды Третьяковской галереи. А тогда...

Раны обработали, и хирург С. Юдин принялся за практически безнадежное дело – спасение комдива. Пройдет несколько решающих суток, и он, даже дремавший у постели раненого, скажет полуустало-полуудивленно:

– Знаете, коллеги, а ведь мы, кажется, несколько поторопились с изготовлением посмертной маски!

Врач оказался прав: медленно, очень медленно, но Хижняк поднимался на ноги. И, наконец, поднялся. Но заключение военно-медицинской комиссии было суровым: продолжение службы возможно только в тылу, хотя и нежелательно вообще. А после него несколько месяцев подряд писал начальник Бакинского пехотного училища генерал-майор Хижняк рапорты по команде: прошу направить на фронт...

Обо всем этом и многом другом хотелось мне еще тогда, восемнадцать лет назад, рассказать читателям «Ставропольской правды». Но желания наши не всегда совпадают с возможностями. Буквально через несколько дней после нашего разговора очерк другого автора об Иване Лукиче появился в одной из «больших» газет, и смысла в аналогичной публикации редакцией усмотрено не было. Однако Хижняк сдержал свое обещание: прислал мне собственноручно написанную автобиографию... и гневное письмо! «Как поднялась рука у вашего коллеги-журналиста написать такую страшную неправду? – говорилось в нем. – Ведь у меня не четыре, а только три ордена Ленина! Что подумают обо мне те, кто воевал рядом? Хвастуном назовут, никак иначе. Вы уж, пожалуйста, не повторите этой тяжкой для меня ошибки».

Вскоре генерал-лейтенант ушел из жизни, а я положил и письмо, и автобиографию, как говорится, в «долгий ящик». И лишь на днях, приводя архив в порядок, вновь взял их в руки. И будто снова встал предо мной этот широкоплечий, улыбчивый человек! Будто еще раз поведал о своей непростой жизни. Да, наверное, так оно и было на самом деле. Потому и рискую предложить ранее нигде не публиковавшуюся рукопись генерала вашему вниманию практически в том виде, в каком он ее создал, сделав лишь некоторые купюры. Думаю, интересно получить современникам информацию о жизни незаурядной личности, что называется, из первых рук. Итак...

«Родился я на Кубани. Прадед мой с женой и детьми 37 лет состоял крепостным у князя Трубецкого. В 1866 году в Ейске родился мой отец Хижняк Лука Иванович. Не проучившись в начальной школе ни одного года, отец мой был отдан в батраки, и с тех пор становится рыбаком. В 1887 году он женился на батрачке – дочери пастуха Гальченко Дарье Ивановне, которая ни одного года не училась в школе. Отец и мать жили по чужим квартирам и, кроме пяти душ малолетних детей, ничего из имущества не имели. На Каспийском море как-то зимой опрокинуло отцовскую лодку, и ему пришлось в ледяной воде пробыть три часа, после чего он заболел крупозным воспалением легких и умер, оставив без средств к существованию жену и пять малолетних детей, а в их числе и меня. После смерти отца матери не оставалось делать ничего другого, как отдать меня и сестру хозяевам пасти гусей, лишь бы они кормили нас. Так с пяти лет и началась моя трудовая жизнь.

После смерти отца мать вышла замуж за бедняка-крестьянина, но не прожила с ним и пяти лет, как он тоже умер, а за это время мать родила еще двух мальчиков, и нас стало у нее семь человек. Мать вышла замуж в третий раз, – за плотника, в надежде, что этим она улучшит материальное положение семьи. Но надежды ее не оправдались. Через десять лет и третий ее муж умер, и тоже не оставил средств к существованию. Но теперь у матери было уже 10 душ детей, все они подрастали и уходили в батраки.

Когда мне было девять лет, мать послала меня учиться в начальную школу. Но так как средств не было, то мне пришлось оставить четвертый класс, и я был отдан в столярную мастерскую учеником на 4 года за 75 рублей, питание и одежда – хозяйские. За первый год обучения хозяин мне ничего не заплатил, за второй – 10, за третий – 25, за четвертый – 40 рублей.

В 1914 году я был призван на военную службу в старую армию и послан воевать с турками, а потом – с немцами и австрийцами. В старой армии я был рядовым, а когда окончил полковую учебную команду, мне присвоили звание младшего унтер-офицера, потом – старшего, а в 1915 году я стал фельдфебелем, что соответствует нынешнему званию старшины. В 1916 году я окончил военную школу и был произведен в офицеры прапорщиком (лейтенантом). За боевые заслуги был награжден орденами.

В армии меня и застала февральская революция. С марта по ноябрь я избирался в ротный, батальонный и полковой комитеты. Со дня февральского переворота имел связь с партийной организацией большевиков, часто выступал на солдатских и рабочих митингах. После того, как Совет Народных комиссаров издал Декрет о прекращении войны, я добровольно вступил в ряды Красной гвардии в декабре 1917 года, а несколько раньше стал большевиком.

Вместе со мной в Красную гвардию пошли и мои братья Василий, Пантелеймон, Петр и Василий-второй. Все они погибли в боях за Советскую власть. А всего в нашей семье из кровных родственников за Советскую власть отдали жизни 42 человека.

В последних числах января 1918 года я прибыл на Кубань, где участвовал в боях против частей генералов Корнилова, Деникина, Покровского и других. Позже, в июне-июле, командуя I Ейским Революционным полком, участвовал в боях против того же Деникина, Маркова и других белых генералов на Ставрополье и других участках фронта. В августе-сентябре 1920 года был командиром II стрелкового полка 9-й Красной армии, участвовал в боях по разгрому улагаевского десанта на Кубани.

После гражданской войны командовал несколькими полками и иными соединениями.

С первых дней Великой Отечественной войны участвовал в боях с немецкими захватчиками и занимал должности командира дивизии, заместителя командира кавалерийского корпуса, с 1942 по 1944 г. – командира стрелкового и гвардейского корпусов, позже стал заместителем командующего войсками фронта, затем – военного округа. В период прохождения службы несколько раз был ранен и контужен. Звание генерал-лейтенанта мне присвоено в 1943 году.

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Суворова, несколькими другими орденами, а также медалями. Ранее награждался золотыми, серебряными и металлическими часами, портсигарами, именным огнестрельным оружием, серебряными шашками и кинжалом, а всего – более восьмидесяти раз».

Вы, конечно же, обратили внимание: всего несколько строк в автобиографии генерала заняла Великая Отечественная война, а ведь в это трудное время Хижняк проявил себя воистину талантливым военачальником, вновь воевал в родных своих кубанских местах, обеспечивая освобождение от гитлеровцев Невинномысска, городов-курортов, Армавира, Черкесска...

Не однажды раненный и контуженный, генерал Хижняк не раз стоял на самом краю жизни. В повести Николая Камбулова «Десант» даже описан подробно момент его гибели, виденной самим автором лично. В том, что на сей раз генерал не выживет, автор, видимо, нисколько не сомневался, но несколько лет спустя вдруг лицом к лицу столкнулся с генералом в кулуарах съезда писателей, где Хижняк присутствовал в качестве приглашенного. Писатель оцепенел:

– Жив? – спросил только. – Жив! Но ведь этого не может быть!

Оказалось, что может...

***

Исключительно скромным, требовательным к себе и трогательно заботливым по отношению к товарищам по оружию, горячим патриотом своей Родины он мне и запомнился.

– Знаешь, – подвел неожиданный итог тому давнему разговору Иван Лукич, – вот будь у меня в запасе одна жизнь, я бы ее прожил совсем иначе, поскольку считаю, что стал военным чисто случайно и даже не по призванию. Я бы хлеборобом стал. Или строителем. Ведь сам подумай: человек рождается для созидания, но никак не для войны, не для разрушения...

Другой жизни, конечно, не оказалось, а о том, как прожита отпущенная ему, свидетельствуют награды – отечественные и зарубежные.

Что же касается скульптурного портрета, за создание которого Вера Мухина, кстати, была удостоена Сталинской премии, то он и сейчас находится на прежнем своем месте – в Третьяковке.

На снимках: Генерал-лейтенант Иван Лукич Хижняк;

Бюст И. Л. Хижняка (работа скульптора В. И. Мухиной, из фондов Государственной Третьяковской галереи);

Письмо И. Л. Хижняка в редакцию газеты «Ставропольская правда» (5 марта 1973 г., из архива Ю. Н. Христинина).

МАРШАЛ И ЕГО ДОЧЬ

Он, стараясь ничем не выдавать сильного волнения, неторопливо прохаживался из угла в угол кабинета в своей квартире. Домашние тоже старались не подавать вида, что понимают его состояние, догадываются, отчего это он так упорно не хочет удаляться от телефонного аппарата даже в соседнюю комнату. Но тот хранил немое молчание, и гнетущую тишину кабинета нарушали только доносящиеся сквозь открытую форточку звуки дальних бравурных маршей.

Был День Победы – первый после освобождения хозяина кабинета от высокого поста министра обороны СССР.

И вот теперь он – Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – один среди своих домочадцев, без устали измеряющий шагами собственный кабинет.

Ему так никто и не позвонил в тот день. Никто не осмелился поздравить с Праздником Победы полководца, внесшего в нее свой огромный, поистине неоценимый вклад...

История эта вспомнилась мне на днях, когда я увидел в номере «Советской России» «Диалоги с отцом» Маргариты Жуковой, дочери прославленного маршала. И сразу всплыли в памяти наше с ней знакомство, неоднократные встречи и беседы... Ведь по-прежнему каждый штрих, каждая черточка из жизни великого русского полководца, имя которого мы сегодня с полным основанием ставим рядом с именами Александра Суворова и Михаила Кутузова, интересует многих людей. Особенно тех, кто произносил когда-то, шагая с винтовкой в руке по нашим и иностранным землям, ставшие солдатской поговоркой слова: «Где Жуков – там победа!».

...Невероятно, но факт: мы, встречающие ее в аэропорту, никогда раньше не видели Маргариту Георгиевну, но безошибочно узнали ее среди многих десятков пассажиров, выходящих из чрева воздушного лайнера. Разгадка проста: она оказалась удивительно похожей на отца!

Когда спустя пару дней, я сказал об этом гостье, она засмеялась:

– Вот уж верно подметили! Помню, еще девчонкой взял меня отец за плечо и подвел к зеркалу. Большое такое у нас было зеркало, почти в рост человека... Стоял он долго и смотрел на наше отражение. А потом улыбнулся и сказал удовлетворенно: «Да, Маргаритка, от тебя, вижу, ни за что на свете не откажешься. Копия батькина, да и только!»

Что же привело Маргариту Георгиевну в Ставрополь? Будучи активнейшим членом военно-исторического общества при Центральном музее Вооруженных Сил СССР и лектором Всесоюзного общества «Знание», она прибыла к нам отнюдь не с рабочим визитом.

Просто получилось когда-то вот так: третьеклассница из Пятигорска Женя Астахова написала письмо Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову – в самый канун Первая сорок пятого. Поздравив его с наступающим праздником, вложила в конверт свой скромный детский подарок – маленький белый платочек с вышитым в уголке зелеными нитками цветочком. Трудно сказать, что еще писала девчушка в том письме. Сейчас Евгения Петровна Апанасенко – руководитель музыкального коллектива ставропольского Дворца культуры и творчества им. Ю. А. Гагарина – и сама этого точно не помнит. Но вот дня, когда совершилось нечто для нее неожиданное, забыть не сможет никогда. Скромной школьнице прислал ответ прославленный маршал, войска которого в те дни штурмовали самое логово фашистского зверя.

«Здравствуй, Женя!

Твое письмо я получил и благодарю за приветствие. Очень доволен, что ты хорошо учишься – ведь, когда ты вырастешь большая, знания помогут тебе отлично работать для нашей Родины. Сейчас наши воины ведут бои на улицах Берлина. Они прошли долгий и трудный путь от Волги до самого центра Германии. И они всегда думали о вас – сыновьях и дочерях, сестрах и братьях, которых оставили дома и ради которых пошли в бой. Теперь уже скоро Победа, и они вернутся домой, счастливые тем, что разгромили врага и защитили вас, отстояли в жестоких боях свою Родину. Лучший для них подарок, если они узнают, что пока они были на войне, дети их не теряли напрасно времени, а много и хорошо учились, чтобы стать похожими на наших героев-фронтовиков и потом быть такими же полезными для Родины, как они. Желаю тебе и твоим товарищам перейти в четвертый класс, хорошо отдохнуть летом, а потом, набравшись сил, снова прилежно учиться. За платочек спасибо.

Маршал Советского Союза Г. Жуков».

Сообщение об этом случае было опубликовано в «Ставропольской правде». А несколько недель спустя мы у себя в редакции получили письмо из Москвы – от Маргариты Георгиевны. Она уже тогда работала над книгой «Диалоги с отцом», и газетная заметка ее очень заинтересовала. «Жива ли девочка Женя? – спрашивала она. – Можно ли ее разыскать? Можно ли взглянуть на письмо?..»

Мы ответили и получили открыточку:

«Сердечно благодарю редколлегия «Ставропольской правды» за долгожданный ответ и, главное, конечно, за присылку оригинала газеты с дорогой для меня находкой. Ваша газета сделала мне бесценный подарок... И просто замечательно, что это совпадает с 90-летием со дня рождения Георгия Константиновича. Спасибо газете! Спасибо вам, люди! Теперь я буду просто проситься, чтобы мне дали возможность приехать в Ставропольский край! Маргарита Жукова».

...И вот наша первая встреча на ставропольской земле.

– Может быть, вам покажется несколько странным мой повышенный интерес к отцовскому письму пионерке, – пояснила Маргарита Георгиевна, – но на то, поверьте, есть свои, я бы даже сказала, особенные причины. Говорят и пишут сейчас об отце много. В том числе, к сожалению, и немало чепухи. Мне, к примеру, просто обидно бывает слышать какие-то легенды о нем как о человеке чрезвычайно жестком, едва ли не жестоком. «Жуков не любил детей!» – этот тезис повторяется особенно упорно. Ну, скажите мне, пожалуйста: как мог человек, равнодушно относящийся к детям, написать такое вот письмо школьнице? И когда написать? Первого мая сорок пятого, в разгар битвы за Берлин, на пороге Победы... Кстати, письмо отца школьнице не было каким-то исключительным моментом в его жизни. Был и еще один подобный случай. В сорок первом ленинградский мальчик по имени Дима написал командующему Ленинградским фронтом письмо, в котором очень просил «дяденьку Жукова» разгромить ненавистного врага. Письмо это отец пронес через всю войну, а в мае сорок пятого он, не зная адреса Димы, ответил ему открытым письмом, которое было опубликовано в ленинградских газетах: дескать, твое задание, дорогой мой Дима, выполнено!

А какой была встреча Маргариты Георгиевны с Евгенией Петровной! Обнялись, даже расцеловались, будто давние знакомые. И Евгения Петровна, конечно не вытерпела: заманила гостью к себе во Дворец культуры, устроила ее встречу с фронтовиками. Честное слово, тогда я впервые увидел в этом очаге культуры зал, заполненный народом буквально до краев.

А потом, в тишине квартиры, были долгие беседы, воспоминания...

– Конечно, – рассказывает Евгения Петровна, – несмотря на возраст, я понимала всю занятость прославленного маршала делами и вовсе не рассчитывала получить от него какой-нибудь ответ. Даже адреса своего не указала. Ведь война же, вселенский пожар! До меня ли Георгию Константиновичу? А ответ пришел – на адрес городского комитета комсомола, куда меня и пригласили вскоре... Письмо, полученное от маршала, я много лет берегла как главную свою драгоценность. Но время шло, и с годами я поняла, что оно и вправду адресовано всем детям нашей страны, всем поколениям. Тогда я и передала его на хранение в краевой партийный архив... Потому, что оно – частица нашей Истории.

Я видел, как дрогнули руки Маргариты Георгиевны, когда она взяла скромный белый листок.

– Да, – сказала тихо, – это рука отца...

О боевом пути маршала Жукова известно если не все, то, наверное, почти все. О многом поведал он сам в книге «Воспоминания и размышления», ставшей своеобразным итогом всей его большой жизни. И потому понятен наш интерес к другому Жукову – не только полководцу, а просто человеку, главе семейства, отцу.

– О, – с улыбкой вспоминала Маргарита Георгиевна, – он был очень строгим и очень справедливым человеком, причем не только по отношению к окружающим, но, в первую очередь, по отношению к самому себе... Как-то он признался мне, что ни разу в жизни никуда не опоздал, не сорвал ни единой встречи, на которой обещал присутствовать. А поводом для этого послужила одна маленькая история... После окончания Московского университета я начала работать самостоятельно. Прихожу как-то домой и, поверьте, без всякой задней мысли говорю: «Ах, какая сегодня плохая погода! Из-за нее на семь минут на работу опоздала!» Что тут было! Отец на какое-то мгновение буквально оцепенел. А потом чуть не шепотом спрашивает: «Как же ты теперь людям в глаза смотреть будешь? Как работать с ними сможешь? Что о тебе они подумают?» Словом, чрезвычайно крепко мне по тому случаю от отца влетело, до сих пор помню. «Опоздание – это неуважение к людям. А жить и не уважать людей – бессмысленно! Любить человека – святой долг твой и мой!»

А он, мы это сегодня знаем досконально, всегда был человеком высокого долга.

– По-моему, – вспоминала Маргарита Георгиевна, – за всю войну дома он побывал два или три раза, заезжая совсем ненадолго, на считанные минуты. И тотчас – опять на фронт.

«Что было особенно важным в духовном строе отца? Его убежденность, умение увидеть самое главное, доверительность в отношении к людям. Не могу не подчеркнуть, что особое уважение отца завоевывали люди, обладающие бойцовским характером. Он умел сразу же распознать яркую индивидуальность, глубоко уважал в человеке личность. Но не терпел некомпетентности, хвастовства, расхлябанности, безответственности. С нарушителями армейского порядка был крут. Отец умел дружить, был чутким и надежным товарищем...»

[Из воспоминаний М. Г. Жуковой]

Он бесконечно уважал людей. И люди платили, платят и будут платить ему взаимностью.

На снимках: Встреча в аэропорту Маргариты Георгиевны Жуковой (в центре, слева Ю. Н. Христинин и Е. П. Апанасенко, 1986 г.);

Открытка М. Г. Жуковой, адресованная Ю. Н. Христинину.

Опубликовано в газете «Ставропольская правда»,
№№134-135. – 11–13 июня 1975 г.

БЕССРОЧНЫЙ КАТОРЖНИК

В пятом номере знаменитого журнала «Былое» за 1907 год напечатана любопытная статья Р. Стеблина–Каменского. Уже самим своим названием – «Г.А.П.» – привлекает она внимание читателя. Речь в статье идет о человеке удивительной судьбы, мужественном и самоотверженном. Скупно рассказывая о своем герое, автор не решился даже назвать его полного имени. Но два факта, упоминаемые в статье, позволяют пролить свет на эту авторскую осторожность: таинственный «Г.А.П.» – воспитанник Ставропольской семинарии, 1878 году он убил в Киеве жандармского офицера барона фон Гейкинга. Кто же он, этот человек?

Архивы помогли расшифровать три буквы заголовка. «Г.А.П.» получил полное имя – его звали Григорий Анфимович Попко...

К большому сожалению, документы его касающиеся, оказались разрозненными по различным архивохранилищам страны – в Москве и Харькове, Киеве и Одессе. Вот почему трудно дать в этом очерке подробное описание всех прожитых Григорием Попко лет...

Тревожная ночь

В полночь 24 мая 1878 года в управлении Лебедского полицейского участка города Киева появился взлохмаченный человек.

– Карпов мое фамилие, – пояснил он дрожащим голосом помощнику пристава, молча поднявшемуся ему навстречу. – С Маложандармской улицы мы, стало быть, мещане...

«Мещанин Карпов сообщил околоточному надзирателю Орловскому, что по Бульварной улице возле дома Некрасова неизвестный злоумышленник нанес рану жандармскому адъютанту штабс-капитану барону Гейкину, и затем, направившись к университету, произвел несколько выстрелов, вследствие чего оказавшийся поблизости помощник пристава Сребницкий не смог достигь его... Он обнаружил еще лежащего человека, которому нанесена рана в грудь. Этот человек был спрошен, кто он такой и кто его ранил. Тот только ответил, что зовут его Филипп Брянский и проживает он против анатомического театра. Мещанин Карпов показал, что он услышал крик. Когда подбежал, в одном человеке он узнал барона Гейкина, который сказал: «Я ранен, ловите». В это время какой-то человек бросился преследовать убегающего к университету...»

[Из протокола допроса мещанина Карпова]

Утром 25 мая на ноги была поднята вся киевская полиция. Весть о том, что ночью неизвестным лицом убит один из самых жестоких киевских жандармов, попытавшийся задержать убийцу дворник тяжело ранен, а пристав оцарапан пулей, передалась от дома к дому, от знакомого к знакомому.

Каждое утро генерал-губернатор, собирая у себя в кабинете совещание полицейских и жандармских чинов, снова и снова неустанно подчеркивал:

– Разыскать преступника чрезвычайно важно, господа! Мы не должны и не можем мириться с потерей лучших наших людей.

Дни сменялись днями, совещания совещаниями, но никаких конкретных результатов они не приносили. После недели бесплодных усилий дело об убийстве барона фон Гейкинга было временно прекращено.

Подслушанный разговор

А ровно через два месяца, 24 июля, трагические события произошли довольно далеко от Бульварной улицы, на которой прозвучали выстрелы, взбудоражившие весь департамент полиции.

«У здания Одесского военно-окружного суда произведены были беспорядки единомышленниками осужденных тогда государственных преступников Ковальского, Студзинского, Виташевского и других. Жертвою этих беспорядков были два убитых и несколько раненых».

[Из рапорта начальника Одесского жандармского управления министру внутренних дел]

..Судебное заседание шло закрытым порядком. Председательствующий Артемьев со скучающим выражением на худом, бритом до синевы лице, выслушивал речь товарища окружного военного прокурора. Речь эта казалась ему длинной и чересчур витиеватой. Должность свою Артемьев исправлял уже без малого двенадцать лет и прекрасно знал, чем окончит свою красноречивую болтовню товарищ прокурора. Впрочем, для чего же тогда и нужны властям военные суды, если они не будут отправлять на виселицы всех противников государя императора?

Артемьев вяло кивал время от времени головой и чувствовал, что вот-вот задремлет, если речь немедленно не окончится. Вывел его из этого состояния неожиданный грохот: увесистый булыжник, разбив вдребезги оконное стекло, упал у самых ног оратора. Товарищ прокурора побледнел и схватился за сердце. Но Артемьев мгновенно понял все. Вскочив со своего председательского кресла, он объявил:

– Заседание прерывается, господа! Подсудимых прошу вести до особого. Содержать в здании суда, в тюрьму не отправлять!

А у стен суда колыхалось целое людское море. Слышались какие-то крики, угрозы.

К полудню, когда в судейских окнах не осталось ни одного целого стекла, прибыл отряд конной полиции.

Воспользовавшись тем, что толпа на секунду онемела, ротмистр привстал в стременах:

– Во избежание, – нараспев закричал он, – лишнего кровопролития!

Из толпы вышел высокий и широкоплечий богатырь с красивыми русыми волосами:

– Мы требуем освобождения наших товарищей, господин ротмистр. Нельзя судить людей только за то, что они думают несколько иначе, чем у власти стоящие...

– Если! – побагровел ротмистр. – Через! Пять минут! Приказываю! Разойтись! Мы будем стрелять!

Богатырь усмехнулся:

– Для этого, господин ротмистр, много ума не потребно.

Через пять минут загрели выстрелы... А еще через три часа в полицейском участке полковник Сергиевский выслушивал показания своих секретных агентов о происшедших событиях. Ничего заслуживающего внимания большинство из них не принесли. И только Полустроеву удалось несколько минут простоять рядом с двумя молодыми людьми довольно интеллигентного вида, разговор которых чего-то стоил:

– А все-таки здорово наш Григорий Анфимович отпел ротмистру, – восхищенно сказал один.

– Да, – негромко подтвердил другой. – Этот неудавшийся ставропольский священник стоит куда больше, чем многие из людей «капитана»...

Поблагодарив агента, полковник задумался. Не подлежало сомнению, что в происшедших событиях замешан не один и даже не два человека, а целая организация. И руководит ею некто по кличке «капитан». А этот нахальный расстрига – тоже оттуда...

В тот же вечер в Ставропольское губернское жандармское управление была отправлена секретная депеша с просьбой немедленно навести справки о человеке по имени Григорий Анфимович, имевшего в прошлом отношение к службе по духовной части. «Возможно, – интересовался Сергиевский, – в Ставрополе он был замечен и ранее в делах организации беспорядков или иных других?»

Негласный надзор

«Как оказалось впоследствии, лица, собиравшиеся на тайные сходки, имели целью разрушить государственный и общественный строй в России и не останавливались перед намерением посягнуть на жизнь государя императора. Схваченные... лица оказались: «капитан», или как после оказалось, Чубаров... Лизогуб и Давиденко, затем Баламез, Попко, Колтановский, девица Гуковская и другие деятели партии...»

*[Из записки генерал-майора Зыбина
одесскому военному прокурору]*

По поручению полковника Сергиевского исправляющий должность полицмейстера его помощник, коллежский советник Лохвицкий установил за домом по улице Мастерской, в котором скрылись после разгона демонстрации два неосторожных собеседника, постоянное наблюдение. Выбрал он для этого людей проверенных, опытных и надежных – секретных агентов Полустроева, Марковского, Федотова и Козловского. Четверке было дано совершенно конкретное задание: ни на минуту не выпускать из виду вход в подозрительную квартиру. В течение пяти-шести суток дела надзорные резко продвинулись вперед. Полицейские агенты, устроившие пункт наблюдения в огромной, оказавшейся поблизости навозной куче, заметили, по крайней мере, десяток постоянных посетителей квартиры. Само собою разумеется, что за всеми ими тут же было установлено еще и особое наблюдение. А однажды, пробравшись вечером под самое окно, Козловский подслушал беседу заговорщиков:

– Наша программа, – рубил рукой воздух смуглолицый человек с темной аккуратной бородкой, – наша программа заключается в том, чтобы вывести Россию из мрака и спячки, в которой она по сию пору пребывает. Мы не должны знать жалости к угнетателям народа, душителям всех конституционных свобод. Из нужно убирать с пути, как убрали мы барона Гейкинга. Всех!

– Всех? – переспросил кто-то, сидящий в углу. – А как же прикажете быть с его императорским величеством?

Смуглый снова резко взмахнул рукой, да так, что пламя в керосиновой лампе заколебалось:

– Императора тоже нужно убрать. Думаю, нашей боевой группе, Григорий Анфимович, пора и об этом подумать всерьез...

Когда Лохвицкий сообщил полковнику о ночном подслушанном разговоре, тот просто–напросто пришел в восторг:

– Вы не можете себе представить, господин полицмейстер, что все это значит! – восхитился он. – Ведь это нам с Вами – высочайшая благодарность и признательность. Я уж не говорю обо всем остальном... Личности установили?

– Фамилия смуглого – Чубаров...

– А Григорий Анфимович – это, конечно, Попко?

– А откуда Вы его знаете?

– Лично не знаком, – усмехнулся полковник. – Но вот сегодня кое-что о нем получено.

Он протянул Лохвицкому записку Ставропольского губернского жандармского управления.

«По всей вероятности, речь идет об известном в губернии смутьяне Г. А. Попко. В Ставропольской семинарии данный Попко принадлежал к числу лиц, исповедующих идеи социального изменения общества. Вместе с группой товарищей Попко бросил ученье в семинарии и основал в губернии добровольную земледельческую ассоциацию, которая, по его мнению, должна была служить образчиком для подражания всем крестьянством. После принятия необходимых мер Попко убыл в Москву и, по имеющимся сведениям, поступил в Петровско-Разумовскую академию...»

– Птица из перелетных, – задумчиво прокомментировал полковник прочитанные полицмейстером строки. – Нигде подолгу не засиживается. Скорее всего опаснейший социалист, этот ставропольский попик... И к убийству барона, пожалуй, он больше других ручки приложил... Кто еще посещает дом Чубарова? И вообще: наблюдать хватит. Приступайте к арестам!

Провал

В маленькой столовой в доме купца Дурьянова было душно и пахло вчерашними капустными щами. Попко устало сел за пустовавший угловой столик, но подзывать мальчишку не торопился: почему-то, несмотря на то, что двое суток во рту и зерна макового не было, есть ему не хотелось. Сейчас он чувствовал себя волком, на которого охотятся «в угон» – все еще сопротивляется, хотя уже и падает от усталости.

Их явочная квартира провалилась. Сегодня утром, встретив на городском рынке Гуковскую, он сделал ей знак следовать за ним. Оказавшись на пустынной улице, спросил:

– Как дела, Вика?

Гуковской не было еще и семнадцати, поэтому он позволял себе обращаться к ней на «ты».

– Плохо, Григорий Анфимович! Вчера на квартире арестовали Баламеца и Шиповича. От них протянули ниточку к Давиденко. «Капитан», правда, скрылся...

– Ты газеты читаешь, Вика? – с нескрываемой иронией в голосе спросил он. – Нет? Тогда почитай.

Он сунул ей номер «Вестника», на последней странице которого сообщалось о том, что «вчера вечером имел место арест опасного политического преступника Чубарова».

Попко посмотрел на побледневшее лицо Вики и коротко сказал:

– Немедленно уезжай из города. К дяде, к тете, к самому сатане, но уезжай сегодня же! У тебя слишком заметная личность.

Гуковская, не в силах сдерживать волнение, посмотрела большими глазами прямо в глаза Попко:

– А... Вы как же?

Попко усмехнулся:

– Я? Ничего со мной не станет, Вика. Ничего страшнее смерти на свете вообще нет. А смерти-то я как раз и не боюсь. Пойду-ка лучше пообедаю.

Он поцеловал ее в холодный лоб и медленно пошел к столовой.

«Агентом Федотовым того же дня была задержана девица Гуковская, которая была переодета в полумужской костюм и перекрасила себе волосы (Гуковская – светлая блондинка, волосы рыжие). Того же дня в столовой Козловский с полицейскими чинами

задержал Попко, который оказался вооружен... Столь очевидная и существенно-полезная служба сих лиц вызывает особое внимание к ним, и долг ближайшего начальства представить о деятельности их высшей власти».

*[Из рапорта одесского полицмейстера
о представлении к награждению агентов, отличившихся при раскрытии и
задержании политической группы Чубарова]*

Оказавшись в тюремной камере, Попко вел себя довольно спокойно. Он внимательно перечитал копию предъявленного ему обвинительного заключения. Усмехнулся прямо в лицо прокурору:

– Всех моих товарищей по борьбе за разработку планов политического переворота в России ждет виселица, не правда ли, господин прокурор? А вот мне, кроме посещения тайных собраний, Вы ничего не можете вменить во грехи...

Прокурор пожал плечами:

– Воздается кесарю – кесарево...

Попко прошел взад-вперед по тюремной камере. Потом, остановившись перед прокурором, сказал, четко выговаривая каждое слово:

– Я считаю, господин прокурор, своим долгом и прямою обязанностью разделить участь моих товарищей. Поэтому прошу записать в обвинение еще один пункт. Дело в том, что это я, а не кто-то из них, убил в Киеве барона фон Гейкинга. Я и только я. Единственный свидетель – арестованный вами по нашему делу мещанин Карпов. Он, один только он, может подтвердить истинность моих слов, господин прокурор. Я настаиваю на его немедленном допросе!

Последнее слово

Суд над ними шел с 22 июля по 5 августа 1879 года закрытым слушанием. Попко сидел во втором ряду подсудимых, рядом с побледневшей, осунувшейся Гуковской. Главные обвинения выдвигались, как и следовало полагать, против руководителя кружка Сергея Федоровича Чубарова. Держался он спокойно, отвечал на вопросы сдержанно, без лишнего многословия. Да, это он создал политический кружок. Да, это он вел социалистическую пропаганду на Кубани и Кавказе, разработал программу деятельности кружка, санкционировал убийства жандармов, покушение на устои государства Российского...

Попко сидел и сосредоточенно смотрел на тонкий и хрупкий профиль Гуковской. Неподалеку сидели Феликсия Левандовская и Мария Кутитонская. Все молоды и красивы, все обеспечены. И что только толкнуло их, этих девчонок, на борьбу с царизмом? Поистине, непонятна душа русской женщины...

От его внимания ускользнули многие детали судебного заседания. Но каждая секунда, прошедшая после фразы: «Вам предоставляется последнее слово», каждая та секунда запомнилась ему до самого смертного часа. Первым слово должен был произнести Чубаров. Он встал, откашлялся и негромко сказал:

– Мне не о чем говорить вам, господа судьи. Я считаю все содеянное мною, моими товарищами абсолютно верным. А посему от предоставленной мне возможности отказываюсь.

Один за другим вставали его товарищи по борьбе:

– Отказываюсь...

– Отказываюсь...

И только Кутитонская попросила, учитывая молодость, сохранить ей жизнь (потом временный одесский генерал-губернатор, памятуя об этом, сократит ей срок каторжных работ с восьми до четырех лет).

И вот – его очередь. Григорий встал, окинул взглядом зал, немногочисленный, мгновенно притихший.

– Вам тоже нечего сказать? – прервал его молчание председательствующий.

– Есть, господин судья, – Попко стиснул руками барьер. – Я хочу сказать, что судите вы сегодня не меня, не моих друзей, не наши дела. Вы сегодня произнесете приговор себе, себе подобным, делам вашим. Произнесете потому, что историей вы, угнетатели народа, как древние ископаемые динозавры, обречены на полное вымирание. Ничто не спасет вас, господа, никто не отсрочит вашей неминуемой гибели!

Залился колокольчик в руках председательствующего:

– Подсудимый, я лишаю вас последнего слова!

– А я сказал все, что хотел. Могу только добавить, что не я вас, а вы боитесь меня сегодня.

Он устало опустил на скамью, не обращая внимания на оживление в зале. Левандовская положила руку на его рукав:

– Спасибо, Гриша...

– За что? – удивился он.

– Я... я теперь тоже не боюсь их...

После совещания все встали для слушания приговора.

– Дворян Сергея Чубарова, Дмитрия Лизогуба, сына отставного кандидата Иосифа Давиденко, мещанина Соломона Витгенберга и боцмана Ивана Логовенко, – звучал глухой и зловещий голос председательствующего, – лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение...

Чубаров усмехнулся презрительной кривой улыбкой. Точно также усмехнется он через пять дней, 10 августа, на городской площади в лицо палачам, вешающим его на глазах многотысячной толпы.

– Купеческого сына Василия Кравцова, священнических сыновей Алексея Колтановского и Григория Попко... лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на рудниках без срока...

Рядом ахнула Гуковская.

– Ничего, Виктория. Не волнуйся за меня. Я – живучий. А буду жив – убегу с этой проклятой каторги.

Только документы

Дальнейшую судьбу Григория Попко можно отследить по ряду исторических документов.

«В продолжение всего пути на Кару Попко не оставлял мысли о побеге, который и удалось ему совершить из Иркутской пересыльной тюрьмы, в обществе с несколькими подговоренными товарищами. После поимки по доносу завербованного уголовного переселенца, Попко был закован в ручные и ножные кандалы, а за побег приговорен еще к прикованию к тачке, а также к пребыванию в тюрьме в течение 20 лет. В тюрьме он объявил голодовку, 12 суток не принимал никакой пищи, а питье – весьма ограничено. Состояние здоровья его казалось подавленным. Летом 1884 года он заболел водянкой, а 22 марта 1885 года умер. По моему приказанию труп Попко похоронен на тюремном кладбище».

*[Из рапорта ротмистра Николина
министру внутренних дел]*

*«Господину начальнику Киевского губернского жандармского управления.
Секретно.*

На отношение от 3 сего апреля за №869 имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что приговор об осужденном к каторжным работам Григории Попко постановлен Одесским военно-окружным судом 5 августа 1879 года, которым оный Попко признан виновным в стремлении к осуществлению переворота насильственным путем существующего в России государственного и общественного строя.... Сообщаю, что Попко, сын священника, от роду ему было 28 лет, вероисповедания православного, воспитывался в Ставропольской духовной семинарии, потом был два года в Петровской академии, а оттуда поступил в Новороссийский университет, где состоял студентом III курса юридического факультета. По отчеству он Анфилов и судился вместе с Чубаровым, Лизогубом и другими в числе 28 человек. Сообщаю также, что исповедан перед смертью не был священником по причине нежелания оного Попко. Фотографическую карточку каторжника Попко при сем прилагаю.

*За начальника жандармского управления
подполковник Добродеев».*

Послесловие

«Лет ему от роду было двадцать восемь»

И вот перед нами фотографии самого Григория Попко и его товарища Дмитрия Лизогуба, приговоренного к смертной казни через повешение. Попко на ней запечатлен в потрепанной одежде каторжника на золотых приисках, лицо его крайне измождено. Но спокойно и уверенно смотрят на нас усталые суровые глаза, твердо сжаты губы. Спокоен и Лизогуб, хотя снимок сделан, видимо, незадолго до приведения приговора над ним в исполнение.

Вглядываешься в эти лица, и невольно склоняешь голову перед светлой памятью тех, кто выше жизни ценил дело, которому служит...

На снимках: Григорий Попко; Дмитрий Лизогуб.

Фотографии из Ленинградского филиала Центрального музея революции.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Имя Риммы Ивановой, воспитанницы Ставропольской женской Ольгинской гимназии, в наше время зазвучало лишь в начале 80-х годов. Замечательная патриотка, она сделала то, чего не смогла сделать ни одна медицинская сестра в мире, – в период Первой мировой войны вынесла с поля боя, из-под огня, более восьмисот раненых русских солдат и офицеров. Чтобы до конца понять величие свершенного этой двадцатидвухлетней девушкой подвига, надо только сказать, что в истории России она стала второй женщиной-кавалером Ордена Святого Георгия. Первой, кто удостоился столь высокой чести, была легендарная «кавалерист-девица», участница Отечественной войны 1812 года Надежда Дурова. Но ей повезло куда больше – сохранились ее знаменитые, благословленные когда-то Пушкиным «Записки», о ней рассказали десятки книг разных авторов и даже веселый, полный жизнелюбия фильм «Гусарская баллада».

Над тихим и дремотным городком Могилевым висит сентябрь. «Официальная» осень уже началась, но зелень на деревьях по-летнему свежа, и только на пыльных кустарниках, широкой живой изгородью обступивших невысокий, тщательно выбеленный двухэтажный дом, словно редкая проседь в прическе молодого человека, кое-где разбросаны желтеющие листья – предвестники приближающихся холодов.

Вокруг – ленивая патриархальная тишина, нарушаемая иногда дребезжанием пробегающих по древней гулкой узкоколейке красно-желтых старых трамваев да приглушенным фырканьем подкатывающих к особняку автомобилей, из которых торопливо выходят военные – в выцветших полевых мундирах, но зато с начищенными до блеска сапогами.

Судя по всему, двухэтажный дом – важное в городе заведение: вокруг него установлены три кольца охраны, состоящей из полутора тысяч солдат; на крыше оцетинились в небо вороненные стволы восемнадцати скорострельных пулеметов, предназначенных для защиты от аэростатов и цепелинов.

В доме этом с недавних пор обосновался рыжеватый, невысокого роста полковник русской армии, занимающий две комнаты, одна из которых служит ему кабинетом, а вторая – спальней.

На людей, видевших его впервые, внешность полковника не производила особенного впечатления: был он до тоскливости обычен, говорил негромко, всегда спокойно, не раздражаясь. В обращении с окружающими был обходителен – порою даже до заискивания, которое, кстати, никогда не вызывалось нуждой или необходимостью.

Однако в положении, какое занимал этот полковник, было нечто такое, что заставляло людей трепетать при одном его появлении, при малейших изменениях его настроения, чутко улавливать оттенки произносимых им казенных и безразличных слов.

Войдя в кабинет полковника, генерал Алексеев остановился у двери, ожидая приглашения пройти к столу. Но хозяин кабинета вышел из-за стола сам, ласково протянул гостю руку:

– Рад видеть Вас в добром здравии, дорогой Михаил Васильевич, – сказал он тихо. – Что нового на фронте?

– На сегодняшнее утро существенных перемен, Николай Александрович, к сожалению, не отмечено, – успокоенный добрым приемом, Алексеев рискует величать полковника без титулов, только по имени-отчеству. – Я принес Вам проект Указа, о котором имел честь беседовать с Вами давеча.

– А, – словно припоминая что-то, полковник потер висок. – Уже подготовили? Столь быстро?

– Подготовили, Николай Александрович. Изволите подписать?

Плотный лист тяжелой гербовой бумаги ложится на зеленое сукно стола. Полковник долго смотрит на него, потом поднимает глаза на Алексеева:

– Орден Георгия Победоносца четвертой степени... Ведь это же самый высокий военный орден России. И удостоены его пока весьма и весьма немногие лица, не правда ли? И дается он, если только верить статусу, за выдающиеся воинские заслуги перед Отечеством, за беспримерную личную воинскую храбрость? Вот Вы, генерал, кажется, до сих пор не имеете такого ордена?

– Не удостоен, – сухо кланяется Алексеев. – Не о моей скромной персоне речь...

– Да и сам я, – полковник подошел к окну. – И сам я получил его совсем недавно, лишь несколько дней назад. И то, – полковник понимающе усмехнулся, – и то исключительно благодаря такту и чуткости генерала Иванова. После моей поездки на передовые позиции у станции Клевень он буквально принудил Георгиевскую думу Юго-Западного фронта принять надлежащее письмо куда следует... Да вот же оно, оказывается, под рукой. Вот... «Через старейшего Георгиевского кавалера, генерал-адъютанта Н.И. Иванова повергнуть к стопам государя всеподданнейшую просьбу – оказать обожающим державного вождя войскам милость и радость, соизволив...» Гм, ну, и так далее, даже читать несколько неловко... Словом, по данному документу Георгиевским кавалером только что стал я сам. И тут вдруг... речь ведь идет всего лишь о сестре милосердия, не так ли, генерал?

– Точно так. О сестре милосердия Оренбургского пехотного полка Римме Михайловне Ивановой. Беру на себя смелость напомнить Вам, что уже ранее она была удостоена трех Георгиевских отличий.

– Но... Не умалим ли тем самым назначения данного ордена? Кстати, генерал, а не интересовались ли Вы: были ли награждаемы подобным беспримерным отличием женщины вообще?

– Интересовался, Николай Александрович. Таким орденom была отмечена девица Надежда Андреевна Дурова, участница двенадцатого года. Помните, она еще написала потом прелюбопытную книжицу – «Записки кавалерист-девицы»?

– Не читал, но слышал, сколь высоко она в ней отзывается о престоле и государственной власти... Стало быть, Михаил Васильевич, больше ста лет с тех пор минуло? – полковник замолчал и, по-прежнему стоя у окна, глубоко задумался.

Первым тишину рискнул нарушить Алексеев.

– Я уже имел, Николай Александрович, честь изложить причины, побудившие меня, равно как и Николая Иудовича Иванова, столь энергично поддерживать ходатайство фронтовой Георгиевской думы относительно отмечания подвигов госпожи Ивановой, однофамилицы генерала. Это необходимо хотя бы потому, что надо доставить войскам пример самопожертвования русского человека, его великой верности престолу и Отечеству. Девица Иванова в свои двадцать лет весьма подходяща для этих целей, ибо примеров, подобных содеянному ею, не так много...

Произнося последние слова, генерал несколько замялся, но все-таки вновь довольно твердым голосом повторил их, стараясь при этом смотреть полковнику в самые глаза:

– Не так много, как того нам бы хотелось... И, кроме того, совершенный госпожой Ивановой подвиг, по моему и Николаю Иудовича разумению, и точно, достоин столь высокого отмечания.

Полковник, внимательно посмотрев на генерала, подошел к столу, взял в руки перо. Вздыхнув, принялся негромко читать бумагу:

– «В воздаяние подвигов, – бормотал он, – мужества и храбрости, оказанных сестрой милосердия Риммою Ивановой 9 сентября сего года... Мы своим Указом в 17-й день сентября Капитулу данным, пожаловали ее кавалером Императорского военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени...»

Он аккуратно обмакнул перо в чернильницу, посмотрел близоруко на его стальной кончик: не налипло ли чего. И размашисто расписался – *Николай*.

Слегка потряхивая листом в воздухе, чтобы просушить таким образом подпись, принадлежавшую русскому императору Николаю Романову, начальник Генерального штаба сухо поклонился Верховному Главнокомандующему и едва ли не на цыпочках направился к выходу. Он был вполне удовлетворен результатами своей миссии: проект Указа с этой минуты превратился в самый настоящий императорский Указ за номером 1006...

***

...Раньше ей казалось: когда люди говорят о том, что земля может гореть под ногами, – это всего лишь образ, стремление выразиться покорснее. В начале марта она увидела горящую землю своими глазами. Вместе со своей армией Самурский пехотный полк переходил в наступление – несмотря на то, что на участке Юго-Западного фронта по приказу начальника штаба австро-венгерской армии генерала Конрада фон Гетцендорфа было сосредоточено почти втрое больше артиллерийских стволов, нежели их имелось у русских. Расчет царских военачальников, как видно, был прост до чрезвычайности: страна большая, людских резервов предостаточно, справимся. Это был своеобразный отголосок все того же лозунга, с которым российские «патриоты» проиграли десять с лишним лет назад войну с Японией: «Да мы их шапками закидаем».

После очередного «взаимного обмена любезностями», который имел место между артиллеристами противоборствующих сторон, Самурский пехотный полк вместе с соседями слева и справа перешел, вернее вынужден был перейти в наступление. С наблюдательного пункта, который находился верстах в двух позади передовых проволочных заграждений, было довольно хорошо видно поле предстоящего боя. Наверное, еще минувшим летом на нем росла самая обыкновенная капуста, убрать которую ввиду развернувшихся военных действий не успели, она заросла пыреем. Пожухший и высохший пырей и горел теперь, заставляя плавиться лежащий на поле редкими белыми пролысынами мартовский тяжелый снег. Издали, наверное, это зрелище производило еще более тягостное впечатление: казалось, что выше сил человеческих пройти по этой пылающей земле и при этом еще остаться в живых...

Наблюдая из-за обложенного мешками с мерзлой землей бруствера командного пункта за ходом событий, полковник Стефанович то и дело недовольно косился на стоящего рядом с ним представителя штаба полковника Тихвинского... Старому вояке явно не по душе был этот штабист, от которого даже сейчас, в такой вот обстановке, пахло французскими духами. Сам Стефанович зарос грязноватой седой щетиной, ибо пять дней уже не имел никакой возможности побриться – дел у командира полка перед наступлением всегда по самое горло. Послал же Господь этого щеголя в его расположение именно сейчас, когда нет ни возможностей, ни желания его ублажать! Неужели там, в генштабе, полагают, что присутствие сего надушенного субъекта хоть в какой-то мере положительно скажется на положении дел?

Подумав об этом, Стефанович вдруг решительно сплюнул на мешки с землей и свирепо выругался:

– Ах, мать их!.. И чем они только там думают...

Тихвинский, по-своему истолковавший поведение командира полка, отнял от глаз призматический артиллерийский бинокль:

– Мне тоже кажется, что они там что-то медлят, – сказал он, вежливо улыбнувшись. – Видимо, пора начинать атаку?

– Пора, – сердито подтвердил Стефанович. – Эй, на телефоне! Передайте сигнал атаки!

Через минуту-другую они увидели в бинокли, как к проволочным заграждениям с их стороны начали подползать маленькие, почти игрушечные солдатские фигурки, которых было не так уж много.

– Что такое? – изумился Тихвинский. – Почему не атакуют?

– Проволочные заграждения, господин полковник, – сухо, стараясь ничем не выдать накапливающегося раздражения, ответил Стефанович, – являются преградой не только для противника, который захочет атаковать нас, но и для нас, коли мы пожелаем атаковать противника. Они находятся несколько выше уровня окопов, и потому, чтобы поднять дух людей, надо предварительно сделать в этих самых заграждениях проходы. Что мы, как Вы изволите видеть, и пытаемся сделать в настоящее время.

Полковник кивнул головой: понял, дескать, свое заблуждение, прошу меня извинить. И с этого момента до самой той минуты, когда со стороны русских позиций донеслось хрипкое и недружное «ура», молчал, словно в рот воды набрал. Но вот это самое «ура» донеслось, и там, вдали, солдатики пошли в атаку. Издали это казалось ненастоящим, несерьезным, чем-то игрушечным...

– Почему они идут так медленно? – снова не выдержала душа штабиста. – Не лучше ли побежать?

– Не лучше, – буркнул Стефанович. – До передовых позиций германца еще черт знает сколько, и если солдат побежит сейчас, он устанет, и, когда надо будет, у него начнет дрожать рука, он не даст точного выстрела. А противник будет свеж, и его выстрел будет намного вернее нашего...

Казимир Стефанович сунул в рот папиросу, но прикуривать не стал: напряженно следил, как разворачиваются цепи атаки. Одна развернулась, вторая... Передний край противника молчит, хотя атакующими уже пройдено больше половины разделяющего враждующие стороны расстояния. В чем дело?

– Ждут, с... – снова тяжело выругался полковник. – Хотят поближе подпустить! Впрочем, я бы на их месте точно так же поступал бы... Надо было бы нам подождать наступления противника, а не соваться вот так...

– Наступление, Казимир Альбинович, – решенный вопрос, – ответил, назвав полкового командира по имени-отчеству, Тихвинский. – Сами понимаете, это зависит не от вас с нами. Такова воля государя, о которой объявил нам Великий князь Николай Николаевич.

– Знаю, – вздохнул Стефанович. – Против такой воли не попрешь... Лучше уж против пушек!

Он не договорил: со стороны поля затрещали частые выстрелы, на переднем крае застрекотали, торопясь и захлебываясь, вражеские пулеметы. Офицерам в бинокли было хорошо видно, как дрогнула первая цепь атакующих, начали падать люди. Не отрываясь от своего «Цейса», Стефанович давал телефонные распоряжения по ходу боя.

Странно и даже страшно было видеть, как от этого стрекотанья, сильно напоминавшего детскую трещотку, настоящие, живые солдаты рядами валились на землю.

– Неужели столько убитых?

– Залегли, – отрезал Стефанович. – Не видите разве? Эй, там, коня мне! Будьте здоровы, полковник! Вы уж отсюда любуйтесь, а мне туда надо. Боюсь, что наши дела хуже, чем я ожидал!

– Я с Вами! – подхватил было Тихвинский.

– Не надо! Не хватало мне еще, чтобы Вас прихлопнули! Сидите уж тут, полковник, ради всего святого...

Через несколько минут коренастая, словно впаянная в седло фигура Стефановича была уже далеко от командного пункта.

Вздохнув, Тихвинский снова взялся за бинокль: да, на поле, кажется, происходило что-то неладное! Вот уже цепи наступающих дрогнули и... бросились бежать. Это же поражение, разгром!

Полковник, оказавшись в роли пассивного наблюдателя, вспомнил внезапно из академического курса прописную истину. Она гласила: для того, чтобы атакой обеспечить успех наступательной операции против тщательно закрепившегося на своих позициях противника, нужно иметь на направлении главного удара как минимум шестикратный перевес в живой силе и десятикратный – в огневой мощи. Насколько можно было верить данным разведки, о подобном перевесе не могло быть и речи: силы сторон были примерно равны. Впервые мелькнула мысль: не ошибка ли командования все происходящее, не авантюра ли, оплачиваемая ценой стольких жизней, ценой позора и бесславия!

Тихвинский увидел: поднявшись из своих окопов, немцы перешли в контратаку, преследуя бегущих. Конец!

Немцы все ближе и ближе к нашим позициям... И тут он заметил нечто неожиданное: навстречу им поднимается атакующая третья волна русских! Чего угодно ожидал Тихвинский, только не этого! Стало даже обидно: почему это не посвятил его в свои планы Стефанович, не посчитался с авторитетом представителя генерального штаба? А планы, полковник понял это сразу, были единственно верными в данной ситуации – командир полка просто-напросто подставил часть своих сил под заведомо разгромный удар немцев. Он решил, принеся в жертву для этого две цепи атакующих, выманить противника из окопов, заставить его преследовать бегущих и, подпустив как можно ближе, открыть огонь.

Именно так и получилось. Заговорили пулеметы, теперь уже русские. Поле запестрело вражескими мундирами. «Молодец все-таки Стефанович! – с чувством некоторой зависти подумал полковник. – Жестоко, конечно, так поступать, но разве был у него другой выход?»

Он окинул взглядом надвигающуюся навстречу немцам цепь русских серых шинелей и вдруг едва не выронил от изумления бинокль. Нет, не потому, что увидел в этой цепи самого командира полка, фигуру которого даже отсюда он различал совершенно отчетливо. Дело в том, что среди наступающих он заметил... женщину! Да, да, именно женщину! С краснокрестовской сумкой на боку, она тоже бежала, как и все, вперед, навстречу врагу, навстречу смерти. Из-под шинели он ясно видел край длинного темного платья... Сестра милосердия!

Тихвинский невольно крякнул от огорчения, вспомнив, что совсем недавно в штабе армии он предлагал отойти от старых традиций и одевать на военной службе, во всяком случае, хотя бы в полевых условиях, женщин точно так же, как и прочих военнослужащих. Но один высокопоставленный тыловой генерал возразил ему:

– Не нами, полковник, придумано, не нам с вами и отменять. Женщина должна носить юбку, хоть даже и на фронте, даже в бою! Женщина да всегда останется женщиной!

Попробовал бы этот генерал сам побежать по этому вот полю в юбке!.. Теперь уже Тихвинский был не в состоянии оторвать взгляда от сестры милосердия. А та, упав на заснеженную землю, подползла к одному из раненых. Вот она что-то начинает делать... Полковник понимает: перевязка на месте, на поле боя. А сестра уже ползет к другому лежащему на снегу солдату, к третьему, пятому...

Смешалось все на бранном поле! Во многих местах стычки переросли в поединки между небольшими группами и даже отдельными солдатами. Тихвинский уже знает по опыту: наступил момент, когда противоборствующие стороны становятся практически неуправляемыми со стороны собственных командиров. Теперь, Боже милостивый, куда кривая выведет, будь что будет! Но линия атакующих постепенно все-таки выравнивается, все ближе и ближе подходя к позициям немцев... И вот он уже видит заволакиваемый дымом русский флаг над командным пунктом противника. Победа!

Через пару часов измученный и грязный, злой Стефанович вновь встретился с Тихвинским.

– Поздравляю, господин полковник! – протянул руку Тихвинский. – Задумано просто гениально, я должен сказать, что преклоняюсь перед Вашим военным талантом. Хотя, признаюсь, и несколько переволновался за исход Вашей затеи...

– Волноваться всегда легче, чем наступать, – отрубил Стефанович.

– Я непременно доложу о Ваших умелых действиях высшему командованию, – сделав вид, что не расслышал обидной реплики офицера, ответил полковник. – Думаю, не погрешу ничем противу своей совести и своих убеждений, ежели возьму на себя смелость ходатайствовать перед Его превосходительством генералом Брусиловым о Вашем награждении.

– Буду премного Вам благодарен.

– А вот перед Вами, полковник, возьму на себя тоже смелость выступить с ходатайством... Дело в том, что со своего... гм... наблюдательного пункта, что ли, я следил за действиями одной из ваших сестер милосердия. Она шла в третьей цепи вместе с солдатами... По-моему, далеко не каждый мужчина был бы в состоянии действовать в столь сложной боевой обстановке с подобным хладнокровием и отвагой. По моим подсчетам, она оказала помощь во время боя не меньше чем десятку раненых! Это просто немыслимо!

– Иванова, что ли? – запыленное лицо командира полка перекопилось неким подобием улыбки. – Я уже о ней знаю, Василий Борисович. Мне докладывали, да кое-что и сам видел. Один подпоручик, знаете ли, перед отправкою в госпиталь попросил разрешения сказать мне несколько слов. Я думаю, зачем ему командир понадобился? А он, представляете, вошел ко мне с ходатайством о награждении Ивановой. У него была оторвана кисть руки, и, не будь там Ивановой, он наверняка бы погиб.

– Да, да, полковник, – торопливо подхватил Тихвинский, – я очень прошу Вас достойным образом отметить боевую работу этой госпожи Ивановой!

А про себя подумал: и чего это так оживился старый пень, когда речь зашла о сестре милосердия? Уж не зазноба ли? Все может быть, ну, да в этом и нет, если толком разобраться, ничего плохого. Хотя, прямо сказать, трудно поверить, что Стефанович в свои пятьдесят семь лет от роду, проведенных, к тому же, в частых боях и походах, способен еще на некие подвиги романов с женщинами!

Усомнившись в подобном предположении с самого начала, Тихвинский окончательно отказался от него, когда увидел перед собой ту самую героическую милосердную сестру – совсем девчужка, с какими-то доверчивыми, до чрезвычайности доверчивыми, зелеными и большими, выразительными глазами.

– Как Вы попали на фронт, госпожа Иванова? – не удержался он от вопроса, заданного несколько покровительственным тоном.

– С братом прикатила, – ответил за нее командир полка. – Он тоже у нас, младший врач.

– А скольким раненым Вы оказали помощь во время минувшего боя?

Зеленые глаза посмотрели на него изумленно:

– Я не считала, господин полковник!

– Сие похвально, очень похвально... Должен, однако, сообщить, что я вошел с ходатайством к командиру полка о представлении Вас к награждению боевым орденом. Думаю, это будет весьма правильно.

Вечером на доклад к командиру полка прибыл его адъютант – прапорщик Солтановский. Достал из полевой сумки свежую строевую ведомость, составленную вместе с помощником начальника штаба, и доложил:

– Наши потери в сегодняшнем бою, господин полковник, составили 324 человека. По нашим предварительным подсчетам, потери противника примерно в два раза превысили наши.

– Дальше.

– Раненые в настоящее время полностью эвакуированы в госпиталь. Их количество – 257 нижних чинов и 6 офицеров.

– Дальше.

– Командирам батальонов передано Ваше приказание о подготовке списков на отмечание наградами наиболее отличившихся в бою солдат и офицеров. Документация, полагаю, будет готова к утру.

– Дальше.

– Все, господин полковник.

– Как все? – даже приподнялся с пустого снарядного ящика, служившего ему стулом, Стефанович. – Я, помнится, давал Вам еще одно распоряжение. Забыли, что ли?

– Никак нет, господин полковник. При отправке в госпиталь мною лично был произведен опрос раненых, кои находились в сознании, на предмет точного установления количества тех, кому из них во время боя оказывала помощь сестра милосердия Иванова. Таковых оказалось двадцать два.

– Двадцать два! – присвистнул присутствующий при разговоре Тихвинский. – Вы видите теперь, Казимир Альбинович, что сестру надо непременно отметить особо.

– Я уже составил текст представления, – Солтановский протянул вперед руку с наградным листом, впрочем, не адресуя его никому конкретно из двух полковников, а как бы в пространство между ними – кто возьмет, тот и возьмет. – Осталось только вписать наименование награды, к коей Ваше превосходительство сочтет необходимым представить девицу Иванову.

Лист взял Стефанович:

– Вы свободны, прапорщик.

Тот, щелкнув каблуками сапог, вышел из сарая, где находились на данный момент апартаменты полкового командира.

– Я думаю, – как-то нерешительно заговорил полковник, – что подобного рода действия... они достойны... ну, довольно высокой награды!

– Безусловно! – с горячностью поддержал его Тихвинский. – Пишите, Казимир Альбинович, своей рукой вот тут пишите! Вот тут... «Представляется к награждению...» Вписывайте: «орденом... гм!... орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия первой степени»!

Стефанович заколебался:

– Орден-то вроде бы не того... Не женский, Василий Борисович.

– Ну и что же! – пылко возразил ему полковник, которому, к тому же, очень хотелось наладить отношения с этим суровым армейским кадровиком. – Война есть война, и каждый подвиг на ней должен быть отмечаем по заслугам!

Эта несколько высокопарная фраза вызвала ироническую улыбку командира полка, которую, впрочем, Тихвинский и не заметил.

– Пишите, полковник, пишите!

Взяв перо, Стефанович аккуратно обмакнул его в чернильницу и размашистым почерком вписал на свободные строки наградного листа наименование ордена, к которому представлялась сестра милосердия.

Потом оба они замолчали, глядя, как медленно просыхают на листе бумаги чернила, и думая о награде, которой, возможно, скоро будет отмечен скромный солдатский подвиг Ивановой.

...Строго говоря, в России было не так уж много орденов. Первый из них – орден Андрея Первозванного – был учрежден Петром Великим еще в 1698 году. Потом, десятки лет спустя, появились ордена Александра Невского и Анны – по имени царствующей императрицы. И только в 1769 году Екатерина Вторая учредила орден Святого Георгия Победоносца четырех степеней, которым должны были награждаться офицеры и генералы русской армии за особые отличия, проявленные токмо во время военных действий. С 1807 года появился подобный, но отличный от первого, орден для награждения солдат и унтер-

офицеров. Кавалеров полного банта в стране было чрезвычайно мало, и их имена украшали стены знаменитого Георгиевского зала в Кремле. Это была высшая военная награда России, и честь быть удостоенным ее представлялась лишь храбрым из храбрейших. А тут вдруг – женщина...

Оба полковника понимали, что могут вызвать своим представлением у острого на язык генерала Брусилова немало едких замечаний по их адресу. Но уже через несколько дней стало известно: командующий подписал представление не только без возражений, но даже с видимым удовольствием, сказав при этом знаменитое некрасовское:

– А все-таки и вправду, господа: есть женщины в русских селеньях!

Он же лично вручил орден Римме – раскрасневшейся от счастья и дрожащей от страха перед столь высоким начальством.

– Я счастлив, – сказал Брусилов, – что имею возможность отныне числить Вас, сударыня, в числе моих личных знакомых. Я буду гордиться знакомством с Вами и всегда ставить Ваше мужество в пример там, где это будет возможно и нужно.

Интересная деталь: Брусилов сдержал свое слово. Будучи позднее главкомом Юго-Западного фронта, Верховным Главнокомандующим в 1917 году, а затем одним из первых старых генералов перейдя на сторону молодой Советской власти, он часто вспоминал о Римме, ставя ее в пример подчиненным как образец солдатского мужества и воинской доблести.

– Если бы все мужчины всегда, – говаривал в своих лекциях на склоне лет генерал, – были подобны в своем мужестве этой девушке, нога неприятеля никогда бы не ступала в прошлом и не ступила в будущем на святую землю российскую!

***

На всякой войне непременно есть одна из самых скромных, но между тем и самых рискованных профессий. Называется она – связист. Ее представители редко становятся генералами, о них не пишут романов, да, наверное, и нет в том особенной необходимости. Просто всеми принято считать, что связь должна работать всегда, при любых, самых исключительных обстоятельствах... Но давайте все-таки немножко поспорим с общепринятым среди военных мнением! Трудно в бою пехотинцу: полная выкладка, а средство передвижения одно-единственное, зато, как показывает опыт, самое надежное – собственные ноги. Тут, конечно, речь идет о временах достаточно отдаленных: сейчас мотострелок – «человек на моторе». Но тогда было так, как мы говорим... Тяжко пехотинцу, не сладко! Но, поверьте, вдвойне тяжелее связисту! Потому хотя бы, что, помимо всего вышеназванного, тащит он в руках, дрожащих от напряжения, еще и катушку с телефонным кабелем – если он линейщик. А, не приведи Господь, радист! Значит, плюс к тому еще и полевую радиостанцию, по сравнению с которой полный патронный ящик – нечто вроде гусяного перышка, не достойного внимания.

Издавна в армии связистов величают с некоторым оттенком высокомерия – «наша интеллигенция». Отчасти так оно и есть: в холодное зимнее время связист нередко устраивается в самой теплой палатке – под боком у командующего. Случается порой так, что даже командиры пехотных полков заглядывают к нему отогреться, послушать мерный писк морзянки, вздремнуть на узком деревянном рундучке, с которого тот самый связист при этом сгоняется, как говорится, без всяких угрызений совести.

И он нисколько не обижается на начальство. Сидит, плотно насадив на уши микротелефонную гарнитуру, и даже делает вид, будто идущая в данный момент война его и вовсе не касается. Его интересует только этот противный писк морзянки, только показания пляшущих стрелок на всевозможных индикаторных приборах. Когда идет сражение, связист нередко остается от него в стороне, чем вызывает на себя огонь

насмешек товарищей по оружию: вот, дескать, отсиделся Аника-воин под крылом у командарма!

Зато когда наступает после боев радостная пора внеочередных отпусков и награждений, связист по-прежнему остается в стороне...

Да, работа связи – непреложный закон армии, а тем более закон войны. И сколько же связистов гибли во все времена, чтобы закон этот ни на мгновение не терял своей силы. Каждый девятый человек, сгоревший в огне Первой мировой войны, был связистом.

...Под маленькой деревенькой Ивантеевкой вдруг потерялась связь, и командарм, ясное дело, тотчас отдал приказ о ее восстановлении.

Прапорщик Соловьев, командовавший взводом, послал на восстановление связи молоденького большеглазого солдата Крутикова, только что призванного. Тот побледнел, тяжело вздохнул и молча полез под бруствер. Он, наверное, знал, что надежд доползти до места, в котором был перебит злополучный кабель, у него было очень мало. Но так уж устроен русский солдат, что не спрашивает в такой момент, есть ли вообще резон в приказе командира, нельзя ли принять какое другое решение. Он идет выполнять приказ и гибнет...

О том, что Крутиков погиб, стало совершенно ясно через какие-нибудь десять-пятнадцать минут после того, как его хиленькое неуклюжее тельце выплеснулось из окопа наружу.

Прапорщик снова посмотрел на окружающих его солдат. Он вовсе не был дураком, этот прапорщик! О нет! Он прекрасно понимал, что избранный им сейчас для выполнения приказа человек – почти смертник. Нелегкий предстоял ему выбор... Но каждый командир, особенно на войне, обязан уметь делать это быстро и без колебания! Обязан, несмотря на личные симпатии и антипатии, несмотря ни на что...

И прапорщик сделал выбор:

– Сергиенко, – сдавленным голосом сказал он. – Надо быстренько восстановить связь.

Римма обратила внимание: не сказал: «Приказываю восстановить связь!» Вроде, как даже попросил. Но разве бывают командирские просьбы, не равнозначные приказу?

Сергей Сергиенко, рослый крепкий парень, совсем недавно призванный в армию, вздрогнул всем своим могучим телом и набожно перекрестился: он тоже понимал, о чем идет речь. Подошел к прапорщику, молча снял с шеи медный нательный крест.

– Возьмите, Ваше благородие. В случае чего, жене моей Христине Семеновне да троим деткам... В станицу Сторожевую... Эх, мать честная!

И решительно перемахнул через все тот же бруствер. Бросился на землю, пополз вдоль кабеля.

Снова минули томительные пятнадцать минут. Их вполне хватило бы для того, чтобы отрезвизовать всю линию связи, на всем ее протяжении. Но беда в том, что одним своим участком она проходила по территории, прекрасно пристрелянной врагом, и эта территория находилась никак не более чем на расстоянии пяти-шести пластунских минут от окопа русских. Поэтому можно смело считать: если солдат не подал за это время о себе никаких сведений, если не заработала связь – это конец!

– Прапорщик! – в телефонной трубке раздался хриплый бас командира полка Стефановича. – Что со связью? Командарм не может соединиться со штабом!

– Пока, к сожалению, Ваше превосходительство, восстановить не удастся...

– А я хотел бы видеть твои сожаления знаешь где?! – было слышно, как зло выматерился старик. – Связь восстановить немедленно!

Прапорщик снова осмотрелся по сторонам. И вдруг мальчишеским, каким-то ломким и виноватым голосом спросил:

– А что? Может, кто сам вызовется, ребята? А?

В голосе его звучала слабая надежда: а что, если и в самом деле отыщется доброволец? Видимо, не очень хотелось прапорщику брать на душу еще один смертный

грех! Потому что только тот, кто никогда не держал оружия в руках, не воевал, может наивно полагать, будто послать человека на смерть – дело если не самое простое, то достаточно обыденное. Нет, разумеется. Даже генералам, давно ушедшим в отставку, порою снятся ночами трудные сны о минувших походах и боях, и просыпаются вдруг они посреди ночи со сверлящей мозг мыслью: а все ли правильно было сделано ими в том или ином конкретном случае? И до конца дней несчастен тот из них, кто вдруг отыщет в запасниках памяти отрицательный ответ на этот роковой вопрос! Потому что отныне и до самой гробовой доски будут приходиться к его постели ночами погибшие по его вине люди – недолюбившие, разные. И все – свои, родные... И будут строго смотреть они мертвыми пустыми глазницами прямо тому генералу в смятенную душу: что же ты, человеке, с нами наделал, почто погубил без крайней на то нужды для Отечества?.. Как ты на то решился?!

Понимал ли все это в тот страшный день прапорщик Соловьев? Мы думаем, несмотря на молодость, понимал. А сделать подобный вывод позволяет совершенный им тогда поступок, зафиксированный в полковом журнале боевых действий, хранящемся в Центральном военно-историческом архиве.

– Может, кто сам вызовется? – безнадежно повторил прапорщик. Не вызвался никто. Так тоже бывает, хотя пишут и говорят о подобных ситуациях намного реже, чем о тех, когда героизм одиночки вдруг заражает всех окружающих своим порывом.

Не нашлось желающих... И прапорщик решил просто:

– Богданов! Ты остаешься за меня.

А сам, перекинув через плечо аппарат полевого телефона, чтобы было чем прозвонить при удаче линию, молча кивнул на прощание всем: вдруг, дескать, больше не доведется свидеться. И исчез. Все за тем же проклятым бруствером! Римма смотрела ему вслед с восторгом и восхищением: именно такими представлялись ей сейчас легендарные суворовские чудо-богатыри! Соловьев в ее представлении стал человеком невероятной силы, хотя был он мал ростом и худ статью. Но разве были когда физические силы человека более важными и решающими, нежели невидимые силы его души и сердца?

...Снова потекли тяжкие минуты ожидания. Рев и свист боя висели над траншеями русских. Перестрелка не стихала ни на минуту. И это противоречило всем правилам ведения боя позиционной войны. Дело в том, что, скорее всего, ни одна из сторон не намеревалась в ближайшее время покинуть свои хорошо укрепленные траншеи для решительного броска на противника. Как русские, так и немцы даже продолжали работы по укреплению своих рубежей обороны, по мере сил и возможностей затягивая подступы к ним колючей проволокой, минируя вероятные пути подходов, обеспечивая надежные дороги для подвоза продовольствия и боеприпасов. А огонь – это-то и представляло собой исключение из правила – и не думал стихать, словно перед атакой. Выпускаемые озлобленными людьми снаряды и пули чертили в воздухе свои трассы почти наобум, но это вовсе не значило, что ни одна пуля, ни один осколок не достигали цели...

Всего два часа назад один из таких шальных снарядов угодил в их траншею, разорвавшись метрах в ста двадцати от того места, где находилась Римма. Там, где теперь видна дымящаяся, забрызганная кровью воронка, обедал у своего «максима» пулеметный расчет. Когда рассеялся дым, одного из солдат на месте не оказалось вообще. А тело второго лежало на краю воронки. В сущности, это было даже не тело, а его половина: все, что было ниже пояса, бесследно исчезло. И этот страшный обрубок человека какое-то время еще продолжал жить: он хватался руками за края воронки, и под его кровавыми пальцами осыпалась с тихим шорохом розовая, ни в чем не повинная, обожженная человеческим безрассудством земля...

Римма не кричала, став свидетельницей этого ужаса. Наверное, потому, что это была вовсе не первая смерть, прошелестевшая своими крылами над ее головой и лишь по чистой случайности ее миновавшая. Римма видела как-то: два солдата – наш и немец – во время атаки одновременно вонзили друг в друга свои штыки. Наш – трехгранный и длинный, немец – плоский, покорооче. Но результат был один... Она долго смотрела тогда на эти завшивленные трупы, которые даже похоронили, за неимением времени, в одной

могиле, и думала: почему, ну почему вдруг стали врагами эти люди? Наверное, оба были – из самых низов, из бедноты, оба выросли, мечтая о лишнем куске самого обыкновенного ржаного хлеба. Почему же теперь, в эту минуту, они с таким остервенением идут друг против друга? Почему и для чего придумали люди войны вообще, а эту, нынешнюю, самую страшную из всех предыдущих, в особенности? Неужели не смогли бы жить эти два человека в мире и согласии, не убивая один другого?..

...Минуты шли. В какое-то мгновение стрельба за бруствером сделалась особенно интенсивной, и Римма с душевным содроганием поняла: оттуда, с вражеской стороны, засекли прапорщика. Бьют по нему! Боже, праведный Боже, если ты только есть, сделай так, чтобы в него не попали!

Она рискнула – подняла голову над бруствером. И увидела сразу Соловьева: в неестественной позе лежал он в паре сотен шагов от окопа. И тут же она оказалась сама за бруствером, на поле. Прижавшись лицом к холодной земле, поползла вперед, к прапорщику. Услышала позади себя истошные солдатские вопли:

– Куда, куда тебя, сестрица!..

– Назад! Ах, чертова девка, чтоб тебя!.. – неслоь вслед.

Римма продолжала ползти вперед. Толстую санитарную сумку она толкала впереди себя, стараясь все время держать ее на уровне головы: если и угодит что, то, может, не насмерть, сумка частицу пулевого удара примет. Ползти было трудно: поле когда-то было пахотой, и теперь оно напоминало собой поверхность гигантской стиральной доски, ребра которой были твердыми и к тому же поросли сухими колючками. Пальцы мгновенно – в кровь! У самого лица что-то шлепнулось о землю, показалось – большой кузнечик. Взметнулся фонтанчик пыли: не кузнечик – пуля! Если бы чуть ближе – все, конец! При мысли этой она на мгновение похолодела и даже прекратила движение. Но потом поползла снова. Снова остановилась. На этот раз – поняв, что кратчайшее расстояние между двумя точками – не всегда прямая. А она почему-то ползет к прапорщику строго по прямой. Но вот всего в десятке шагов правее земляной отвал виднеется. Если бы суметь добраться туда и поползти по нему... Она же совсем тоненькая, не то, что мужчины. Ее тот отвал прикроет от вражеских пуль не хуже настоящего окопа. Поползла, стараясь слиться с землей, в которой усматривала единственную возможность спасения. Так, наверное, и былинные русские богатыри крепко-накрепко прижимаются к матери сырой земле, чтобы набраться новых сил и выстоять против очередного супостата, пришедшего на землю русскую... Вот он, отвал!

Облегченно вздохнув, Римма скатилась в него, больно ударившись коленом о камень. Зато теперь почти без помех – вперед! Ползком, ближе к прапорщику. Он заметил ее... Смотрит... Молчит... Она видит пятно крови на его гимнастерке, откуда начинается струйка, стекающая на землю. Может быть, ранение и тяжелое, но несомненно одно – жив! И Римма снова устало толкает перед собой сумку, будто та и в самом деле может спасти ее от пули.

– Зачем ко мне? – шепчет бескровными губами Соловьев. – Зачем, сестрица? Конец мне один, а ты пропадешь ни за что...

– Молчи, прапорщик! – сердится она, лихорадочно разрезая набрякшую кровью, ставшую липкой гимнастерку. – Давай быстренько перевязку сделаем!

Рана рваная, осколочная. Но перевязку все-таки, после наложения тампона, удастся сделать, унять кровотечение. А вот как тащить раненого назад? Дело вовсе не в том, что не хватит сил на это. Сил-то хватит, но ведь стреляют, проклятые, как стреляют! Безостановочно палят!

– Вот что, – говорит она. – Ты поворачивайся на спину. Больно будет, а ты терпи. Надо перевернуться... Ну, миленький, ну же! – она уговаривает раненого, словно терпеливая мать капризного ребенка.

Они проползли всего несколько шагов, как прапорщик, закрывший было глаза, встрепенулся:

– Стой, сестра, – прошептал он. – Стой, тебе говорят!

В голосе его прозвучало что-то такое, отчего Римма и точно остановилась.

Соловьев морщится от боли и смотрит, указывая ей взглядом в сторону:

– Туда мне надо. Туда... Обрыв... кабель... вон же его видно... обрыв...

Римма смотрит в сторону, указанную Соловьевым, и видит два куска голубого телефонного кабеля, перебитого осколком.

– Связь... – прапорщик дергается и стонет, падая ей на руки. – Там связь... нужна связь...

Она и сама понимает это. Но что делать, как быть? И неожиданно для самой себя говорит:

– Лежи здесь, горе мое! Тебе нельзя. Кровь снова пойдет. Я сама справлюсь.

И по-пластунски вперед... Снова насвистывают свою песенку смерти над ее головой торопливые пули, хоть и несчастные, но зато близкие-близкие.

Метр, три, пять... десять метров. Вот он – кабель!

Она достала из сумки скальпель и неумело зачистила им концы, начала скручивать их негнушимися пальцами. Стальные жилы поддавались плохо, но никаких других инструментов у нее не было. Рука сорвалась, сталь ударила тугой безжалостной змейкой по пальцам. Потекла кровь, но Римма не обращала на это внимания, продолжая свое столь непривычное дело. И вот провода кое-как скручены, места скруток обмотаны бинтами – никакой другой изоляции не было. Римма разворачивается и ползет назад – к своему прапорщику.

– Все в порядке, горе мое!

Он прикрывает глаза, силится кивнуть ей и... теряет сознание. Напрасно пытается Римма положить его мгновенно потяжелевшее тело на спину. Один раз, когда она почти добилась своего, пуля чиркнула совсем рядом, пробив полевую сумку прапорщика. «Пристрелялись, – устало подумала Римма. – Как только чуть-чуть поднимемся над поверхностью, так и конец...»

Но дороги вперед больше нет. И выход один – ждать наступления темноты...

Лишь в половине первого ночи, совершенно обессиленная, она доползла до наших траншей, таща на себе едва живого прапорщика. Обоих отправили в госпиталь. Римма, придя в сознание, первым делом спросила:

– Как Соловьев?

Над ней склонился старший полковой врач.

– Тихо, дочка. Все хорошо с твоим прапорщиком. А тебе разговаривать не следует.

Исхудавшей, почти прозрачной вернулась она к своим. И там только узнала: Соловьев, так и не придя в сознание, умер. Обманул ее, оказывается, старший полковой врач, не сказал правды, пожалел...

А несколько дней спустя за мужество, проявленное при спасении офицера, и восстановление линии связи особой важности ей был вручен Георгиевский крест. Второй в ее короткой жизни.

Радовалась ли она, получая столь высокую награду? Спустя многие годы мне рассказывал сослуживец Риммы Алексей Учинский, что вскоре после этого в полк приехал, привлеченный слухами о подвигах Риммы, фотограф из какого-то журнала. И изъявил желание сделать ее снимок «при наградах». А девушка вдруг вспылила и ответила довольно резко:

– Я сниматься не буду!

– Но почему же? – изумились окружающие.

– Потому, что... – она долго искала подходящие слова. – Чем больше орденов на груди солдата – тем больше, значит, убил он других... Мне кажется, было бы гораздо правильнее, если бы тем, кто начинает и ведет войну, выдавали не ордена, а розги. Я лично бы поступала именно так...

...И до сих пор не найдено ни одного снимка Риммы Ивановой, на котором она была бы запечатлена с наградами. А награды были высшими военными наградами России – орден Георгия Победоносца IV степени, Георгиевский крест IV степени, Георгиевские медали III и IV степеней!

Чудом лишь уцелели картонные фотокарточки Риммы довоенной поры: открытый взгляд, едва заметные завитки пушистых волос у виска – милое лицо девушки, для которой честь и служение Родине навсегда остались самым главным богатством в жизни.

На снимках: Римма Иванова – выпускница Ставропольской Ольгинской женской гимназии (1913 г., снимок из архива Ю. Н. Христинина);
Римма Михайловна Иванова (почтовая открытка).

ПУТЬ СТАРОГО ПАРОВОДА

В 1927 году Владивосток встречал самого знаменитого из здравствующих исследователей Севера – Руаля Амундсена. Принимали гостя «на самом высоком уровне», а потому многие «хозяева города» были несказанно удивлены, когда вдруг к именитому норвежцу прямо на городской улице подошел никому не известный моряк торгового флота и что-то сказал ему по-английски. Норвежец неожиданно широко заулыбался и крепко обнял моряка. Журналисты заинтересовались: в чем, собственно, дело?

– Этот моряк с вашего парохода «Ставрополь», – пояснил Амундсен. – Он был на нем радистом. И это он и его товарищи в 1919 году спасли мне жизнь. Я просто счастлив, что могу в его лице высказать слова самой большой моей признательности всей команде этого героического парохода...

Итак, полярник №1 того времени назвал маленький пароходик с деревянным корпусом, обшитым просто оцинкованным железом, героическим. А что представлял он собой на самом деле, чем заслужил столь лестный отзыв человека, имя которого было известно во всем мире? Искать ответ на этот вопрос пришлось долго. К счастью, в архиве народного хозяйства сохранились судовые журналы «Ставрополя», удалось по разным каналам найти его судовые роли, связаться с детьми бывших моряков, собрать воспоминания тех, кто еще был жив и помнил «дела давно минувших дней». Так вот и удалось узнать кое-что из биографии парохода, в частности, историю его причастности к одной из главнейших экспедиций Амундсена.

Оказывается, самым фактом своего появления на свет «Ставрополь» обязан русскому исследователю полярных морей Георгию Седову. Откликаясь на его призыв о создании специального русского флота для плавания к покрытому мраком тайн и легенд устью реки Колымы, ставропольские «граждане, мещане и обыватели» приняли участие в сборе средств на строительство судов. Сбор этот шел в самом начале XX века по всей России, и было объявлено, что суда получают имена городов, которые внесут в казну достаточно средств для их постройки либо приобретения. Так появился Российский Добровольный Флот, в составе которого были суда «Москва», «Петербург», «Кишинев», «Киев»... Суммы, внесенные населением небольшого сухопутного губернского города, оказалось достаточно для того, чтобы приобрести в Норвегии два судна – «Проспер» и «Котик». Первый назвали по имени края, который предстояло изучать и осваивать, – «Колыма», а второй стал «Ставрополем». И плавания последнего по северным морям можно назвать воистину легендарными. Больше десяти раз отправлялся приписанный к Владивостоку «Ставрополь» к устью таинственной Колымы, пять раз, будучи заперт льдами, зимовал в Северном Ледовитом океане, в условиях суровой полярной ночи, и только чудом уцелел. «Ставрополь» высаживал первых советских колонистов на остров Врангеля, создавал новое поселение на мысе Шмидта. И именно ему было суждено сыграть столь важную роль в жизни самого Руаля Амундсена...

***

...«Ставрополь» возвращался из очередного рейса к устью реки Колымы. После довольно беспорядочного трехсуточного блуждания вдоль кромки проточных припайных льдов капитан Грюнфильд понял: как ни печально, но зимовать придется в море. Отдалялись на долгие месяцы свидания с родными и близкими, куда-то за горизонт времени отодвигалось возвращение во Владивосток. Но обстоятельства есть

обстоятельства. Вот почему, собрав команду, капитан коротко проинформировал ее о создавшейся обстановке.

– На зимовку попытаемся стать неподалеку от мыса Северного, там есть одна очень подходящая для этой цели бухта. Если нам удастся в нее войти, пароход будет в общем и целом независим от ледовой обстановки в океане, от ветра и погоды. Места эти населены чукчами. Народ темный, но довольно сердечный и по-своему гостеприимный. Так что мы вполне можем рассчитывать на меновую торговлю с ними. По крайней мере, голодать или питаться одной солониной нам не придется...

С мнением капитана все согласились молча, без возражений. Только один Вася Иваницкий – маленький конопатый матросик – тяжело-претяжко вздохнул: во Владивостоке у него осталась молодая жена, с которой и прожил-то он всего месяц перед рейсом. И вот...

– Терпи, казак, – рассмеялся боцман Иван Москаленко, – атаманом непременно будешь. А может, и капитаном даже!

Москаленко сочувственно подмигнул матросику и отправился к капитану за получением инструкций по организации зимовки.

Через сутки «Ставрополь» бросил якорь в бухте острова Идлидя, у самой кромки припая. А еще через два дня открытая вода позади парохода оделась в прочный белый панцирь – «Ставрополь» оказался зажатым во льду, словно крохотная доисторическая мушка в сияющем куске янтаря.

Тщательно проверив все пароходное хозяйство, отревизовав угольные ямы, капитан приказал погасить топки. Он прекрасно понимал, что именно означает его приказ, но никакого другого выхода просто-напросто не было: черный уголь в таких случаях приобретает цену желтого золота. Постепенно температура в кубрике и каютах упала до минус восьми градусов по Цельсию. Понимая, что жить в подобных условиях в общем-то невозможно, капитан принял решение нанести «визит вежливости» береговым чукчам, или, по местному выражению, чавчу. Прихватив с собой в качестве подношения хозяевам острова несколько коробок с патронами и с десятков курительных деревянных трубок, они отправились по льду к берегу острова...

Поселение чавчу оказалось совсем недалеко, закрытое от холодных ветров склоном высокой голой горы. Убогий вид имело это стойбище! Десятка два яранг, чем-то напоминавших гигантские меховые шапки, лежащие прямо на продрогшей земле, чадили небо тонкими вырывающимися через отверстия в крышах струями сизого дыма. Яранги были почему-то разного размера – одни больше, другие меньше, третьи и совсем крохотные. Боцман не замедлил отметить это интересное, на его взгляд, явление:

– Тю, как-то чудно получается!

– Ничего чудного, – возразил капитан. – Все те же законы развития человеческого общества, что и в цивилизованной среде: кто богат – у того и яранга большая, а кто победнее – тот себе подобной роскоши позволить не может.

– Ишь ты! – причмокнул боцман. – А мы, Генрих Иванович, в какую ярангу пойдем?

– В самую большую для начала. К начальству пойдем.

Миновав упряжку дружно залаявших на моряков собак, они приподняли полы яранги:

– Можно, хозяин?

Никто не ответил, и капитан переступил порог без особого приглашения. Вокруг тлеющего дымного костра сидели до десятка мужчин и женщин в одинаковой одежде из меховых шкур. Было темно, жарко и дымно. Свет глиняного жирника вырывал из этой темноты только лица людей – сухие и изможденные.

– Здравствуйте, – сказал Грюнфильд. – Принимаете гостей?

Никто из сидящих не выразил по поводу визита моряков ровно никакого удивления: наверное, они уже давно обратили внимание на подошедший к берегу пароход и ждали гостей.

После короткого молчания навстречу пришельцам поднялся седой согбенный старик и, вежливо поклонившись, указал на место мгновенно образовавшееся среди раздвинувшихся людей.

– Моя налад лада тебе, лусский матлоса, – сказал старик, медленно подбирая русские слова. – Моя слушай тебя холошо, моя очень твоя слушай!

Грюнфильд медленно, чтобы старик разобрал смысл сказанного, начал говорить о положении, в которое попал «Ставрополь». Пояснив, что русские моряки замерзают, что им нечего есть, он предложил чукчам имеющиеся в трюмах парохода на подобный случай товары – спички, патроны, металлические ножи, мыло, сукно. И, конечно же, порох и огненную воду – водку...

Старик выслушал капитана, не прерывая. Потом понимающе улыбнулся и кивнул в знак согласия головой:

– Моя твоя понимай, лусский матлоса! Твоя получит за товал лисица, много песец.

Поняв, что старик договаривается с ним о торговле на принципах обмена, капитан отрицательно мотнул головой:

– Нет, я прошу взамен у вас совсем другого. Я хочу, чтобы вы разместили моих людей в своих ярангах. На одну только зиму. Иначе нам будет очень и очень плохо. Вы понимаете меня?

Долго молчал старик. Уже догорел костер, а он все молчал и молчал. Капитан и боцман тоже молчали, никак не решаясь торопить старика с ответом. Наконец чукча поднял голову, взял в морщинистые руки глиняную грубую трубку:

– Пусть твоя матлоса живут у чавчу. Пусть твоя матлоса не обижай чавчу.

Заверив старика, что матросы будут вести себя самым подобающим образом, капитан роздал окружающим патроны и трубки и, попрощавшись, отправился на пароход.

На борту «Ставрополя» решено было установить суточную вахту из шести человек, а команду расквартировать среди чукчей. На берег с шумом и шутками отправились 15 «новоселов». Капитан предупредил особо: вести себя по отношению к местному населению корректно, частных обменных операций ни под каким видом не производить, ничего лишнего с собой на берег не брать...

С помощью старика – человека в стойбище, как видно, весьма уважаемого – всех довольно быстро распределили по ярангам, в каждую семью по одному человеку. Новые жилища матросов, несмотря на их кажущийся примитивизм, довольно неплохо сохраняли тепло, конечно, если внутри горел костер. Огонь в очаге день и ночь поддерживали женщины, сменяя одна другую. Они же заготавливали ягель и олений навоз, которые служили здесь, на Идлиде, основным топливом.

Боцман Москаленко попал на постой в одну из самых маленьких яранг, в которой жили двое мужчин и три женщины. Раньше, как выяснилось, и мужчин было трое, но месяц назад одного из них задрал белый медведь. Таким образом, его жена осталась вдовой.

– Твоя может блать ее в жены, – милостиво сказал старик. – Твоя не жалеет будет.

Под дружный общий смех матросов Иван сердечно поблагодарил за неожиданное предложение, но отказался от него.

– Какомэй! Моя не понимай твоя, – с досадой ответил, выслушав его, старик. – Она будет холошо делай кушать, очень холошо.

И он удалился с видом человека, добрый поступок которого оказался не понятным окружающими...

Прошло три недели. Каждый предыдущий день был похож на день последующий, словно два новеньких медных пяка. Матросы ходили на судно отстаивать вахты, возвращались, помогали женщинам заготавливать ягель, готовить пищу. Радиотелеграфист Целярицкий на самодельных проволочных шампурах изготовил очень недурной шашлык из оленьих языков. Удовольствию и восхищению чукчей не было при этом предела. Они лакомились невиданным донине блюдом, закрыв совсем узкие щелочки прямых глаз:

– Вай, вай, как холошо! Много холошо!

А больше, пожалуй, ничего интересного не было.

К исходу четвертой недели завертела метель, и все попрятались в свои яранги, только олени да собаки остались на улице.

Усевшись у огня, Москаленко, опять, в который раз, обратил внимание: чукчанка Рану сидит рядом с ним. Она сняла свой причудливый головной убор, рассыпала по плечам длинные, черные, словно антрацит, волосы. Он незаметно скосил глаза и вдруг почувствовал – красивая женщина сидит с ним рядом! А она, словно угадав его мысли, только улыбнулась краешками тонких бронзово-алых губ: сам, дескать, виноват, что не взял меня в жены.

Неожиданно за пологом залаяли собаки, послышался какой-то шум. Мужчины, а за ними и Москаленко, поспешно оделись и вышли на улицу. Из самой метели навстречу им шагал плотно закутанный снегом человек. Что-то неразборчиво сказав, он свалился на руки подоспевших матросов...

Пришельцу, появившемуся в стойбище столь неожиданным и даже таинственным образом, было очень и очень плохо. Его знобило, он все время что-то выкрикивал в горячечном бреду. Но ни одно из его слов не было понято окружающими. Чукчи предложили было позвать шамана, но помощник капитана «Ставрополя» Алексеев решительно этому воспротивился:

– Обойдемся как-нибудь без помощи духов!

Тогда человека уложили в двойной мешок из оленьих шкур, но он все равно, не приходя в сознание, стучал зубами от холода.

Пяну – так звали старейшину – посмотрел по сторонам. И, ничего не поясняя, величественно кивнул двум оказавшимся рядом женщинам. Те, нимало не смущаясь, быстро разделись догола, обнажив смуглые, покрытые замысловатой татуировкой молодые тела, и забрались в мешок, тесно прижавшись к больному. Через час-полтора он согрелся, бред прекратился: женщины, как видно, сыграли роль живой грелки.

– Вот так медицина! – засмеялся Алексеев. – Полезное с приятным, как говорится!

– Моя знай, что делай! – гордо сказал старик. – Моя всегда делай так, если злой дух холода входит в чавчу.

Кроме всего прочего, Пяну распорядился привести к яранге молодого олешка. Он взял в руки большую чашу и сам подошел к олешку с ножом в руках. Через несколько минут, вернувшись в ярангу, он протянул Москаленко чашу с дымящейся оленьей кровью:

– Пусть твоя болной человек выпьет все! До самый дно! Моя знай, что делай...

Несмотря на некоторое сомнение, высказанное Алексеевым, Москаленко все же начал вливать еще горячую кровь в плотно сжатые губы больного. Через несколько минут по телу его прошла дрожь, он сделал судорожный глоток и, под общий вздох облегчения, открыл глаза. Обвел взглядом склонившихся над ним людей, сморщил лоб, будто пытался что-то припомнить. Потом, с трудом высвободив из мешка руку, попробовал поднять ее, указывая направление:

– Амундсен... Амундсен...

Силы вновь покинули его, он снова потерял сознание.

Собравшись вместе, Грюнфильд, Алексеев, Москаленко, Роцин и Целярицкий обсуждали происшедшее. Еще будучи во Владивостоке, они слышали о том, что покоритель Южного полюса Руаль Амундсен решил предпринять попытку, вмерзнув в лед своим судном «Мод», продрейфовать через Северный полюс.

– Видимо, у норвежца что-то случилось. – Скорее всего, этот человек пришел к нам с «Мод», – высказал предположение Алексеев.

– Пожалуй, так оно и есть, – согласился Генрих Иванович. – Наверное, Амундсен попал в какую-то беду и послал его, чтобы найти в океане людей, землю. Во всяком случае, не подлежит сомнению только одно: одинокие путешественники посреди льдов и торосов ни с того ни с сего не появляются...

Еще через сутки больной окончательно пришел в себя. Чукчи еще раз напоили его горячей оленьей кровью, и он окреп настолько, что смог говорить. Гость действительно оказался матросом с «Мод». Затертое льдами судно дрейфовало на северо-запад, никаких надежд пройти через широту Северного полюса у Амундсена больше не оставалось. Зато появились болезни, кончались припасы. И Амундсен, посылая своего человека к берегу, дал ему указание найти способ снестись по радио с Америкой: американцы в этом случае смогут сообщить в Норвегию весть о бедственном положении судна, попросить выслать в помощь экспедиции аэроплан.

Норвежский матрос с надеждой смотрел сейчас на матросов «Ставрополя». Он, конечно же, рассчитывал на судовую радиостанцию русских. И, конечно же, ничего не знал о том, что топки парохода давно погашены и вычищены. А это значило, что нет на борту «Ставрополя» энергии, нет, стало быть, связи с Большой землей.

...Существует старое поверье: настоящим моряком не может быть человек с нечистой совестью. Море требует от людей немало сил и достоинств, не прощая им ни единой слабости. Вот почему вечером в яранге Грюнфильда собрались едва ли не все свободные от вахты члены команды «Ставрополя». Решался вопрос о способах оказания помощи попавшему в беду судну норвежского путешественника. Уже благополучно выкурили целый коробок табаку, но сколько-нибудь стоящей мысли в голову никому не приходило. О том, чтобы поднять пары – не могло быть и речи: каждый пуд угля находился на строгом учете, его было в обрез на обратный путь только-только до Петропавловска.

– Что же все-таки делать? – в который раз Генрих Иванович обводил взглядом лица товарищей. – Не можем ведь мы сознаться гостю в своем бессилии...

А в последнем, кстати говоря, не было бы ровно ничего зазорного: «Ставрополь» и сам находился в крайне незавидном положении, сам, по хорошим временам, нуждался в помощи со стороны. Можно, наверное, взять да и просто-напросто пояснить норвежцу: так, мол, дорогой наш человек, и так: связи с Америкой при всем своем желании установить не сможем...

– Выход? – капитан поднимался и снова устало опускался на разостланные в яранге теплые оленьи шкуры. – Я твердо знаю, что какой-то выход непременно есть.

Как истинный моряк-полярник, Грюнфильд с юношеских лет усвоил одну простую и одновременно сложную истину: безвыходных положений на свете не бывает. Но они, положения эти, обязательно появляются, как только человек теряет волю и опускает руки.

И, как ни удивительно, и на сей раз выход тоже был найден. Правда, не тотчас, а почти сутки спустя. К капитану по собственной инициативе подошел Целярицкий и молча протянул ему исчерченный карандашом лист бумаги. Генрих Иванович взглянул на него, ненадолго задумался, а потом лицо его посветлело.

– Молодец, братец! – восторженно воскликнул он. – Исполнено не хуже, чем в императорском театре! И сколько же, по-твоему, понадобится людей, чтобы оперативно смонтировать сию установку?

Радист неопределенно пожал плечами:

– Человек десять-двенадцать, никак не больше.

– А по времени?

– Пары дней, полагаю, хватит...

В тот же день со «Ставрополя» сняли рулевое колесо и динамо-машину. С помощью хитроумной системы, состоящей из вала и передаточного механизма, прямо на льду соорудили установку, которой кто-то мгновенно дал название чертовой машины. С помощью кабеля ее соединили с радиорубкой парохода, и Алексеев, дабы поддержать состояние всеобщей приподнятости, торжественно перерезал ножницами «ленту», протянутую у колеса:

– Прошу почтеннейшую публику ознакомиться с удивительными последними достижениями современной отечественной техники!

Несмотря на то, что роль ленточки выполнял самый обыкновенный телефонный провод, а на улице стоял сорокаградусный мороз, раздались дружные аплодисменты.

– К штурвалу! – торжественно скомандовал Алексеев. – Даешь энергию на нужды Норвегии.

Чтобы обеспечить необходимое напряжение, по подсчетам Рощина, предстояло вертеть этот самый штурвал не менее двадцати пяти оборотов в минуту. Дело это оказалось далеко не таким уж простым и легким: буквально через десять минут от первой смены матросов повалил пар, и они сбросили полушубки на лед. Но зато восторгам не было конца, когда появившийся у борта парохода радист поднял обе руки вверх: аппаратура заработала.

Сутки прошли в тревогах: радисту никак не удавалось установить связь с континентом. Несмотря на все его старания, эфир упорно безмолвствовал.

– Так мы долго не протянем, – тяжело вздыхал Грюнфильд. – Подобная физкультура команде скоро окажется не по силам...

Но, как иногда случается в жизни, помощь пришла совершенно неожиданно, и оттуда, откуда ее никто не ожидал. Вернувшиеся с охоты мужчины стойбища, столпившиеся вокруг машины, долго и восторженно щелкали языками, глядя на горящую контрольную электрическую лампочку. Крутят колесо матросы – горит удивительная штуковина, перестают крутить – гаснет.

Наконец, из их толпы вперед, к чертовой машине шагнул какой-то парень. Он нерешительно протянул руку к колесу, робко посмотрел на Алексеева. Тот только безнадежно махнул рукой:

– Ладно уж, покрути немножко, коли тебе и вправду так хочется...

Чукча ухватился за рукоятки и с таким усердием завертел колесо, что лампочка, под общий гул зрителей, загорелась ярче прежнего.

– Началник! – истошно завопил, рванувшись вперед, еще один из охотников. – Началник! Моя тоже будет клути колесо! Позволь, началник?!

Словом, чертова машина с этого момента больше не знала ни минуты роздыха: чукчи, сменяя друг друга, не отходили от нее ни на шаг. Сам этот нехитрый производственный процесс, как видно, доставлял им огромное и неподдельное удовольствие, а усердие их только утроилось, когда расчувствовавшийся капитан приказал выдать каждому из охотников по стакану огненной воды. Водка вдохновила чукчей, как вдохновляют аплодисменты не слишком избалованного ими артиста.

– У-э-э-эх! – пронзительно взвизгнул один из работников, и все остальные, дружно подхватив клич, снова направились было к машине. Алексееву стоило немалого труда умерить их трудовой пыл:

– Сейчас не надо, други мои! – пояснил он умоляющим голосом. – Сейчас надо спать, по ярангам идти. Отдохнем немного, опять крутить будем. Потом поработаем, други мои!

Но даже целая неделя усилий не принесла команде ничего нового: связи с Большой землей по-прежнему не было, а надежд установить ее оставалось все меньше и меньше... Единственное, что обрадовало всех, – услышанная по радио весть об установлении Советской власти в Анадыре. Обсуждали ее на все лады, судили, рядили и комментировали каждый по-своему. Конец дебатам положило еще одно, не менее сенсационное и удивительное происшествие: в стойбище пришли двое моряков с «Мод». Гансен и Вистинг – так звали норвежцев – были посланы Амундсеном на поиски возможно зимующих в Арктике судов. После встречи и беседы с ними капитан только головою вертел от изумления:

– Понимаете ли вы, какая это удивительная вещь! – в который уже раз говорил он своему старшему помощнику. – Этот знаменитый норвежец, как видно, и вправду родился в рубашке. Он ведь решил найти иголку в стоге сена, да еще и среди темной полярной ночи. И нашел! Можете представить себе подобное чудо – он нашел эту самую иголку!

...После полумесяца бесплодных попыток установить связь с американским побережьем капитан Грюнфильд полностью осознал всю их безнадежность.

Снова собрался в его вместительной яранге «военный совет», снова начались мучительные поиски выхода. Ясно было только одно: норвежцам нужно пробираться в Анадырь. Только оттуда, используя мощную береговую станцию, можно будет перекинуть радиомост на Аляску. Но как это сделать?

Решено было купить у чукчей две собачьи упряжки: одну – для путешественников, вторую загрузить провиантом и кормом для собак.

– Думаю, что хорошие деньги помогут уговорить чукчей дать норвежцам и проводника, – сказал Алексеев, – да вот только беда: в нынешнее тревожное время они, несмотря на отсталость, признают только золото. У норвежцев его нет вовсе, а у нас – кот наплакал. Но лично у меня два золотых червонца наберется...

– В чем же дело, давайте сбросимся! – воскликнул Москаленко. – Бог с ним, с тем золотом, речь о судьбах человеческих идет. Я вот сам, к примеру, семь золотых припрятал. Но ничего, дело наживное, потом еще подсоберу. Давайте, Генрих Иванович, я сам с матросами поговорю.

Вечером Пяну, внимательно выслушав просьбу команды «Ставрополя», задумчиво и долго смотрел на положенную у его ног небольшую кучку золотых и серебряных монет. Потом неожиданно спросил, повернувшись к Алексееву:

– Твоя блат есть?

– Он, видимо, интересуется, имеешь ли ты брата, – попытался расшифровать странный вопрос капитан. – Зачем ему это?

И Грюнфильд сам ответил за помощника:

– Имеет он брата, Пяну. Старше его лет на пять.

– Твоя тоже белеет с блата золотой за доблый дело?

– Ну уж! – возмутился Алексеев от одного подобного предположения. – Еще чего старик выдумал! Разве с брата за услугу деньги берут?

Пяну снисходительно улыбнулся и, кивнув понимающе головой, отодвинул осторожно деньги от себя подальше. Потом встал и торжественно произнес:

– Чавчу и лусский, – он ткнул морщинистой рукой в грудь сначала себя, а потом Алексеева, – и есть блатья. Моя – твоя блат, твоя – моя блат! Моя не белеет от блат деньги. Моя дает блата собак, дает налты, дает еда, дает пловодник. А золото моя не белеет...

Алексеев порывисто сделал шаг вперед и обнял старика, который был на две головы ниже его самого:

– Спасибо тебе, брат! Огромнейшее спасибо!

И все чукчи, как замороженные, смотрели на эту необычную сцену. Никогда еще ни один белый не обнимал ни одного чукчу, не целовал его, не называл своим братом!

...Провожали маленькую экспедицию торжественно, с троекратным ружейным залпом.

– Бог вам в помощь, друзья, – сказал на прощание краткую речь Грюнфильд. – Думаю, что придет время – еще встретимся. У русских говорят: мир тесен...

Исчезли в мгновение ока в снежном тумане быстрые собачьи упряжки, затихли вдали звонкие крики проводников. И, смахнув с ресниц налипший снег, капитан повернулся к Алексееву:

– Скоро уж и подвижка льда, надо полагать, начнется. Весною вовсю пахнет. Надо бы нам начинать готовиться в обратный путь.

«Мы честно выполнили поставленную перед нами задачу, – записал тогда капитан в рейсовом отчете. – Думаю, что, если не сейчас, то впоследствии не только команда, но и морские власти Норвегии будут признательно их российским коллегам за оказанную «Мод» бескорыстную помощь, более коей сделать мы уже не в силах.»

***

На прощанье Амундсен крепко пожал руку моряку Владимиру Целярицкому – тому самому радисту «Ставрополя». Ни советский радист, ни великий норвежец не знали, что это была их последняя встреча. Через год Руаль Амундсен погиб при поисках полярной экспедиции Нобиля...

А пароход «Ставрополь» продолжал свои непростые ледовые походы вплоть до Великой Отечественной войны, которую прошел будучи переоборудованным в минный тральщик. И подорвался на блуждающей мине в Охотском море уже после войны. Там и лежит он на дне, под холодными северными водами.

Имя «Ставрополя» по старой морской традиции унаследовали сначала два сухогруза Азовского и Черноморского пароходств, а сейчас оно значится на борту пограничного сторожевого корабля на Каспии. Это – своеобразный памятник мужеству и героизму российских моряков старшего поколения. Жизнь на наших морях продолжается...

На снимках: Пароход Добровольного флота «Ставрополь» в Чукотском море (1916 г., из фондов музея Дальневосточного морского пароходства);
Боцман парохода «Ставрополь» Иван Москаленко (1930 г.).